

Российская Академия Наук
Институт философии

**СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО,
СОЦИУМ, ЧЕЛОВЕК: РОССИЙСКАЯ
СПЕЦИФИКА**

Москва
2010

УДК 300.331
ББК 15.51
С 56

Ответственный редактор
доктор филос. наук *В.Н. Шевченко*

Рецензенты
доктор филос. наук *А.В. Дмитриев*
доктор филос. наук *И.А. Крылова*

С 56 **Современное государство, социум, человек: российская специфика** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2010. – 243 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0175-4.

Авторы монографии сконцентрировали свое внимание на обосновании целей и задач современного российского государства, на состоянии социума, на тех горизонтах, которые открываются перед человеком в меняющихся условиях его жизни и деятельности. Проведен сравнительный анализ принципов западной и российской цивилизации, показаны результаты воздействия Запада на русскую культуру и общество, на ход отечественной истории, разобрана дилемма – модернизация или особый путь развития России.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами модернизации российского государства и общества.

Предисловие

Страна постепенно вступает в новый этап модернизации. В ходе развернувшейся дискуссии возникло много новых вопросов и неясностей, на которые как ученые-гуманитарии, так и публицисты, профессиональные политики пытаются найти ответы. Включаясь в эту дискуссию, сотрудники сектора философских проблем политики решили сконцентрировать свое внимание в книге на уточнении целей и задач современного государства, формирующихся при его участии качественных характеристик социальной реальности, а также смыслов и перспектив, которые открываются (или не открываются) перед человеком в новых меняющихся условиях его жизни и деятельности.

Представляется, что значимость нового этапа модернизации все же несколько преувеличивается в дискуссиях последнего времени. Модернизация страны на самом деле идет с начала 90-х годов прошлого века, она лишь меняет к какой-то мере свои очертания. Сегодняшний этап модернизации скорее можно рассматривать как конкретизацию параметров того периода модернизации страны, который ведет свой отчет с момента прихода к власти В.В.Путина. В нынешних дискуссиях, развернувшихся вокруг исходных документов по модернизации, должны стать более понятными объем и масштабы тех задач, которые еще нужно сформулировать, если мы хотим, чтобы заявленная модернизация страны состоялась. Но что действительно актуально, так это более точное, насколько это позволяют наши знания и информация, определение стратегических перспектив, присущих этой модели модернизации, которые, по-видимому, можно оценить сегодня в общем как проблематичные.

Эта проблематичность связана, прежде всего, с отсутствием глубоких, теоретически выверенных оценок состояния современного российского государства, общества, объективного положения и самочувствия различных социальных групп и самого человека.

Если говорить более конкретно, то при обсуждении смысла понятия модернизации очень часто обращается внимание на размытость самого понятия. Такая ситуация безусловно представляет серьезную опасность для определения государством реальных, а не иллюзорных политических целей стратегического характера.

В монографии обращается внимание на исторический контекст появления теории модернизации в середине XX в., имевшей тогда вполне определенную идеологическую направленность и смысл.

С тех пор понятие модернизации приобрело всеобщий характер и универсальную применимость для осмысления различных исторических эпох, конкретных судеб практически всех стран, в которых имели место сколько-нибудь существенные реформы. Сегодняшняя популярность термина «модернизация» часто затмевает сущностную связь этого понятия с определенным явлением – европейским (классическим) модерном. В частности, должны быть приняты во внимание принципиальные отличия культурных оснований европейского проекта модерн и российского бытия с тем, чтобы можно было рассчитывать на успех нового этапа модернизации российского общества.

Дело в том, что далеко не все культурные основания конкретных европейских достижений, которые заимствовались на различных этапах реформирования страны, транслировались, встраивались в отечественную культуру, становились, точнее говоря, могли стать ее органической частью. Отечественная культура до сих пор сохраняет свое историческое своеобразие, хотя многое в ней изменилось под влиянием многовековых контактов с европейской культурой и цивилизацией (если не принимать во внимание здесь другие влияния). Таким образом, обнаруживается еще одна проблема, которое уделено особое внимание в монографии, – важность сравнительного анализа исходных, далеко не совпадающих между собой, принципов западной и российской цивилизации, влияние этого обстоятельства на всю многообразную живую ткань исторических отношений России с Западом.

Длительный период взаимодействия России с западной, сугубо индивидуалистической, «мужской» цивилизацией, с ее ярко выраженным экспансионизмом по отношению к России, сформировал в стране в итоге весьма неорганичную культурную и социально-политическую реальность. Женское, духовное начало, свойственное российской цивилизации на протяжении тысячелетия, в значительной мере оказалось утраченным, что и завело Россию на рубеже веков в цивилизационный тупик.

Одно из условий достижения успехов в ходе реформирования России, подчеркивается в монографии, заключается в четком осознании недостаточности одних только технологических импуль-

сов модернизации. Сегодня на фоне бесконечных разговоров о будущих судьбоносных успехах новых технологий, таких как биотехнологии, космические и информационные технологии, ядерная энергетика, практически не становятся предметом серьезных дискуссий вопросы состояния и качества российского социума и человека, механизмы именно благотворного воздействия технологических перемен на социальную и человеческую реальность в масштабах всей страны.

Если говорить о сути сегодняшнего заявленного этапа модернизации, то ее в самом общем смысле можно назвать либерально-консервативной моделью, у которой есть пределы своих несомненно позитивных возможностей и свои, как видимые, так и более глубинные ограничения.

В отечественной научной и философской литературе сложилась в последние годы удивительная ситуация. Весь мир говорит о кризисе современного мирового, глобального капитализма, необходимости его замены на качественно новую модель капитализма, а у нас такие понятия, как капитализм и социализм, оказались фактически табуированными, по крайней мере, их использование превращает любого ученого практически в маргинала. Разумеется, нет этих понятий и в официальном политическом языке, если не принимать во внимание негативные оценки советского социализма. И это имеет место в то время, когда во всем мире существуют самые разнообразные и нередко весьма влиятельные социалистические движения, ведет активную работу в мировых масштабах Социнтерн и социал-демократия, не говоря уже о более радикальных движениях, в том числе и коммунистических. Наконец, существует Китай, который четко себя позиционирует как социалистическое государство. В этих условиях сегодня следует всячески подчеркивать несомненную значимость использования понятий капитализма и социализма для выявления подлинных смыслов у заявленного нового этапа модернизации российского общества.

Важное место в дискуссиях последнего времени занимает проблема особого пути развития России, который трактуется, как правило, как особого рода Большой проект, выходящий далеко за рамки либеральной и либерально-консервативных моделей российской модернизации. Общий смысл рассуждений об особом пути развития страны заключается в том, что на каждом истори-

ческом этапе ее реформаторы ставили перед собой весьма амбициозные задачи по достижению иным способом, по сравнению с западным обществом, главной для них цели – превращения страны в великую, независимую, могущественную в военно-политическом и экономическом отношениях державу. Особую и совершенно незаменимую роль играет в решении такого рода задач российское государство.

Но этот путь – не конфронтация с Европой, а альтернативность общественным порядкам Европы в рамках более глубоко понимаемого сущностного единства России и Европы. Не копирование и не повторение чужих путей и способов, а свое собственное видение путей и методов достижения страной необходимых для ее существования независимости и могущества. Развитие по особому пути создавало совершенно удивительную атмосферу напряженного и самоотверженного труда миллионов российских людей, создавало особый настрой в душе каждого человека, ощущения им своей причастности к свершению великих задач и целей. Именно в такие периоды Россия становилась одним из главных субъектов мировой истории, жила полноценной жизнью в истории, творила Историю.

Сегодня весьма востребованным становится научно беспристрастный сравнительный анализ либерально-консервативной и социалистической интерпретаций намечаемого этапа модернизации российского общества, рассмотрение обоснованности новой социалистической альтернативы как современной формы особого пути развития России с использованием в подтверждение этой позиции позитивных результатов отечественных реформаторов прошлого. Новое историческое задание России должно оформиться как особый нравственный, культурный императив для власти и общества в целом. Вновь и вновь приходится возвращаться к рассмотрению той особой роли, которую играла и продолжает играть духовная сфера в жизни российского общества и в российской истории. Обращение к этой сфере должно стать стрелковой идеей в антикризисной, модернизационной стратегии России.

Однако здесь нужна дальнейшая работа по конкретизации того, как связана духовность с решением задач по реализации «общего дела» всех россиян. Наиболее глубинной константой, направляющей историческое развитие России, выступает освоение российского пространства. Особые пути развития, реализованные такими

реформаторами, как Петр I и Сталин, не только выводили страну на качественно иную ступень развития, но и оказывались этапами в освоении и стягивании государством российского пространства. Сегодня нужна новая философия российского государства именно с точки зрения организации прорыва всей страны к новому историческому этапу развития и вместе с тем к новому качеству в освоении российского пространства. Эту миссию в главном и наиболее существенном может взять на себя только авторитарное государство, властно-управленческая вертикаль. И в реализации этой миссии можно увидеть историческое оправдание авторитаризму независимо от того, будет ли он «мягким» или «жестким», тем, что нередко называется в литературе «диктатурой развития».

Если духовность не укоренена в практику повседневной профессиональной деятельности миллионов людей и каждого человека в отдельности, тогда ее значимость для общества в лучшем случае ограничивается решением проблем нравственного самосовершенствования индивидуума, культивированием в обществе частных духовных практик.

Важное место в программе нового этапа модернизации российского общества играют вопросы дальнейшего реформирования отечественной политической системы, придания ей новых демократических черт и механизмов. В связи с этим большое значение приобретает систематическое ознакомление нашей научной общности с опытом стран, которые более успешно двигаются по пути проводимой ими модернизации. Анализ материалов дискуссий по вопросам идеологии, политической демократии, роли гражданского общества, которые прошли в самое последнее время в китайской научной и партийной литературе, дают огромную пищу для размышлений.

Наконец, в монографии поднимается ряд вопросов методологического характера, связанных с познавательной ограниченностью современного понятийного аппарата, который сложился в отечественном социальном знании, в связи с резким усложнением, размытостью и неопределенностью нынешней социальной реальности. Особенно это касается взаимодействия человека с окружающей его социальной реальностью, выработки человеком ценностных ориентаций, социальных установок, целей и смыслов своего существования.

Автор каждого из разделов работы обладает своим собственным видением поставленных проблем, способов их изложения и обсуждения. Но весь авторский коллектив объединяет наличие в значительной мере общей позиции, что позволяет говорить о работе как о коллективной монографии, а не о сборнике статей. Неокончателность выводов и положений, содержащихся в работе, позволяет надеяться, что к результатам проведенного исследования, их содержательности, оригинальности и доказательности будет проявлен интерес со стороны научной и философской общестственности.

В.Н. Шевченко

Предпосылки и логика российских трансформаций

Завораживающая популярность термина «модернизация» и страстное желание наконец-то осуществить ее в России почти полностью затмили для нас сущностную связь этого понятия с конкретным пространственно-временным явлением – **европейским** модерном. Модернизация воспринимается как часть общеэволюционного процесса, который с той или иной степенью удачливости реализуется или не реализуется в любой стране сегодняшнего мира. При этом неудачи *общественной* модернизации редко погружают нас в размышления о сущностных отличиях в исходных посылках европейского *культурного* проекта модерна и российского бытия. Однако именно эти коренные расхождения составляют главные препятствия на пути преобразования российской современности и приведения ее в разумное соответствие с западным аналогом.

Главная черта европейского проекта модерна – объективация структур разума, реализация принципа рациональности в повседневности. Центральное достижение этого проекта состоит в том, что он сформировал особый род субъекта – рационально-волевого субъекта. Его определяющими особенностями стали, прежде всего, индивидуализм и автономия действия. Именно они видятся как субстанциальная основа государства. Однако претензии на своеобразие в структуре такого субъекта тесно сопряжены с добровольной ответственностью за то, что он делает. Моральные понятия эпохи модерна основаны на праве отдельного человека делать то, что он должен, однако при непременном исполнении требования

преследовать свое особенное благо только в согласии с благом всех других. И если государство и общество превращаются в модерне в соответствующие воплощения принципа субъективности, то они не превращаются в анархическую мозаику самопроизвольных действий враждебно настроенных и непримиримых субъектов. Сохраняется глубокая интегрированность общества, основой которой становятся структуры разума. Рационален субъект, включенный в общее целое на основе глубоко интериоризированного понятия долга. Рационально действие субъекта, базирующееся на крепком фундаменте интериоризированного понятия закона. Европейский субъект к концу эпохи модерна достигает, таким образом, точки соответствия веберовской целерациональности.

Что касается российской действительности, то к настоящему времени мы имеем практически полное отступление от описанной европейской «культуры модерна» как на уровне автономных индивидуальных действий, так и в плане ответственности управляющих за консолидацию общества в целом.

Чтобы глубже понять основания наших неудач на поприще позитивной трансформации социума, необходимо ясно и прочно осознавать сущностное различие между модерном как парадигмой и модернизацией. И сколь привлекательными бы ни были для нас, как, впрочем, и для десятков других народов, прогрессивные формы быта, общественно-государственного устройства и прочие земные блага, привносимые европейской цивилизацией, не следует слишком обольщаться относительно «данайских» даров модернизации. Модернизация не есть вхождение в модерн, в европейскую цивилизацию модерна. По сути, она есть не что иное, как последнее, правда, будем надеяться, не самое худшее издание западного миссионерства и европейского культуртрегерства. Но ведь история отчетливо показала, что оба эти явления неотделимы от прилагательного «колониальный» – пусть даже не по «святым» намерениям, так по фактическим результатам, не по замыслу, так по следствиям.

Концептуальное ядро модерна составило новое понимание субъективности – признание индивидуализма как принципа организации жизни Нового времени. Государство, общество, наука, мораль и искусство предстают в модерне как соответствующие воплощения принципа субъективности. Собственно, в самой **идее**

субъектности, самоценности субъекта как высшего принципа мира нет ничего предосудительного. Более того, неоспоримым представляется высказывание Гегеля о том, что «индивидуум *как таковой* имеет *бесконечную* ценность»¹.

Проблема возникает тогда, когда достижения конкретно-европейской и локально-географической рациональности становятся «установочными», единообразными принципами для всего остального мира. Действительно, материальные потребности в пище, одежде, жилище, организации трудового процесса и т. д. у всех более или менее одинаковы. Эти социально-психические элементы общи всем людям. Беда в том, что сосредоточение исключительно на них приводит к насаждению только внешних форм быта, которые воспринимаются как высшие и окончательные достижения и цели человеческого существования. В таком случае материальная техника, чисто рационалистическая наука и эгоистически утилитарное мировоззрение получают решительный перевес над всем остальным. Как верно замечает Н.С.Трубецкой, «японец и немец могут сойтись только на логике, технике и материальном интересе, а благодаря этому все прочие элементы и движущие пружины культуры постепенно должны атрофироваться»².

Возникает опасность даже не столько нивелировки культур, сколько их вырождения, деградации духовно-нравственной самоценности культуры, составляющей ее подлинный гуманистический смысл. К тому же, надежды на сближение различных народов только на основании общности материального фундамента повседневности есть глубочайшее заблуждение. Н.С.Трубецкой указывает, что ошибочно было бы думать, будто таким образом «упраздняются перегородки и облегчается общение между людьми... Никакое братство и неосуществимо вовсе, когда во главу угла ставятся эгоистические материальные интересы, когда техника сама собой вносит мотив международной конкуренции и милитаризма, а самая идея интернациональной цивилизации порождает замыслы империализма и мирового господства. Упразднение или низведение на второстепенное место духовной стороны культуры ведет только к моральному одичанию людей и развитию личных эгоизмов, что не только не упраздняет, но, наоборот, увеличивает трудности общения между людьми и углу-

бляет вражду между отдельными социальными группами даже в пределах одного и того же народа»³. Удивительно, но сегодня это высказывание начала прошлого века звучит чрезвычайно актуально. Почему?

Все дело в том, что с модернизацией транслируются вовсе не культурные основания европейских достижений. Да это и невозможно, ведь они есть результат, органически выросший из аутентичной европейской ментальности, на что справедливо указывал еще М.Вебер. Транспортируются **конечные продукты** многовековой внутренней работы стран Запада – права человека, концепция гражданского общества, парламентаризм. Но в таком случае мы фактически впадаем в светский вариант обрядоведения. Если бы мы желали достичь подлинного гуманитарного прогресса, следовало вести речь об идеях, которые должны наполняться конкретно-национальным содержанием. Тогда место слогана «права человека» должна занять идея **человеческого достоинства как первичный принцип** и фундаментальное основание прав человека. Первичность принципа достоинства человека никак не могла бы обернуться тем моральным и физическим беспределом, к которому привело распространение в современной России исторически непереваренного и анархически понятого концепта «прав человека».

Ядром организации духовно и душевно комфортного человеческого общежития должна быть **идея уважения людей друг к другу**. Однако эпоха «перестройки» конца XX в. ознаменовалась внедрением лозунга «гражданского общества», формула которого в России совершенно не ясна, поскольку отсутствует центральный актор такого общества – ответственный, законопослушный гражданин, пекущийся об общественном благе. В таком социальном контексте совершенно естественными стали распад социума и анархическое сосуществование одиночек, живущих по закону городских джунглей или по понятиям уголовного мира под контролем мафиозных структур. Вместо желанной реализации гражданской свободы мы получили бесправие слабого и всевластие коррупционера, главенство грубой силы и «воров в законе». Вместо утверждения «священного права собственности» мы имеем социальную обособленность, замкнутость, замешанные на страхе, и агрессивный имущественный передел.

Разумеется, существует «закон о защите чести и достоинства», который призван компенсировать социальные перверсии концепции прав человека. Однако следует и здесь отметить, что речь идет о законе. И закон этот есть инструмент и результат европейской контекстуальной рациональности. Он мог бы претендовать на универсальность, если бы, во-первых, могла быть равнозначная интерпретации личности в европейском и российском сознании и, во-вторых, если бы укорененность самой законности в коллективном менталитете Запада и России была тождественной. Что касается различий в понимании личности, то необходимо помнить, что в концепте прав человека речь идет об **индивиде**, а не о человеке вообще. «Индивид» есть социальный конструкт, выработанный в историческом контексте европейского культурного модерна с его особым набором культурных ценностей и норм, весьма отличных от наличного российского контекста и сознания.

Все это заставляет нас вернуться в исходную точку и переосмыслить сами принципы инициации социальных новаций. Очевидно, радикальные гуманистические «идеи» есть всего лишь «закваска», которая должна принести различные плоды в разных культурах. Результат «брожения» всегда зависит от состава теста. Конкретные формы социальных преобразований на основе глубинных гуманистических идей достоинства человека, взаимоуважения и духовного общения дают разные всходы в зависимости от той культурно-исторической почвы, в которую падают зерна этих идей.

Заметим, что модернизация прошла успешно в Японии и, возможно, станет результативной в Китае. Но это именно такие страны, в которых была крепка и монолитна сложившаяся веками и «не поддавшаяся на обман» собственная национально-культурная идентичность. Чувство национальной исключительности уходило корнями в многовековую культуру, которая ко времени модернизации была глубоко осознана народами этих стран, ценима и не поколеблена расколами, гражданскими войнами, насильственной эмиграцией и уничтожением масс населения – носителей исконного культурно-цивилизационного кода.

Постсоветская «бархатная» революция конца XX столетия – очередная попытка вписаться в европейский проект модерна. Однако происходит это на том временном отрезке, когда само ев-

ропейское общество уже вышло из эпохи модерна и переходит в другую стадию – постмодерна. Естественно, что российское общество, которое еще не совершило аутентичной работы по переработке своего коллективного бессознательного в соответствии с требованиями общества модерна, представляет картину полнейшего замешательства.

Метафизические основания революционных потрясений

Философской основой проекта модерн на Западе были идеи Просвещения, главной из которых обычно называют концепт прогресса. Последний развертывается преимущественно в координате времени. Недаром экономико-финансовой квинтэссенцией эпохи капитализма стал лозунг: «Время – деньги». Над Россией же довлеет идея пространства, необъятности и обширности ее просторов. Благодаря своей природной весомости идея эта вступает в определенный конфликт с категорией времени, которая главенствует в европейском коллективном сознании. Развернувшись до горизонта, естественного предела, формируя простор для созерцательности, российская огромность завораживает человека и позволяет ему расслабиться. И, как поется в известной песне, прилечь возле старой дороги, свободно раскинув руки, «головой на пригорок, на высокий курган..., а ногами – в долину, пусть накроет туман»⁴.

Вот тут-то и врывается в судьбу страны, народа и государства вектор времени, императив модерна, приносимый западными ветрами, буквально потрясая и взрывая всю ее социальную структуру. Наступают эпохи революций, переворотов и перестроек. При этом важно заметить, что не люди владеют временем, а оно господствует над ними. Гениальный А.Платонов тонко чувствует и на грани кошунства по отношению к человеческой духовности формулирует этот императив: «...дети – это время, созревающее в свежем теле...»⁵. Таков метафизический лейтмотив российских революций. Стремясь наверстать упущенное, обогнать время, революционные прорывы жертвуют целыми поколениями, делая ставку на новое племя, которому суждено воплотить в жизнь, реализовать очередную модель прогресса.

Исторически такая формула повторялась неоднократно. И каждый раз она теснейшим образом коррелировалась с влиянием иноземных идей. Отрефлексированное современной западной философией рождение модерна датируется XVI в. Именно под влиянием этого феномена, с небольшим временным лагом Россию накрывает первая волна крутой модернизации. Она воплощается в деяниях Петра и инициирована энергетикой западных перемен и достижений – западного прогресса. Совершив прорыв, награвстав упущенное время, народ вновь погружается в летаргию до следующего толчка – революции начала XX в., которая, в конечном счете, заставляет страну войти в эпоху (временная категория) бурной индустриализации. Ей сопутствует европейская формула промышленной, научной, культурной и социальной революции. Рекорды и подвиги вновь позволяют преодолеть временное отставание, и на смену им приходит отдохновение застоя. И, наконец, недавняя попытка «прорыва» в европейский модерн, «ускорение» конца XX в., совпадает с закатом или завершающимся этапом «проекта модерн», переходом его в новое качество – постмодерна.

Эти три прорыва европейского модерна в российское пространство не органичны для последнего настолько, насколько сам проект прогресса органичен для Европы. Транспортируя западные паттерны, российские лидеры не задумывались над тем, что фундаментом технической стороны модерна был «культурный модерн» – специфические для Запада ценности и модели поведения, которые одни собственно и позволяли реально воплотить в жизнь шокирующие нас сегодня экономические и социально-правовые достижения. «...Советская власть сильна, а здешняя машина тщедушна, она и не угождает...», – говорит один из персонажей А.Платонова⁶. И потому спешно и неумело «ломаю вековой грунт», не осознав особенностей именно российского «старинного природного устройства», мы реализуем чужую схему и оказываемся в ситуации, когда «время всю пользу съест» (по выражению того же А.Платонова). Но тогда уж, подобно одному из действующих лиц указанного романа, нам впору чинить лапти, «собираясь отправляться в них обратно в старину»⁷ – к истокам нашей традиции, чтобы выстроить свой органичный вариант модерна.

Неорганичность заимствования приводит к тому, что в эпохи переворотов повторяется психологическая ситуация пореволюционного времени начала XX в. **Время «прорыва» России в общество европейского модерна** одновременно воспринималось тогда национальным коллективным бессознательным как потеря себя, утрата чего-то центрального, сакрально-ценного в своем бытии. Это характерным образом отражено в прозе того периода. В повести «Котлован» человек, строя и созидая заветное «светлое будущее» (т. е. общество модерна: для Запада, оно – настоящее, для России – будущее), фактически и актуально живет, как пишет А.Платонов, «мимо смысла». Он активно включен в деятельность, безмерно социально ангажирован, но он не становится гражданином, не воспринимается позитивно по-аристотелевски как «политическое животное». Напротив, он, как выражается один из героев повести, «живет благодаря одному рождению»⁸.

Все три «попытки прорыва» России в модерн недаром обозначаются в нашей литературе как этапы модернизации. И это крайне существенно, ибо *общественная* модернизация отлична от импульсов *культурного* модерна. Доктрина модернизации разрывает внутренние связи между модерном и историческим контекстом западного рационализма. Теория модернизации отделяет модерн от его истоков – Европы Нового времени, стилизует как образец для социального развития вообще, нейтрализованный в пространственно-временном отношении, замечает Ю.Хабермас⁹. Для России, которая прямодушно и открыто стремится приладить социально-политические новации европейского модерна на своей отнюдь не европейской культурной почве, эта операция смерти подобна. Недаром предреволюционная духовная атмосфера в стране в начале XX в. пронизана веяниями разложения и смерти. Еще не случилось роковое уничтожение централизующей силы «удерживающего», Россия все еще «державна», еще формально присутствует монархия, но предвестие смерти культурной формации ощутимо в полной мере. Скрещивание с идущими с Запада «новыми настроениями» рождает упоение, зачарованность смертью, отчаянием и небытием у Л.Андреева, И.Бунина, А.Блока, М.Горького и других. Все это было, как замечает Д.П.Святополк-Мирский, предвестием и отражением смерти исторической, смерти культурного тела, рожденных утратой чувства ценности унаследованной куль-

туры. Предчувствие ее в русской литературе 1894–1917 гг. было подобно физиологическому предчувствию физической смерти¹⁰. Импульс коллективного подсознания очевиден: принять европейский проект равноценно отказу от подлинного бытия, от традиции, от национальной родословной.

Важен сам подход к восприятию российским общественным сознанием западных ценностей. С одной стороны, российское сознание оказывается ошеломленным достижениями Запада и желает приобрести их немедленно и в полное пользование, «все и сразу». С другой стороны, оно остается закрытым сознанием в плане впитывания самой матрицы достижения, созидания этих объектов. Другими словами, весь процесс, который предшествует и приводит к созданию продуктов западной цивилизации, выносится «за скобки», а живейший интерес проявляется только к конкретным финальным результатам работы этой цивилизации. Российский индивид приходит «на готовенькое». Последствия такого явления не заставляют себя ждать. Человек превращается в имманентно развращенного потребителя, который не только не ценит сам труд, но и не заинтересован перенять или воспринять этические или аксиологические основания трудового процесса. Извращенный вид приобретает гносеологическая картина заимствования. С одной стороны, индивид «нового разлива» стремится полностью слиться с обожаемым паттерном и теряет свои собственные, традиционные для него, импульсы и мотивы производства в узком и широком смысле слова. С другой стороны, получив «готовенькое», он упорствует, костенеет в своем нежелании делать какие-либо усилия для собственного развития и изменения трудового процесса. Итог печален. Российский человек оказывается одновременно ненужным нахлебником и целиком зависимым некритически мыслящим нетрудовым субъектом.

Социологические причины революций

Существует социологический анализ революции. Достаточно полное исследование такого рода событий дал, в частности, П.Сорокин. Внимательнейшим образом исследуя предпосылки, причины и течение радикальных изменений в обществе, он спра-

ведливо отмечает, что им предшествует массовое распространение голода, репрессии в отношении «инстинкта собственности», неудачные войны, режим диктаторской власти, гонения на отдельные группы населения и их ценности, безнравственность, распушенность привилегированных классов. Детальный анализ комплекса перечисленных условий радикального изменения строя представит как универсальный для социальных потрясений любой нации. П.Сорокин, действительно, красноречиво подтверждает свои выводы историческими примерами развертывания английской, германской, французской, гуситской и, конечно, русской революций, разбросанных географически и во времени. И его высказывания не вызывают возражений.

Действительно, известна причинная связь между массовыми движениями на Руси (Суздальское восстание 1024 г., Новгородское восстание 1230 г., восстание Болотникова 1606–07 гг., поход Василия Уса 1666 г., «соляной бунт» 1648 г., «медный бунт» 1662 г., крестьянская война под предводительством Степана Разина 1667–71 гг., Булавинское восстание 1707–1709 гг., восстание Емельяна Пугачева 1773–1775 гг., народные движения XIX в., наконец, революции 1905–1906 гг., 1917 г.) и голодом и обнищанием. Экономическое неравенство, или, как выражается П.Сорокин, «подавление рефлекса собственности», позволяет объяснить, почему «пролетариат – “мускульный” и “умственный” – является наиболее революционным классом в обществе»¹¹. «Потому, – констатирует социолог, – что его рефлексы собственности ущемлены сильнее, чем у других классов; он не имеет ничего или имеет очень мало... Отсюда – его революционность, его вечное ворочанье “на постели из гвоздей”, на которую его уложила история. ...Из кого обычно рекрутируется основная армия революции? – Из бедняков, из лиц, которым “терять нечего, а приобрести они могут многое”»¹².

Другой его тезис состоит в том, что диктаторский тип власти подавляет инстинкты самосохранения и самовыражения личности. В результате резко возрастает потенциальная возможность революционного взрыва благодаря количественному росту «репрессированных» индивидов. Нарушение функционирования механизма вертикальной мобильности ведет к тому, что индивиды начинают занимать те позиции, которые не соответствуют их талантам. П.Сорокин поясняет: «Индивиды начинают попадать на места и

роли, совершенно не соответствующие их наследственным способностям: “прирожденный правитель” попадает на место простого рабочего, “прирожденный Цицерон” – на место крючника, “поэт Божьей милостью” – на место бухгалтера, прирожденный организатор – на роль портного, и наоборот»¹³. Помышляя об эмансипирующей их революции, люди восстают. «“Прирожденный властитель”, ставший рабочим, превращается в могучего конспиратора, Цицерон – в агитатора, организатор – в организатора подпольной партии, поэт – в певца революции, другие “неудачники” – в солдат армии; в итоге – одна из сил революции готова»¹⁴.

Не вызывает возражения и утверждение о том, что к социальным взрывам зачастую приводят ужасающие войны. Многие революции происходят сразу после или во время неудачных военных предприятий. Указанные русским социологом приметы можно найти в российских катастрофах 1905, 1917 гг. «Отсюда понятно, почему такое общество всегда “беременно революцией”, почему в нем почва заминирована, и при малейшем ослаблении тормозов – происходит революционный взрыв»¹⁵.

Определенным образом экстраполируя выводы П.Сорокина, можно отыскать схожие приметы и в событиях 90-х гг. конца XX столетия. Можно указать на деградацию экономики, ухудшение продовольственного снабжения. Можно связать такое положение дел с полным изъятием из хозяйственной жизни частной собственности, с неудачными попытками введения принципа хозрасчета. Можно вспомнить о подцензурности прессы и СМИ, о почти диктаторской жесткости однопартийного контроля, о подавлении протестных настроений и критики в адрес существовавшего режима. Хорошо вписывается в эту схему ограничение разного рода свобод, в том числе свободы слова и действий, свободы глобального межнационального общения, международных миграций. Не последним фактором выглядит бесславное участие СССР в афганской войне, раздражавшее население многочисленными бессмысленными потерями молодых солдат. Все эти примеры теоретически предстают как непосредственные и достаточные стимулы для резких перемен.

Однако масштабы «голода», «обнищания», «несвободы», экономических последствий «стеснения частной собственности» в России конца XX столетия и его начала не сопоставимы. Более

пристальное изучение трансформаций конца XX в. рождает ощущение вторичности указанных симптомов. Они выглядят, скорее, как повод, «спусковой механизм» для инициирования процесса перемен в бывшем Советском Союзе, нежели как подлинная историческая причина указанного изменения. Во всяком случае, крушение СССР признавалось как неожиданность всеми участниками мировой истории и воспринималось как удивительное и невероятное событие населением внутри страны, а вовсе не как ожидаемый всеми «раскат грома» в накалившейся предгрозовой атмосфере, как это было в начале XX в. Казалось, что, при всех недостатках социалистической системы хозяйствования, status quo мог сохраняться если не бесконечно, то достаточно долго. Да и сами перемены, их суть и последствия ожидались иными.

Революция 1917 года явилась мировым событием, положившим начало коренному изменению всей глобальной политической картины и создала новые параметры ее функционирования – двухполусную модель мировой политики. Революция 1917 года была внутренней катастрофой, но породила внешнюю новационную структуру и в дальнейшем подняла Россию до статуса мировой державы, одной из ключевых в глобальном механизме эпохи модерна в целом.

Революция 1990-х гг. также имела глобальные последствия, однако в смысле завершения функционирования двухполусной модели предстает как локальная, одна из многих. Во всяком случае, имел место целый каскад подобных перемен в странах Восточной Европы и в новообразованных странах на месте прежнего СССР. К тому же, революция 1990-х гг. не иницирует новой матрицы, а оказывается подчиненной деталью более масштабного, превосходящего движения, именуемого глобализацией, американоцентричного по своему характеру. В результате перемен Россия оказывается встроенной на уровне незначительного периферийного элемента в мировую систему, законы развития которой задаются в удаленном и могущественном центре.

Таким образом, социологический анализ революции, выявление революции как типа оказывается недостаточным, когда мы видим, что итоги социальных переворотов, имевших одинаковые цели и намерения экономического и социального прогресса конкретного общества и вызванного схожими причинами, приводят

к качественно иным результатам. Очевидно, при изучении такого рода явлений необходим переход на уровень геополитического исследования причин, приводящих к масштабному крушению прежнего планетарного порядка существования человечества.

Очевидно также, что помимо черт, «типичных для серьезных и глубоких революций вообще»¹⁶, существуют определенные глубинные пласты коллективного бессознательного, которые детерминируют своеобразие национального кода развития. Именно они создают почву для национального сопротивления универсалистской идее вестернизации современного мира и готовят предпосылки для многополярной перспективы развития.

Геополитические истоки российских революций

В трудные катастрофические периоды бытия России в странах Запада на первый план всегда выходили геополитические интересы. Именно так обстояло дело в эпоху великого испытания начала XX столетия. Поддержка «белого движения», в частности, шла на фоне постоянного торга, целью которого было не допустить, чтобы Россия снова стала великой. «Чтобы понять многое в союзной политике, надо знать, что Клемансо, Вильсон и Ллойд-Джордж, все трое, не любят России и боятся нашего усиления...»¹⁷, – писала в 1919 г. из Лондона автор политических статей, член ЦК партии кадетов А.В.Тыркова-Вильямс в своем письме Н.В.Устрялову, находившемуся при ставке генерала Колчака в Омске. Речь шла о настроениях, царивших на Русском политическом совещании, которое было организовано в Париже в 1918 г. Союзники-участники Совещания хотели поставить его над правительством Колчака и Деникина и сосредоточить в своих руках управление антибольшевистскими силами. Совещание носило временный характер и должно было прекратить существование с созданием постоянного правительства. Но, как свидетельствует Н.Устрялов, реализовать свои замыслы ему не удалось, т. к. Колчак в Омске и Деникин в Екатеринодаре относились подозрительно к этому органу. Представители белогвардейского руководства понимали замыслы европейцев и американцев, но бедственное положение и неудачи армии в борьбе с большевиками ставили их перед неизбежностью

сотрудничества с иностранцами. Однако намерения западных партнеров были настолько прозрачными, что даже в ситуации подобного бессилия, могли породить у них только «усиливающееся злое чувство к союзникам за их политику расчленения России»¹⁸.

Такое поведение представителей европейских держав и Америки вполне соответствовало стремлению ограничить российскую мощь, которое было недвусмысленно заявлено президентом США В.Вильсоном уже в 1918 г.: «Россия является слишком большой и слишком монолитной страной. Необходимо сократить ее до размеров Среднерусской возвышенности... Мы должны иметь перед собой чистый лист бумаги»¹⁹.

Практические действия политиков шли в фарватере формирующейся новой парадигмы международной жизни – реализации замыслов разделения мира между самыми могущественными державами, стремлений к имперскому господству над обширными зонами земного шара и его ресурсами. Именно этот период знаменуется становлением идеологии «больших пространств» – подлинно универсалистской масштабнo-планетарной имперской идеи мирового господства или раздела сфер влияния на планете.

Начало этому процессу положила «доктрина Монро», которая первоначально носила оборонительный характер и родилась из желания отстоять независимость американской нации, предотвратить европейскую интервенцию во внутренние дела Штатов. Необходимо отметить, что уже тогда дальновидный Бисмарк, предвидя грядущие попытки «универсализации» доктрины и ее переноса на другие пространства Земли, заговорил об американском самомнении и американской опасности²⁰.

В 20-х гг. XX столетия мировая общественность обнаружила, что эта доктрина трансформировалась в политический принцип и что из оборонительной она стала оправданием агрессивных империалистических интервенций США в другие государства обоих американских континентов. Политическая идея обороны американской нации от «чуждых пространству сил», соединившись с большим пространством под названием Америка, получила идеологическое обоснование в заявлении госсекретаря Ч.Юза (Ch.Hughes, госсекретарь США в 1921–1925 гг.). В 1923 г. он объявил, что то, что доктрина Монро собственно означает – это «определяет, интерпретирует и санкционирует» только правительство Соединённых Штатов Америки²¹.

Универсальная перспектива первоначально локальной политической идеи «запрета на интервенцию» развернулась с полной силой в т. н. «долларовой дипломатии». Нейтральный экономический принцип обернулся, в конечном счете, политической диктатурой. Финансово зависимые страны оказались «подсаженными» на долларовую «иглу». Таким образом, географически и исторически конкретный смысл обретения независимости США, набирая силу, не только отчуждался от своего континентального ареала, но превратился в панинтервенционистскую всемирную идеологию, оправдывающую вмешательство сверхдержавы во все мировые дела под гуманитарными предлогами. Как подчеркивает К.Шмитт, американская политика стала выражением «подлинной политической власти, когда великий народ со своей позиции определяет манеру говорить и даже манеру мыслить других народов, словарный запас, терминологию и понятия»²².

На сегодняшний день геополитическая реальность сокрыта под вуалью многочисленных мифов. Таковы иносказания о мудрецах Шамбалы, владеющих миром, пекущихся о его гармонии и удерживающих нас своими провидческими знаниями над краем пропасти. Оттуда же родом прививаемые нам страшилки инопланетного или иного мистически-сказочного вторжения – господства. Это отголоски уэлсовской «войны миров», давно уже ставшей доброй старой «домашней» фантастикой. Версия «мировой закулисы», в определенном отношении, также призвана затемнить, замаскировать катастрофические геополитические разломы планетарного масштаба, происходящие на наших глазах. Идея «мировой закулисы» – это призрак «черной, черной руки в черной, черной комнате», но на самом деле все намного масштабнее. Уходят в прошлое «большие нарративы» – идеологии. Кулисы мирового театра открываются. Обнажаются законы геополитики во всей своей неприглядной материальности и мощи.

Некогда К.Шмитт указывал на противостояние морского и континентального миров, которое «лежит в основе объяснения цивилизационного дуализма, постоянно порождающего планетарное напряжение и стимулирующего весь процесс истории»²³. При этом он сделал небольшое, но многообещающее замечание. Он написал: «Тем не менее, между морской цивилизацией, являющейся внутриматериковой, и океанической цивили-

зацией существует значительная разница. ...Окончательного всемирно-исторического объема противостояние Суши и Моря (как Океана) достигает тогда, когда человечество осваивает всю планету целиком»²⁴.

Действительно, цивилизация Моря первоначально имела внутриматериковый характер. Классической антиномией двух великих стихий – морской и земной – было противоборство Спарты и Афин, Рима и Карфагена. Позднее водораздел прошел между странами Европы – Англией и Германией. При этом пары были подвижны, менялись местами. Временами это была Англия versus Франция, или же Франция и Англия выступали совместно против Австро-Венгрии и Италии. Но фактом оставался внутриматериковый характер противостояния. В эпических сказаниях Р.Толкиена речь идет о цивилизации Средиземья, ибо она родилась и развивалась на берегах Средиземного моря. То были войны «Средиземья».

Сегодня произошел очень важный качественный сдвиг. И ключ к нему лежит в заветной фразе К.Шмитта о большой разнице между символами Моря и Океана. Ныне вся полномочная власть стран-представительниц Моря перешла и сосредоточилась в единственном государстве, полномасштабно воплощающем идею Океана – к Соединенным Штатам Америки. (США – огромный остров, омываемый тремя из четырех существующих океанов.) И совершенно неслучайно этот процесс шел рука об руку с нарастанием глобализации. Необходимо вспомнить, что всевластию глобализации предшествовали три подготовительных этапа, постепенно размывавших две главные категории, на которых «стоит» Суша: понятие «дома» и «укорененности».

Первый этап охватывает период после окончания Второй мировой войны до конца 60-х гг. XX в. Эта эпоха характеризуется господством идеи нации и ее естественного «дома» – национального государства, которое есть главный субъект политики, внутренней и внешней. Судьба каждого народа решается, прежде всего, внутри страны. Движение капиталов и товаров – «торговых потоков» – остается целиком и полностью под контролем государства. Иными словами, история разворачивается в локусах, не превышающих масштабы сухопутных речных цивилизаций. Для того, чтобы понять все стороны жизни – экономическую, политическую, куль-

турную, международную в этот период, нужно брать за точку отсчета национальное государство – территориально определенное, замкнутое, «малое пространство».

Второй этап начинается в конце 1960-х – середине 1970-х гг. и ограничивается концом столетия. Мировые процессы в этот период принимают форму мультинационализации (*la multinationalisation*). Транснациональные фирмы перешагивают национальные пределы, организуют собственные экономические и коммерческие сети по всей планете с филиалами в различных государствах мира. Национальные государства оказываются не единственными субъектами мировой политики, их суверенитет ставится под вопрос.

Новизну процесса составляет уничтожение идеи «дома», привязанности к месту, территории. С этой точки зрения показательным и очень важным было распространение синонимов термина «транснациональная корпорация», таких, как «многонациональные» или «мультинациональные корпорации». Все эти понятия означали, что, «перешагивая» границы государств, компании такого рода все же имели «дома», правда, во многих странах. Таким образом, размывалось, подвергалось сомнению понятие единственности, особенности «дома», «малой родины».

Наконец, с конца XX столетия происходит новый качественный скачок в развитии мира, который, собственно, и обозначают как глобализацию. Смысл его состоит в том, что сеть интересов планетарных субъектов образует новую единую сущность, которая поднимается над национальными государствами и имеет планетарный масштаб. Народы различных стран фактически теряют суверенитет и оказываются второстепенными субъектами политики. Суть этого этапа состоит в том, что отныне для того, чтобы понять экономическую, политическую и культурную жизнь нации, нужно исходить из мирового уровня анализа. Национальные государства – дома утрачивают свою значимость. На горизонте появляется абрис новой мировой империи, вытесняющей разрозненные, стоящие на национальных фундаментах, конструкции (государства).

Раскрывая сущность противостояния цивилизации Суши и цивилизации Моря, К.Шмитт обращает внимание на тенденцию универсалистской аргументации, присущей «морским» державам. Чтобы реализовать единство разбросанных по Земле отдаленных владений, необходимо обеспечить связь между «несо-

пряженными» с метрополией территориями. Но для этого нужно перейти от логики компактного пространства к мышлению «проливами и коммуникациями». Радикальное изменение аргументации особенно наглядно высвечивается в исторически знаменательном «споре» о Средиземном море. В начале XX в. итальянское правительство было озабочено тем фактом, что для Англии Средиземное море является только проливом, одним из многих, «каналом», соединяющим ее с заморскими областями. В то же время в Италии Средиземное море воспринималось как само по себе значимое и завершенное жизненное пространство. В своем роде замечательным было возражение английской стороны. Было сказано, что Средиземное море для Британской империи является не сокращенным путем, а главной транспортной магистралью и британское Содружество жизненно заинтересовано в ней в полном смысле слова²⁵.

Эта история выявила совершенно отчетливо новое кредо грядущего имперского господства, базирующегося на связях и коммуникациях – морских проливах, линиях воздушного сообщения, трубопроводах, Интернет-потоках. Дело в том, что суть морского, а тем более океанического владычества, заключается в том, что оно естественным образом связано с безграничным универсализмом. Море свободно от упорядочивающих пространство государств, и потому они предстают помехой для современной формы универсализма – глобализма.

Основное противоречие эпохи глобализации – это противоречие между «глобализационными потоками», а следовательно, движением в самом общем значении слова и укорененностью. Историческая ретроспектива свидетельствует о поэтапном разрушении укорененности. Обезземеливание крестьян лишило их традиционных корней, оторвав их от почвы во всех смыслах слова. Индустриализация разрушила сословность общества, т. е. социальную укорененность людей в стратах, превратив их, в конечном счете, в граждан, равных перед экономическими законами функционирования капитализма. Урбанизация оторвала индивида от сакрального смысла земли и бросила его в обезличенную вненациональную, внеконфессиональную, внецеховую (в средневековом понимании) светскую городскую культуру. Наконец, социальные движения XX в. выразились в своей самой острой форме – клас-

совой борьбе, революциях, войнах. Такие радикальные варианты развития также разрушали укорененность людей, но уже в нации, в исторической традиции народа.

XXI век начался под знаменем глобализации, которая посягает на последний бастион укорененности – территориальную привязанность, поскольку знаменем времени становится коммуникация – ускорение физического перемещения, а также обмена идеями, информацией, ценностями, моделями образа жизни. Базируясь на интенсификации обменов, в том числе нематериальных, таких как финансовые, информационные, ценностные, глобализация естественным образом нарушает целостность, непроницаемость границ государств – национальных домов, т. е. вторгается в их «святая святых»: в территориальный фактор. Главной функцией государства является «сцепление» им своей территории, ее прозрачность для государственного правления и защита этой территории. Но именно эти функции уничтожаются в первую очередь проницаемостью границ в эпоху глобализации. Государство раздирается между двумя противоречащими друг другу задачами: сохранить пространство, за которое оно несет ответственность, и не мешать движению товаров, услуг, финансов, идей, наконец, просто перемещению людей.

Разносторонние изменения образа жизни в глобальном обществе синтезируются в новой социологической категории. Современное состояние человеческого сообщества именуется «планетарной», «мировой», «глобальной деревней» («le village mondiale», «le village planetaire», «le village global», «global village»). В мировом сообществе представление о мире как о «глобальной деревне» широко распространяется уже в начале 1990-х гг. Практически в каждом втором исследовании, хотя бы вскользь, но встречается этот термин²⁶.

Из размышлений различных авторов на этот счет складывается представление, что мировая или планетарная деревня – это некая воображаемая конструкция, отражающая если не наличное состояние современного мира, то явление, которое ожидает мир в ближайшем будущем. Следует вдуматься в разницу восприятия этого термина в западном менталитете и в российском. Для нас деревня – это символ определенной технической и технологической отсталости и культурной традиционности, что вполне

объяснимо в рамках индустриальной парадигмы мышления, которая у нас все еще является преобладающей. На Западе сегодня понятие «планетарной деревни» есть продукт информационной технологической революции в области коммуникаций. Главное достижение последней – это сокращение расстояний, сближение социальных и институциональных акторов в мировом пространстве, а также (что очень важно!) новое качество их взаимодействия – интерактивность.

Привлекательность классической деревни издавна состояла в возможности реализовать естественную свободу. Главными ее недостатками были замкнутость, оторванность от остального мира, изоляция. «Глобальная деревня» благодаря новейшим технологиям, и в частности Интернету, преодолевает эти минусы. Интерактивность – это возможность одновременного общения многих субъектов из географически разных уголков планеты. «Планетарная деревня» претворяет в действительность давний идеал человечества – сочетание естественной свободы и всеобщей коммуникации. К этому следует добавить, что для западного индивида деревня – это мечта, идеал, вознаграждение за социальный успех; для американца – ферма или ранчо на Диком Западе, для европейца – небольшой собственный домик где-то на солнечном Средиземноморье или в окрестностях Парижа. Таким образом, «глобальная деревня» – это верность национальным традициям, историческому прошлому человечества, с одной стороны, и выстраивание нового мира – идеала, модели, образца существования, с другой стороны.

Но что самое главное с точки зрения изменения геополитической картины мира – это то, что термин «мировая деревня» несет в себе подспудно очень важную идеологическую нагрузку. Он рождает представление о современном (т. е. еще не ставшим идеалом «глобальной деревни») состоянии мира как о культурологически пестром, но технологически единообразном провинциализме. Такой провинциализм нуждается в сильном организующем начале, внешней принудительной силе, которая привнесет в него строгий рациональный порядок и даст ему импульс прогрессивного развития (правда, возможно, ценою большого количества жертв, если вспомнить эпизоды исторического обезземеливания крестьян, составившее в свое время материальную базу нового качественного

состояния жизни общества – города). «Планетарная деревня», понимаемая в таком контексте, – бесструктурный материал, состояние нового хаоса, «разбегания» мира, которое есть преддверие нового порядка. И сегодня на мировой арене появилась сила, которая объявила себя способной этот порядок реализовать. Это – США, новый и единственный полюс господства над Мировым Океаном глобализации.

И хотя стратегическое океаническое расположение США таково, что они могут владеть сразу тремя океанами из четырех, пока чаще всего упоминают о политике «атлантизма». До сих пор это была наиболее проторенная торговая дорожка, морской путь из Старого Света в Новый. Остается, однако, еще один океан – Индийский, к которому так стремилась в свое время выдвинуться Россия. Магическое притяжение этого водного пространства было, вероятно, неслучайным. Туда же, как известно, устремляла свои вожделения «владычица морей» Англия. Очевидно, назревал вопрос о том, кто будет задавать тон в ареале последнего из четырех океанов на пути к мировому господству. И ныне эта проблема вновь актуализируется. Может быть, это будет Япония? Или Китай? Или же окончательно сформируется противостояние исламского фундаментализма и американского атлантизма?

Масштабная геополитическая подоплека современной революции подкрепляется переходом социальных образований эпохи модерна к новому типу, который обозначается как «общество контроля»²⁷. Вот так обнажается новая матрица информационных обществ в постмодерне. Согласно исследованию Ж. Делёза, новые социальные сообщества сменяют т. н. «дисциплинарные общества», которые блестяще проанализированы М. Фуко. Последние строились в соответствии с логикой «пространств заключения», каждое из которых имело свой собственный закон: вначале закон семьи, потом школы, потом фабрики, госпиталя, и иногда собственно тюрьмы. «Пространства заключения» представляли собой отдельные, изолированные матрицы, «дистинктное литье», в промежутках между которыми индивид был предоставлен самому себе, как бы отпускался на волю. Что касается пространства контроля, то оно являет собой «модуляции единой субстанции, подобно самотрансформирующемуся расплавленному веществу, которое непрерывно переливается из одной формы в другую»²⁸. Власть в такого

рода обществах одновременно «индивидуализирует и запрессовывает массу». Лидеры подобных обществ имеют возможность держать под контролем всех, ибо цифровой язык, ставший в них языком нового и главного вида общения, основан на коде, который допускает вас к информации или отказывает вам в доступе. К тому же, человек в таком обществе постепенно становится склонным к постоянному пребыванию «в сети», а значит, сам «подставляется» и оказывается досягаемым для непрерывного манипулирования сознанием. Таким образом, контроль в них реально приобретает характер тотального. Остается добавить, что особенности нового типа государственных образований, складывающихся на наших глазах, вполне согласуются с движением человечества к глобализации, которое, в определенной степени, вдохновляет и которое готова возглавить самая технологически могущественная страна современного мира – США.

Катастрофичность как особенность российских перемен

Одним из радикальных вопросов российской истории является вопрос о том, почему повороты в жизни страны приобретают такой катастрофический всепоглощающий характер, грозящий едва ли не полным самоуничтожением всего и вся: нации, культуры, самого существования народа? Именно таковы были: Смута XVI в., революции начала и конца XX в.

Несомненно, эти периоды являются теми кризисными моментами нашего прошлого, которые обозначаются как потеря национальной идентичности. Известно, что конфликты, порождающие кризис идентичности могут возникать вследствие неожиданной утраты прежних социальных ориентиров и ценностей, с одной стороны, и появлением доступа к новым возможностям, с другой стороны. Именно это и происходило с Россией в названные периоды. Возникла «социальная усталость» от неэффективности прежней социальной системы, и одновременно на историческом горизонте появлялась «новая передовая цивилизационная модель» (в нашем случае всегда – европейская), сулящая позитивные социальные перспективы. Причем контраст и напряженность всегда

были таковы, что возникал макромасштабный выбор: сломаться или начать новую жизнь. Но сам выбор еще не катастрофа, а всего лишь дилемма, ибо возможно плодотворное преодоление кризиса. Все дело в том, что позитивное разрешение дилеммы реально только при одном важнейшем условии – условии сохранения непрерывности «исторической биографии» на глубинном уровне коллективного бессознательного. Состоявшаяся идентичность нации есть способность оставаться тождественной самой себе даже при глубоких изменениях структуры, которые есть естественные реакции и ответы на возникающие противоречивые ситуации. Катастрофизм российских перемен связан именно с мощнейшими давлениями внешних вызовов, которые претендовали на переворачивание и разрыв «исторической биографии» страны и народа на самом глубоком уровне коллективного бессознательного, равноценного уровню инстинкта самосохранения.

Для уяснения проблемы вопрос следует переформулировать следующим образом: почему радикальные социальные перемены на Западе не грозили его народам гибелью и исчезновением с исторической карты, тогда как в России подобные перемены представляли как раз такую опасность? В самом общем виде ответ очевиден: подразумеваемые перемены были органической частью развития Европы, они там зарождались теоретически и практически. В Россию же они транспортировались волевым образом, хотя и не без известных смутных ожиданий в социальной среде. Необходимо, однако, выяснить, в чем состоят коренные расхождения европейских и российских глубинных структур, которые приводят к столь разным результатам. И здесь следует начинать с того, что теории идентичности называют определением «естественной идентичности», т. е. вычленения самого себя из среды, первичное осознания своих особенностей, своей самости. Беда России в том, что до сих пор мы плохо знаем себя, свой национальный характер, свою родовую специфику.

Исторически складывается так, что мы периодически очаровываемся Западом, точнее, его достижениями. И далее повторяющаяся схема: очаровываемся – «сами обманываться рады» (это у нас национально-пушкинское) – и, выражаясь сленгом последнего издания, «обламываемся». Очаровывался Петр. «Сам» поехал туда, все увидел, перенес в Россию. Это, надо признать, было самое пло-

дотворное (по количеству привитых, пересаженных на нашу почву нововведений) очарование. Кончилось все нестабильностью верховной власти и «эпохой дворцовых переворотов» в ближней исторической перспективе и радикальным сломом 1917 г. в проекции более широкого исторического ландшафта. Очаровались декабристы. Победив Наполеона и войдя в Париж, в самый центр цивилизованной Европы, были побеждены сами. Проекты, правда, были только на бумаге. Кончилось все Сенатской площадью. В начале XX в. российские умы сразила марксистская идея, возникшая как реакция на конкретно-историческую буржуазную реальность западного общества. У нас капитализма в то время, правда, еще не было, но идея построения «рая» на земле очаровала сознание наиболее передовой части нашей интеллигенции. Последовала Революция 1917 года, «якобинский террор», «9 термидора», бонапартизм. Правда, произошел крупнейший немислимый величайший технический прорыв. Но кончилось все внезапно – падением Берлинской стены, распадом страны, «шагреновым» сужением российской исконной территории, экономическим, политическим, демографическим и духовным кризисом. Как видим, все круги замкнутые. В чем же дело?

Проще всего было бы винить в исторических неудачах держащуюся за старые устои корыстную власть, несносную тоталитарность ее характера. Или неповоротливую косную бюрократию. Или неподатливый на заморские новшества «народ». Или же, наконец, упорствующую в своем консерватизме «систему». Вот последнее, кажется, к истине ближе, если понимать «систему» не в узком – социологическом и политологическом смысле, а в более масштабном, как совокупность глубинных склонностей и ожиданий нации, неповторимого национального кода, душевного склада, если угодно, национального духа.

Проблема западного миссионерства не была бы такой острой, если бы она была односторонне направленной, т. е. если бы речь шла о примитивном одностороннем агрессивном колониализме стран европейской цивилизации. Ситуация осложняется тем, что заимствования такого рода, с одной стороны, чрезвычайно желанны самому реципиенту – России, которая стремится стать Европой в плане материальных благ. С другой стороны, фактически реализуется лишь механическое подражание и перенимание, которое

никак органически не усваивается и не получает никакого дальнейшего самостоятельного развития на русской почве. Как верно заметил еще в начале прошлого века Н.С.Трубецкой, «западные товары привозились, покупались, но не воспроизводились. Мастера выписывались, но не с тем, чтобы учить русских людей, а с тем, чтобы выполнять заказы»²⁹.

Этот момент принципиален, но вовсе не с точки зрения неспособности, интеллектуальной невосприимчивости или лености русского человека, а с точки зрения иной структуры его национальной стихии по сравнению с западной. Русский антропологический тип «телесно» всегда хотел воспроизвести материально-бытовой уклад западного образца, но никогда не имел духовных и душевных качеств, которые составили фундамент и инструмент здания и техники европейской жизни. Таковы, прежде всего, отношения к собственности, правосознанию и гражданскому обществу европейского типа, которые усваивались плохо даже русскими верхами, а народом не усваивались вовсе.

Этот любого народа, его поведенческие стереотипы теснейшим образом связаны и, во многом, определяются его этической системой, нравственными и даже эстетическими предпочтениями. Но как раз этический строй русского народа тяготел более к Востоку, нежели к Западу. Здесь недостаточно упомянуть о первоначальном провизантийском выборе русского народа, хотя очевидно, что все получаемое из Византии усваивалось легко и органически перерабатывалось, создавало мощные творческие импульсы в зодчестве, бытовой культуре, духовной жизни. Сам факт добровольного выбора, а тем более богатство творческого наследия говорит в пользу соответствия этих этических и эстетических начал русской стихии.

Чутким камертоном склонностей национальной души к тем или иным ценностям являются лингвистические заимствования. Исследования отмечают насыщение русского языка техническими терминами, взятыми исключительно из европейских языков, в то время как слова, передающие повседневную речь, т. е. отражающую «безыскусную» «интимную» истинную подлинную часть народной души, имеют индоиранское происхождение. Общими у праславянских диалектов с празападноиндоевропейскими были, главным образом, хозяйственные термины, а также относящие-

ся к торговле и государственному быту, к названиям оружия. Эмоционально сильные слова, связанные с верой, таинствами, а также словарные табу, часто употребляемые частицы и союзы, напротив, имеют праиндоиранское происхождение³⁰. Любопытно, в частности, что даже такое знаменательное для русских определение как «добрый» первоначально было лишено этического смысла, именно потому что имело латинскую основу (лат. *faber*) из европейского диалекта *dhabros*. Оно обозначало чисто техническую «добродетель» – ловкость, умение, мастерство в определенном виде работ. Такая коннотация сохранилась и донныне и передает оттенок хорошо сделанной работы. Лингвистическое разделение технических и этических заимствований свидетельствует об инстинктивном отторжении европейского кода творчества. Это означает, что западные заимствования только тогда станут плодотворными, приносящими плоды, а не одноразово экспортируемыми, когда будет найдена своя, аутентичная формула их воспроизводства, духовно близкая русской стихии.

Революционные потрясения и российская телесность

Исторически революционные изменения часто коррелируют с изменением территории. События последних лет продемонстрировали череду территориальных переделов в Восточной Европе, которые прошли под лозунгом национального самоопределения. На первый взгляд тот же процесс был инициирован в России и доведен до определенных пределов. Однако пристальный взгляд в историю позволяет увидеть более глубокий пласт связей и закономерностей, сопряженный с российскими территориальными флюктуациями как движением особого рода государственной телесности.

Для того, чтобы проникнуть в логику указанного процесса, уместно привести высказывание Н.С.Трубецкого: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории»³¹. Географическое задание Киевской Руси соответствовало вертикальной оси, по которой проходил торговый «путь из варяг в греки». Сущность русского царства состояла в политико-

экономическом освоении территории от Балтийского до Черного морей, и Русь как государство была успешной до тех пор, пока могла осуществлять эту задачу. Однако набеги кочевников остановили рост могущества этого образования и сделали невозможным продуктивное и перспективное господство удельно-княжеской власти над территорией Древней Руси. Эпилог драмы под названием «Киевская Русь» представлял собой нескончаемые междоусобицы мелких самостоятельных княжеств.

Образование полноценного государства и наращивание могущества для России оказалось намного более благоприятным и перспективным по горизонтальной оси Восток–Запад. Матрицу успешного выполнения этого исторически ценного задания дал стране организационный гений Чингисхана.

Сегодня нам порою трудно представить, что возможно позитивное восприятие фигуры Чингисхана. Однако поколебать эту уверенность может неожиданное свидетельство героя Отечественной войны 1812 года и известнейшего поэта Дениса Давыдова. В стихотворении «Графу П.А.Строганову за чекмень» у него есть такие строки:

Блаженной памяти мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцире влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскою рукою
Всё, что противилось могущему герою.
...Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю...³².

Давыдовы считали, что их род начался от выходца из Золотой Орды и чрезвычайно гордились этим. Денис Васильевич – личность символичная. Лихой рубака и предводитель партизанского отряда, привлечший к партизанскому движению крестьян; романтический пиит особого стихотворного стиля – «гусарской лирики» и офицер царской армии, выходец из древнего дворянского рода – он был одинаково популярен в среде народа и в светских салонах. Он замечателен тем, что самим своим существованием способствовал сокращению социально-психологической пропасти между «верхами» и «низами», сближению расколотых частей общества. Мы помним, какую всенародную любовь вызывала личность Дениса

Давыдова и с каким восхищением русские люди относились к его творчеству, принимая его всей душой и безоговорочно. Так было и в пушкинские времена, и в недавнюю эпоху, современную нам. Его строки затрагивают и заставляют вибрировать лучшие стороны русской души. Они вызывают душевный подъем – то, что ныне называется скупым словом «мобилизация». Так происходило и происходит именно потому, что чувства, которые он выражал, а также его поступки были и остаются созвучными коллективному бессознательному нации.

Сегодня нам, бесспорно, придется заново переосмысливать свое отношение ко многим историческим фигурам таким, в частности, как Темуджин, чтобы отыскать истоки и вектора развития общественного сознания и правильно выстраивать свое дальнейшее историческое существование.

Государственный идеал «Великой России» родом из большой государственной идеи Великого Монгола, которая гипнотизировала русских неотразимой притягательной силой. Равнинные просторы, бескрайность степи, огромная ширь, крепко спаянные особой техникой государственного строительства, гармонично соответствовали желаниям русского коллективного бессознательного, связанного с пространством.

Стержнем государственного объединения была кочевая идея. Она имела два плана: материально-хозяйственный и идеологический. Ядро монархии Чингисхана составляла система степи, пересекавшая на юге все меридиональные речные системы Евразии, вокруг которых развивались локальные цивилизации, складывались уделы и княжества. Объединив под своей властью степь, творец Монгольской империи создал четко контролируемое сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Последующие исторические эпохи лишь заменили «лошадиные силы» на другой вид транспорта, но суть процесса не претерпела изменений. Россия постоянно стремилась создать устойчивую полноценную систему сообщения Восток–Запад: сначала это была Восточно-Сибирская железная дорога, затем Байкало-Амурская магистраль. Недаром поименованные «великими», эти стройки составляли сверхзадачу каждого конкретного этапа созидания российской государственности. «Россия Сибирью прирастать будет» – таков крылатый лозунг и историческое геополитическое

задание, по сути, повторяющее евразийскую идею, проявленную великим восточным завоевателем. Напротив, всю историю российских распадов и расколов пронизывает инстинктивное стремление воссоздать это нарушенное единство.

Однако, помимо материального аспекта, кочевническая концепция формулировала важные идеологические аспекты, без которых существование такого масштабного образования долго продержаться не могло. Это особый психологический тип, из которого формировалась властвующая элита. Из сущности кочевого быта вырастал главный принцип характера властвующих – неприязанность к материальным благам, физическому комфорту, привычка ограничивать свои потребности. Военная доблесть требовала ставить личное достоинство и честь выше земного благополучия, образуя особый кодекс жизни и поведения, основанный на внутреннем нравственном законе. Весь военно-административный аппарат Чингисхана состоял из такого рода людей, религиозно-нравственных, связанных понятиями долга и обязанности перед правителем, в лице которого они видели не тирана или владыку, а лишь наиболее полное воплощение такого идеала. Более поздняя российская идея «служения», несомненно, была отголоском указанной модели. И даже сталинские «чистки» бюрократического аппарата интуитивно воплощали принципы кочевнической аскезы патристического служения социалистическому идеалу. С другой стороны, требования к личности царя, который своим благочестием должен был «задавать тон» всей нации, перекликаются с тем образцом поведения, который представлял повелитель Орды. С этим явлением вполне коррелируют пусть внешние, но все же притязания на то, чтобы советские вожди жили в соответствии с определенным нравственным кодексом «строителя коммунизма», который распространялся сверху, от партийных боссов до самых низов.

Такой дух государственности хорошо отвечал особенностям российского национального восприятия жизни, которое переносило решение социальных проблем в область этики, предпочитая ее юридически-политическому реформаторству. Эта черта до сих пор остается чрезвычайно важной в русском сознании, которое практически не усваивает европейскую идею права. Это означает, что современная «перестройка» не даст сколько-нибудь заметных результатов, если не будет сделан упор на формирование

внутреннего нравственного закона индивида. Собственно, такой закон не только не чужд европейскому сознанию, он лежит в основе современного правового сознания Запада. Разница в том, что долгая и напряженная работа по нравственному воспитанию была перенесена из сферы католицизма в светскую область. Но работа эта была прежде выполнена религией сполна. Как подчеркивает Б.Н.Чичерин, «Западная церковь, проводя с изумительной энергией усвоенные ею начала, укротила грубые нравы и воспитала к новой жизни юные, вверенные ей народы»³³. Столетия средневекового господства церкви дисциплинировали и даже дрессировали человека, сформировали в нем почти инстинктивное почитание семьи, традиций, власти, отношения к труду и т. д.

Решение проблемы нравственности сегодня становится ключевым для России. Прельщаясь материальными достижениями Запада, российский человек предстает карикатурой европейского идеала, кривым зеркалом европейской цивилизации. Решение этой проблемы лежит сегодня не столько в области законотворчества и законодательства, сколько в сфере психологии и быта. Некогда в России существовало понятие «бытового исповедничества» – своего рода внутренний нравственный закон, пусть религиозный в своей основе, но который не позволял людям отступать от правил честного общежития, был сдерживающим моментом для большинства населения. Сегодня, утратив всякие моральные ограничения, подражая худшим западным моделям, при полном попустительстве СМИ и при разлагающих примерах власть предержащих, российский народ фактически становится носителем рабской психологии, а не психологии свободного гражданина.

Отказавшись от национальных истоков и от поиска собственного пути, Россия обречена оставаться провинцией Европы. Патриотизм идеологов «перестройки» – это патриотизм наизуот. Он отталкивается не от конкретной реальной России, а горит страстной мечтой создать из дикого и грубого «русского материала», к которому он относится враждебно, «нормальную» европейскую державу. Нахватавшись кое-каких европейских идей, органически неусвоенных, российское общество, в итоге, теряет прежнее национальное единство и не обретает нового. Более того, сегодня в России никто не может чувствовать себя в своем доме. Гламурная элита и далекие от народа олигархи, переняв отдельные внешние

черты европейской культуры, представляют чужой образ жизни, недоступный народу, и выглядят колонизаторами на своей земле. Низы, пребывая в нищете, оказываются фактически под чужеземным игмом. Всюду царит затаенная вражда. Такая «европеизация» не создает никакого движения вперед, а только закрепляет россиян в положении «европейцев второго или третьего сорта».

Революционное бытие как социально-психологическая реальность

Недооценка культурного своеобразия как фундамента преобразований ведет к тому, что вместо ожидаемого «рая» земного благополучия мы оказываемся в антиреальности. Революционные эпохи есть периоды переворотов в прямом смысле слова, когда опрокидывается предшествующий порядок. В невероятных масштабах претворяется «распушение» народа, которое принимает вид т. н. *антиповедения* т. е. поведения, сознательно нарушающего принятые социальные нормы: сквернословие, вызывающие одежды, распространение культов, шокирующих общественную нравственность.

Антиповедение как специфическое явление получало распространение также и в устойчивые эпохи русской жизни, но тогда оно локализовалось во времени и связывалось с сохранением определенных языческих форм поведения. Очень часто оно имело ритуальный, магический характер и соотносилось с календарным циклом. Например, на Святки, на Масленицу, в купальские дни антиповедение, или обратное поведение, «поведение наоборот» признавалось уместным и даже оправданным, практически неизбежным³⁴. В остальные же периоды жизненного цикла народное бытие характеризовалось строгой табуированностью обценной лексики – табуированностью, специфичной для русской культуры.

Важно то, что ненормативное поведение ни при каких обстоятельствах не приобретало самостоятельного ценностного статуса. Оно всегда воспринималось как нарушение принятых норм. Так, участники святочных и масленичных обрядов осознавали свои поступки как греховные, за ними обязательно следовало покаяние и очищение. По окончании Святков участники святочного

обряда должны были искупаться в иорданской проруби и тем самым искупить свою вину. Все это говорит о том, что в «мирные» периоды четко осознавалась принадлежность «неправильного» поведения к сфере запретного и антиобщественного. Другими словами, допущение такого рода поступков строго регламентировалось в повседневной жизни и никоим образом не делало их *нормой* поведения.

Но самое интересное, что по своему глубинному архаическому смыслу антиповедение представляло собой заклятие потустороннего мира, который виделся как обратный здешнему миру, как мир с противоположной ориентацией³⁵. Считалось, что все то, что в этом мире аморально, в загробном мире принимает моральные формы. И вот теперь мы наблюдаем, что в переломные эпохи, когда жизнь *переворачивается*, антиповедение становится настолько широко распространенным, что практически обретает императивный характер, становится именно *нормой*. И это рождает страшную символику, ибо наводит на мысль, что сам период переворотов тождественен небытию, смерти, нисхождению в низший мир, мир зла и кошунства, мир античеловека.

Еще одним моментом, получающим широкое распространение в периоды национальных кризисов, является выход на свет божий многочисленных колдунов, магов и предсказателей. Поражает не сам факт их существования, а именно масштабность феномена. Очевидно, гадалки и ведуньи присутствуют в обществе всегда, но спрос на них возрастает неимоверно только в периоды неустойчивого развития и крутых перемен. Не следует искать причины, их порождающие, в могущественных космических излучениях и усилении активности солнца. Есть вполне социологическое объяснение. Разложение центральной власти как единственной работающей функции социума в России, уничтожение «удерживающего» резко понижает способность общества контролировать среду, в которой находится индивид. В такой ситуации мифологизированные картины мира позволяют успешно абсорбировать возникающую в социальном вакууме незащищенность общества. Ведь одной из составляющих российского коллективного бессознательного в отношении восприятия высшей власти является ее отеческая, спасительная и опекающая значимость. Рациональное отступает, всплывают матрицы древнего сказочного подсознания. Оставшись без

позитивно «удерживающей» воли отца, российский человек ищет утешения в старой доброй сказке – у волшебника или, на худой конец, у мачехи-колдуньи.

Если проникать далее в мифологику антиповедения, то нельзя не упомянуть о той стороне проблемы, которая связана с характерной для древнерусской культуры оценкой локуса, географического пространства в *нравственных* категориях. Как показывает Б.А. Успенский, имела место дифференциация пространства на чистое и нечистое как соответствующие раю и аду. Те или иные земли воспринимались как праведные или грешные. Эти представления нашли отражение в многочисленных поверьях о «Рахманском царстве», «Беловодском царстве», «Опонском царстве», с одной стороны. С другой стороны, чужие земли, которые населяли иноверцы, назывались на Руси «заморскими» странами: не только Англия (действительно отделенная от России водной границей), но и, например, Германия или Франция могли обозначаться таким образом. Они назывались так не потому, что реально находились за морем, но прежде всего потому, что они ассоциировались с потусторонним миром. По архаическим представлениям – широко распространенным и весьма устойчивым – потусторонний мир отделялся от нашего, посюстороннего мира, водным пространством, и путешествие на тот свет мыслилось именно как преодоление этого пространства³⁶. Аксиологическое отношение к этакого рода мирам в народном сознании было негативным. В этом отношении в русском языке символична этимология слова «Запад». Оно отражает «представление о Западе как о том месте что находится с з а д и , в неправильном месте...»³⁷.

С подобным разделением пространства на чистое и нечистое связана идея антипаломничества³⁸, которая предполагала путешествие в заморские страны, как подобие спуска в ад, чтобы впоследствии вернуться в праведное место, «в рай». Принимая в расчет эти рассуждения, можно понять интерпретацию революции в коллективном сознании как наказание за грехи, как грехопадение, или – как наиболее радикальный вариант – как своего рода смерть, уход в потусторонний мир, как очистительную жертву. Но если революция – это путь к раю через «перевернутый мир», то тогда логичен и понятен странный провидческий сюжет А.Блока об Иисусе «в белом венчике из роз», а также притягательность русским

коллективным сознанием утопии построения коммунистического рая на земле. Именно этот дуализм русского сознания допускает одновременно отрицание несправедности сего мира в форме антиповедения и веру в светлое будущее, неискоренимую надежду на благополучный исход.

В российской диалектике мироздания новый мир рождается через смерть – «смертию смерть поправ». Мифологический код русского сознания, как давно замечено, предпочитает эсхатологическое празднование Пасхи в противовес приоритету Рождества в западном сознании, подчеркивающим приход Иисуса в посторонний, «человеческий, слишком человеческий» мир.

Исторически все российские перевороты провоцировались влияниями или идеями, приходившими из этих заморских пределов. Но в таком пространстве оправданными считались некоторые элементы антиповедения, как единственно возможные в нечистых странах. Перевернутость поведения проявлялась, среди прочего, в подчеркнуто неправильном речевом поведении. Считалось, что греховность места и ситуации обуславливала применение заведомо неправильного, «нечистого» языка при изложении событий и впечатлений. В частности, употреблялась странная смесь русского с татарским, персидским или арабским. В связи с этим нельзя не вспомнить, что сегодня, наряду с широким распространением обценной лексики, имеет место появление в мире Интернета т. н. «албанского языка» – нарочитого коверкания правописания и правильной устной речи.

В соответствии с матрицей мифа, входя в контакт с потусторонним миром, нужно вести себя по его законам. Масштабы потрясений в периоды революций порождают экспансию антиповедения. При этом сакральный смысл антиповедения вырождается. Оно приобретает ритуальный характер, когда сохраняется только функция, а фундаментальное обоснование исчезает.

Приобщение к перевернутому миру в традиции осмысливалось как приобщение к «кромешному», потустороннему или же бесовскому. При утрате сакральности смысла «бесовского» сама функция бесовщины и ее масштабы в революции разрастаются. При этом в российской ситуации прослеживается дифференциация мотиваций антиповедения для двух социальных мегагрупп – «верхов» и «низов».

Для «низов» характерно отрицание мира, где нарушен порядок, который ассоциируется со справедливостью. Несправедливый мир – это в сакральном смысле грешный мир. Традиционно исторически «безмолвствующий народ», соответственно, в невысказанной форме полагает оправданным свое антиповедение – ведь оно обличает неправду этого мира. Пусть и неосознанно, но нарочитое антиповедение демонстрирует бунт против «новых порядков» этого мира, решительный отказ подчиняться существующему псевдопорядку. Что касается «верхов», элиты, то в периоды революций она, напротив, видится как осознанно спознавшаяся с нечистой силой, заигрывающая с ней. Коварный исторический путь формирования российской элиты через насильственный отказ от родовой идентичности сделал возможным легкость ее отрыва от сакрального начала и обращения к бесовскому.

Революция, с точки зрения социальной и антропологической, есть не только нарушение порядка, его опрокидывание, но и выход за «предел» – понятие едва ли не центральное в осмыслении социально-психологического типа русского национального характера.

В социальном плане «запредельность» выражается прежде всего в криминализации всех сфер общественной жизни, начиная с грубых форм передела зон влияния, «разборок», «стрелок», рэкета, рейдерства и т. п. до невысказанных масштабов коррупции во всех эшелонах власти. Суть и глубинная подоплека всех видов «беспредела» – нарушение баланса отношений индивида к смерти, которая суть высшая и конечная субстанция и судия во всех человеческих спорах и разногласиях. Дело в том, что меняется само восприятие факта смерти. Вместо рокового ужаса, который человек бессознательно испытывает и должен испытывать перед ней, распространяется ее интерпретация как обыденности. В одном телевизионном интервью речь шла о психологии бандита. Выяснилось, что в реальности эти люди ведут беседу, как и все другие, они не используют устрашающих интонаций, не проявляют кошмарных эмоций. Вся сила их воздействия кроется в том, что смерть для них – это повседневная деталь, далеко не самая важная в ряду других. Но, собственно, это и есть «беспредель», ибо они выходят за пределы того, на чем строится весь социум и вся человеческая экзистенция. Остается добавить

только, что особенности русского характера таковы, что русские переходят эту грань легче, чем другие. В этом и проявляется их склонность к лиминальности.

Тот факт, что над русской ментальностью довлеет лиминальность, подмечали многие философы. Сохранение метафизической устремленности к пределу, краю составило одну из коренных черт российского национального характера и глубоко вошло в природу человеческой личности. Академик Д.С.Лихачев пишет, что стремление во всем доходить до крайностей, до границ возможного составляет несчастье русских. Эту черту можно заметить в России во всем³⁹.

Е.Трубецкой, размышляя над превратностями судьбы прекраснейших произведений древнерусской иконописи, указал на то, что они воплощались в двух крайностях. «Икона или превращалась в черную, как уголь, доску, или заковывалась в золотую ризу»⁴⁰. Первое свидетельствует о пренебрежении, второе о неосмысленном почитании. Но и то, и другое не есть только лишь непонимание искусства. Оба ведут к забвению откровений прошлого. Оба свидетельствуют об отсутствии устойчивых критериев оценки исторической значимости, судьбоносности явлений. Это, возможно, указывает на то, что «в действительно существующем историческом сознании народа, общества, индивида нет монотонно нарастающей составляющей прогресса...», но тогда «там с неизбежностью будут существовать – и реально существуют – разрывы и провалы»⁴¹. Такое мировосприятие не только отрицает возможность учиться на ошибках. Оно есть показатель особой стихии развития, оно рождает специфические потенции исторической судьбы народа. В пережитом прошлом страны подобная логика не раз создавала приемлемость пути резких дискретных социальных скачков – революций.

Две внутренние логики российских революций

В крупных российских революциях (а к ним следует отнести две величайших трансформации начала и конца XX в.) просматривается роковая двойственность, которая зеркально отражает неизжитый до сих пор раскол общества: власти и народа, верхов и низов. Диалектика социальных перемен происходит по двум различ-

ным матрицам. Первая, которая объемлет, главным образом, элиту в широком смысле слова – интеллигенцию как политическую категорию – развивается аналогично логике западных революций. Здесь в основании социальных перемен лежит, как правило, некая большая идея, теоретически оформившаяся в Европе: коммунизм в начале прошлого столетия, демократия в начале 1990-х гг. Этот революционный процесс сохраняет общую историческую логику великих переворотов Запада, согласно которой после победы революции наступает реакция в той или иной форме. Обе стадии имеют внутривполитическую природу.

Другая матрица вбирает в себя революционные перемены в сознании народных масс, которые соответствуют национальной логике российской смуты. Внешне принимая вид анархических или спонтанных реакций на ущемление социальных интересов, эта логика, в конечном счете, оформляется как реакция самозащиты на иноземное вмешательство. Таково было, прежде всего, национально-освободительное движение против польского вторжения в «классике» русской Смуты – в XVII в. После 1917 г., медленно набирая силу (в том числе через искусно поддерживаемые «политические имиджи» касательно иностранных шпионов и «врагов Советской власти»), пик подобной реакции и торжество народной стихии пришлось на 1941–1945 гг. Что касается современности, то ныне мы являемся свидетелями накопления антизападных, антиамериканских настроений в народной среде, разочарования западными образцами политических действий и отречения от прозападно настроенных лидеров.

В двойственном течении российских революций знаменательно то, что оба потока разбиваются о неспособность противопоставить что-либо исторически укорененной формуле российской государственности, претворяющей в том или ином виде идею «сильной власти». Сообразно эпохе она принимала различные формы при сохранении единообразного содержания: монархическая государственность в XVII в., **авторитарно-тоталитарное коммунистическое партийное единовластие** в середине XX в., сильное президентство в начале XXI в.

Приобщение российских «верхов» европейской культуре, начало которому положил Петр Великий, ожидало коварство извилистого исторического пути. Задуманное как постепенное нисхож-

дение достижений цивилизации от боярства к массам, оно стало знаком водораздела между частями общества, сосуществованием двух культур в одной нации. Одним из парадоксальных следствий этого процесса было то, что на определенной стадии восприятие русскими передовыми умами, российской политической интеллигенцией западного мировоззрения составило ее духовное рождение как оппозиции, причем оппозиции своеобразной. Превратив политический инструмент в исповедание и проповедуя «оппозицию как мировоззрение», российская интеллигенция оформила ее в патриофиобию и стерла грань между прогрессивным смыслом оппозиционности и предательством.

Исторический пример подобной «диалектики» поведения российской интеллигенции начала XX в. стал стилем ее политического действия. Известно, что в 1905 г. в разгар русско-японской войны революционная молодежь отправила японскому императору телеграмму с искренним приветом и пожеланием скорейшей победы над самодержавным российским государством, а затем обратилась с тем же посланием к польским патриотам, ратуя за восстановление польского владычества на русской земле. После восстания 1917 года, когда эти революционеры встали у власти и политические знаки поменялись на противоположные, представители русской эмиграции точно так же отправили в Токио телеграммы и депутации с братским приветом и пожеланием успеха в борьбе с Советами. Они тоже уповали на вторжение поляков и расширение польского государства в противоборстве с «красными».

Ироническая формула «левее здравого смысла» претворилась со временем в злую реальность, отлитую в кредо: «заграница нам поможет». И вот уже в конце XX в. российские «сильные мира сего», выросшие под сенью романтики 1960-х, поддерживают чеченских террористов. Преемственность «диалектики» сохраняется, а значит, фраза, некогда сказанная о «белом движении», может быть с полным правом отнесена к российским «шестидесятникам»: «Дело, начатое святыми, было закончено бандитами»⁴². Оформилась традиция, когда под оппозицией стала пониматься партия, которая смотрит на страну со стороны, «чужими глазами», принимает точку зрения других держав. Но это уже не оппозиция, а «контрапозиция», ибо конструктивный смысл оппозиции в соиздании. Все должно вращаться вокруг единого стержня – в на-

шем случае России, любви к России. Патриотизм – вот тот оселок оппозиционности, ради которого и вокруг которого и существуют все партии, в т. ч. и оппозиция. Другими словами, тот «оппозиционнее», кто патриотичнее, кто больше радеет за страну.

В этом смысле российская «оппозиционность» наследует то «духовное отщепенство», о котором писал П.Струве. Оно, по замечанию русского философа, явилось историческим преемником такого явления, как казачество, когда оно было «не войсковым сословием, а социальным слоем, всего более далеким от государства и всего более ему враждебным»⁴³. Для такого рода оппозиции, замечает он, характерны особые качества: огромный фанатизм ненависти, убийственная прямолинейность выводов и построений, безответственность и легкомысленность в политике. То, что такого типа оппозиция появилась в стране снова в конце XX столетия, позволяет говорить уже не столько о преемственности, сколько о родовых качествах подобной оппозиции.

Ориентированные на готовые теории политические революционеры, страстно готовые изменения, в своих проектах мыслят не народ, реально существующий, а некий выдуманный идеальный народ. Соответственно, подобная отчужденность от собственных корней порождает послереволюционное недоразумение, когда становится очевидным, что ожидаемые результаты себя не оправдали. И тогда появляется виновный – народ, который оказался «не тот», не созрел, не внял высоким идеалам. Поразительно, насколько современно звучат подобные упреки, высказанные в 1918 г. по поводу неудовлетворенности тогдашней российской интеллектуальной элиты результатами революции. «Господствующее простое объяснение случившегося, до которого теперь дошел средний “кающийся” русский интеллигент, – писал С.Л.Франк, – состоит в ссылке не “неподготовленность народа”». Согласно этому объяснению, «народ» в силу своей невежественности и государственной невоспитанности, в которых повинен в последнем счете тот же «старый режим», оказался не в состоянии усвоить и осуществить прекрасные, задуманные революционной интеллигенцией реформы и своим грубым, неумелым поведением погубил «страну и революцию»⁴⁴. Ему вторит свидетельство П.Б.Струве: «Обычное ходячее объяснение той катастрофы... прежде всего заключается в ссылке на невежество и некультурность народа»⁴⁵.

Круто изменившиеся условия существования России требуют и новых идеологий, новых принципов, которые не могут быть полностью определены известными рамками либеральной, консервативной или коммунистической идеологии. «Проповедь старой программы действий в существенно новых условиях часто бывает наихудшей формой измены своим принципам»⁴⁶, – некогда заметил Н. Устрялов. В свое время он один из первых представителей русской эмиграции распознал важность и глубокую позитивную национальную сущность большевизма в России в тот период, когда внешне ее политика квалифицировалась и на самом деле была интернационалистической, рассматривалась как «подготовка мировой революции», как «головешка» для мирового революционного пожара. И так же, как в 1920-е гг. прошлого века причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора русской жизни, сегодня первоначально прозападная власть вынужденно пронизывается русским духом и с неизбежностью решает и станет решать задачи воссоединения страны, подъема ее обороноспособности, экономического и социального развития.

* * *

В 1916 г. П.Н.Милюков, осуждая нелепые действия правительства и предчувствуя надвигающуюся на Россию катастрофу, с трибуны Государственной Думы воскликнул: «Что это, глупость или измена?»⁴⁷. Эти исторические слова впоследствии повторялись неоднократно как рефрен многими исследователями, которые анализировали причины и трагические последствия Октябрьской революции. В постперестроечную эпоху конца XX столетия «глупость и государственная измена» также признавались решающими основаниями бедствий, обрушившихся на страну. Кто только не обвинял в этих грехах «предателя» М.Горбачева, пьяницу Б.Ельцина? Но сколь бы ни было индивидуальным их поведение, они оставались, пусть «своевольными», но второстепенными фигурами в глобальном процессе завершения эпохи модерна и императива перехода на новый виток мирового развития.

Одна из главнейших бед России в том, что страна, ее правители и население слишком глубоко ушли в уютную трясиину «застоя» и не хотели, не желали видеть и беспокоиться относительно необходимости успевать за темпами грядущих мировых перемен. «Чтобы стоять на месте, необходимо бежать», – говорилось в мудрой сказке Л.Кэрролла «Алиса в стране чудес». Европа и западный мир впитали этот тезис в свою «рациональность» и образ жизни. Россия ленится и игнорирует толчки мирового прогресса до тех пор, пока ее насильственно не столкнут с теплой русской печи. И тогда настает эпоха перемен, которой все сначала жаждут, а потом клянут как время, в котором не приведи Бог жить. И потому наша главная задача – научиться жить в потоке постоянных изменений, принять эту иррационально-рациональную европейскую аксиому во имя сохранения и утверждения особого лица российской национальной идентичности. Мы должны найти себя и быть собой.

Сегодня для России важно понять глубокую разницу между имитационной гонкой за технологическими успехами и творческим созданием собственной неповторимой культурной модели развития. Ориентация на инородные культурные образцы – «ex Oriente lux» (свет с Востока) или же «ex Occidente lux» (свет с Запада), как отмечает Б.А.Успенский, является особенностью отечественного развития⁴⁸. Однако чужой культурный эталон, функционирующий вне историко-культурного контекста, его породившего, превращает проблему развития – проблему старого и нового – в проблему «своего» и «чужого». Такова специфическая российская диалектика. Очевидно, она может стать плодотворной только в одном случае, когда чужеродные ценности, иностранные концептуальные схемы будут творчески переработаны, получают новое наполнение.

Проблема грядущего развития России, очевидно, заключается в четком осознании недостаточности технологического импульса модернизации. Как показала современная история, он ведет лишь к транспортировке «конечных продуктов» технического прогресса и не способен породить ничего, кроме потерянного «поколения *persi*», поколения без нравственного смысла жизни и больших идеалов.

Более того, знаменательным уроком для нас должна служить уже проявившая себя негативная статистика последствий «транспортировки правильного функционирования» структур управле-

ния, предпринятого в XX и XXI в. американцами. Известный политолог Ф.Фукуяма, который сначала был одним из горячих сторонников подобной позиции, в своей книге «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке» свидетельствует, что в Соединенных Штатах усилия по передаче своего институционального потенциала «странам-неудачникам» получили название «построения национального государства»⁴⁹. При этом было объявлено, что внешние силы, действующие на основе соблюдения прав человека и демократической легитимности, имеют право и обязаны вмешиваться во внутреннюю жизнь «слабых стран» с целью реконструкции местной институциональной инфраструктуры. Допускается периодическое нарушение суверенитета других государств и принятие Соединенными Штатами на себя руководства ими⁵⁰.

Необходимо отметить, что подобное самомнение американских правительственных кругов базируется на соответствующем общественном настроении нации. Большинство американцев свято верит в то, что их институциональная система является наиболее совершенным из всех реально существующих приближений к демократическому идеалу. Американцы гордятся своей демократической идеей, как отпрыск старинного рода в Европе гордится родовым фамильным гербом. Аффективность институционального восторга настолько велика, что метафора о «блистательном городе на вершине горы», прозвучавшая некогда в выступлении Р.Рейгана, воспринимается американцами слишком буквально. Подобное настроение рождает мессианский настрой и лежит в основании типично американской склонности путать собственные национальные интересы с общемировыми, а свои политические институты считать универсальными моделями для остального человечества.

Политическая стратегия по «перестройке» других государств полагает, что в странах-реципиентах вполне достаточно «восполнить недостаток административного потенциала». Главная задача современности это – «создать науку, искусство и технологию построения государственного аппарата»⁵¹, на которые якобы ожидается вскоре огромный спрос в несостоявшихся странах. Однако реальные усилия последних десятилетий показали, что внедрение подобных идей в африканские регионы, расположенные южнее Сахары, фактически разрушило весь местный институциональный организационный потенциал. Более того, в стратегической пер-

спективе сама идея государства как организации, абстрагированная от духовно-культурных национальных оснований, для центров мирового могущества содержит в себе искус административного добавления других стран к своей империи.

Административный развал в России последних десятилетий в огромной степени порожден бездумным копированием вышеуказанной политической стратегии. Пришло время сделать определенные выводы и осознать тщету и вред подобных действий.

Проблема для России сегодня состоит в том, чтобы конкретный исторический вызов стал для нее и для ее народа не очередным эталоном, поворотом моды, преходящей установкой, а масштабным **историческим заданием**.

Историческое величие Владимира Святого состояло в том, что он поставил перед Россией колоссальное историческое нравственное задание – новое рождение переосмысленной православной традиции. Неоспоримая позитивность весьма неоднозначной фигуры Петра Великого возникает из успешного осуществления грандиозной исторической имперской задачи государственного строительства, на исполнение которой он поднял страну. Если выражаться в рамках современной терминологии геополитики, то его деяния были воплощением идеи российского «большого пространства». Наконец, нынешние горячие споры вокруг «личности» И.Сталина, несомненно, проистекают из того, что он создал мощнейший мобилизационный импульс, приведший к реализации исторически своеобразного варианта новой общественной модели – модели социального государства. Идея эта предстает ныне как одно из выдающихся достижений современного мирового цивилизационного развития. Итак, сегодня мы стоим перед монументальной загадкой и одновременно задачей – осознать и сформулировать новое историческое задание России. Контуры его только начинают вырисовываться. Ясно одно – оно должно оформиться, в первую очередь, как особый **нравственный** императив для власти и общества в целом.

Примечания

- 1 Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М., 1977. С. 324.
- 2 Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 372.
- 3 Там же. С. 372–373.
- 4 «Вы шумите, березы». Муз. А.Ханок. Слова Н.Гилевич (пер. А.Прокофьева).
- 5 Платонов А. Котлован // Новый мир. 1987. № 6. С. 54.
- 6 Там же. С. 75.
- 7 Там же. С. 58, 75.
- 8 Там же. С. 51.
- 9 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 8.
- 10 Святополк-Мирский Д.П. Веяние смерти в предреволюционной литературе. // Русский узел евразийства. М., 1997. С. 359.
- 11 Сорокин П. Социология революции. М., 2008. С. 361.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 366.
- 14 Там же. С. 367.
- 15 Там же. С. 363.
- 16 Там же. С. 26.
- 17 Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1991. № 2. С. 310.
- 18 Там же.
- 19 Бенуа А. де. О России // Против либерализма. К четвертой политической теории. М., 2009. С. 463.
- 20 Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов с запретом на интервенцию чуждых пространству сил // Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum euroaeum*. СПб., 2008. С. 495.
- 21 Там же. С. 502.
- 22 Там же. С. 518.
- 23 Шмитт К. Планетарная напряженность между Востоком и Западом и противостояние Земли и Моря // <http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/schmitt01.htm>
- 24 Там же.
- 25 Шмитт К. Порядок больших пространств... С. 511.
- 26 См., напр., Zacharie A., Toussaint E. Le bateau ivre de la mondialisation. Escales au sein du village planetaire. P., 2000; Kechad R. La sociologie a l'épreuve de la mondialisation: Quel avenir pour la sociologie? // Esprit critique. P., 2002. Vol. 4. № 10; Queau Ph. (UNESCO) La planete des esprits. Pour une politique du cyberspace. P., 2000; Passe P. Nous sommes tous «mondialisés». Colloque de Morsang sur Orge // Интернет-версия. 2003; Queau Ph. La regulation de la societe de l'information // Intervir. Интернет-версия. 2001; Cohen P. The symbolic construction of community. L., 1985.
- 27 Делёз Ж. Общество контроля. PostScriptum // <http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/delez01.htm>
- 28 Там же.

- 29 *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Наследие Чингисхана. С. 126.
- 30 Там же. С. 123.
- 31 *Трубецкой Н.С.* Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. С. 224.
- 32 *Давыдов Д.В.* Графу П.А.Строганову за чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 года в Турции // *Давыдов Д.* Стихотворения. М., 1979. С. 59.
- 33 *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Т. 1. М., 2006. С. 137.
- 34 *Успенский Б.А.* «Заветные сказки» А.Н.Афанасьева // *Успенский Б.А.* Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 165.
- 35 Полагалось, что тот мир есть мир с обратными, противоположными – по сравнению с нашим миром – связями. Бытовало мнение, что на том свете все наоборот, т. е. то, что здесь является правым, там оказывается левым, верх соответствует низу и т. д. и т. п. Это отражалось как в верованиях, так и в обрядах – прежде всего в похоронных обрядах. Например, к покойнику принято было прикасаться лишь левой рукой, одежда на нем застегивалась обратным, по сравнению с обычным, образом, траурное платье выворачивалось наизнанку, предметы переворачивались вверх дном и т. п.
- 36 *Успенский Б.А.* Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // *Успенский Б.А.* Избр. тр. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 382; 385.
- 37 *Успенский Б.А.* Антиповедение в культуре древней Руси // *Успенский Б.А.* Избр. тр. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 475.
- 38 Если паломничество в нормальном случае описывает путешествие в святую землю, то антипаломничество, напротив, описывает путешествие в грешную, поганую землю.
- 39 *Лихачев Д.С.* О национальном характере русских // *Вопр. философии.* 1990. № 4. С. 5.
- 40 *Трубецкой Е.Н.* Россия в ее иконе // *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М., 1994. С. 287.
- 41 *Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж.* Исторические вехи российского менталитета // *Человек: Грани философской рефлексии.* М., 1996. С. 101.
- 42 *Франк С.А.* Крушение кумиров // *Франк С.А.* Соч. М., 1990. С. 127.
- 43 *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // *Вехи.* Свердловск, 1991. С. 150.
- 44 *Франк С.Л.* De profundis // *Вехи.* Из глубины. М., 1991. С. 480–481.
- 45 *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Там же. С. 460.
- 46 *Устрялов Н.* Patriotica // Смена вех. Прага, 1921 (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_Ustr_PATR.php).
- 47 Речь П.Н.Милокова на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 (http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/191611milyu.html).
- 48 *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России. (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 5.
- 49 *Фукуяма Ф.* Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. С. 169.
- 50 Там же. С. 164–165.
- 51 Там же. С. 168.

Современная российская социальная реальность в контексте её исторического взаимодействия с Западом

1. Сравнительный анализ исходных принципов западной и российской цивилизаций

Приступая к этой достаточно сложной теме, исследователь должен прежде всего определиться – нет, не с понятиями, как принято в философии (это уже во вторую очередь), – а с самим собой. Если исследователь не безразличен к сегодняшней ситуации в России, которую многие авторы квалифицируют как инволюцию и регресс, то проблемы государства, общества и человека должны быть приоритетными для него. Подобное состояние как раз и имел в виду выдающийся отечественный мыслитель А.Ф.Лосев, который глубокую озабоченность и тревогу за судьбу России (по-прежнему актуальной!) выразил в достаточно жесткой форме: «Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то там отвлеченной, головной и никому не нужной “теорией познания” или “учением о бытии и материи”»¹.

Такая расстановка акцентов в понимании задач философии оправдана исключительной сложностью российского бытия. Это подразумевает необходимость преодоления безответственной интеллектуальной игры с преобразованием знаков и текстов, излишней заботы о гносеологической безупречности метода и переходу к весьма трудной работе по изучению и анализу современной социальной действительности. Иными словами, познание не может быть самоцелью, оно должно быть подчинено осознанию острых социально-политических проблем страны, особенно когда она оказывается перед экзистенциальным выбором, от которого зависит само ее существование. При этом речь идет не просто о познании,

а о самопознании, значение которого, как первого условия нормального развития, ясно понимал еще Ф.Тютчев, предостерегавший своих соотечественников от того, чтобы в познании России пользоваться «аршином общим».

Однако ситуация в социальной и политической философии на сегодняшний момент отнюдь не отвечает данному императиву Лосева. Во-первых, потому, что сама философия в России подвергается ограничению и даже некоторому выдавливанию из сферы общественного сознания. Это порой вынуждает научное общество, полузадушенное реформой, к толерантности, граничащей с сервильностью в тех случаях, когда дело касается анализа социально-политических вопросов. Поэтому неудивительно, что социальная философия не нашла средств для систематического концептуального освоения изменившейся российской реальности. Не разработала теоретические основания для создания фундамента общественной жизни, который приходится в очередной раз строить заново в отличие от большинства стран Запада и Востока, где он сложился в процессе стихийной социальной эволюции. По этой причине в обществе иногда выдвигаются обвинения в том, что философы не могут ни объяснить ход социально-исторических процессов, ни предсказать их. Во-вторых, социальная теория основывает свою рефлексию на определенных структурных признаках того или иного общества, которые детерминируют различные стороны его жизнедеятельности. Состояние же современной социальной реальности таково, что многие явления и процессы в государстве и обществе нельзя объяснить в парадигме нынешних знаний. Социальная философия с ее прежними способами обработки материала и прежним категориальным аппаратом не находит адекватных средств, а также соответствующего языка для анализа и отражения российских проблем. Существенно и то, что в социальной философии не может быть раз и навсегда заданных решений, ей приходится как бы заново решать вопросы социального бытия людей во всех возможных измерениях в каждый новый период истории.

Кроме того, снятие цензурных ограничений и слияние с мировой наукой явственно продемонстрировало, что ключевые понятия и концепты российской общественной науки в основном западного происхождения как следствие излишнего увлечения западными

теориями, заведшего всех нас в теоретический и практический тупик. Современное западное обществознание, которое будто бы имеет универсальный характер, в действительности отражает весьма специфический вид общества – западный. Применение его для анализа обществ других типов, как подчеркивает, например, А.И.Фурсов, дает совершенно иной результат. Западная социальная наука является отражением такого общества, где очень четко различаются сферы экономического, политического и социального: т. е. рынок, политика и гражданское общество. Однако есть общества (российское, в частности), где нет такой четкой дифференциации! Тем не менее мы пытаемся их познавать с помощью западного обществоведения. По убеждению Фурсова, западная социальная наука создавалась как средство западного интеллектуального господства: с одной стороны – над низами собственного общества, с другой – над теми обществами, которые втягиваются в орбиту Запада. Чтобы убедиться в том, что это действительно так, достаточно обратиться к таким известным теориям как, например, «конфликтология». Ведь неслучайно теоретики конфликта самих себя рассматривают как своеобразную «пожарную команду» и «экспертов» по регулированию взаимоотношений людей с целью «сшить» социальную систему и канализировать негативное отношение к ней «низов» в другое, безопасное русло. То же самое относится к теории «социального партнерства» и другим, аналогичным в функциональном плане, теориям. Восприятие российской реальности сквозь «призму» западного понятийного аппарата означает вступление на путь, ведущий к поражению, ибо западная наука в данном случае выступает как гуманитарная технология, направленная на разрушение общества. Следуя в фарватере западных теоретических и идеологических разработок, социальная философия до сих пор не может адекватно отразить реальную российскую ситуацию, т. к. находится в плену у западной общественной науки.

С таким тезисом некоторые могут не согласиться, апеллируя к широко распространенному утверждению о том, что Россия – часть западной цивилизации, а потому западные понятия вполне применимы к России. Однако выяснилось, что это утверждение не находит своего научного подтверждения, о чем свидетельствует, например, проведенное в 1993 г. в более чем 60 странах планеты исследование, основанное на эмпирических данных с примене-

нием специальных методик, по т. н. проекту GLOBE². Его итогом явилось создание теории, которая объясняет особенности различных национальных культур, проявляющихся в определенных паттернах. Полученные в ходе осуществления этого проекта результаты позволяют сделать вывод: национальные культуры российской Евразии своеобразны и крайне далеки как от западноцентральноевропейских, так и от североамериканско-англосаксонских. Европейскость России – это иллюзия (!), навязанная нашему обществу извне и изнутри, причем иллюзия, имеющая глубокие исторические корни и до сих пор сохраняющаяся в виде определения России как «европейской страны» или указания траектории ее движения как «пути в Европу». Таким образом, результаты исследования дают основания задуматься над собственным российским путем развития, особенно после ряда неудачных попыток заимствования и перенесения на российскую почву некоторых западных идей. К тому же, как отмечает В.И.Пантин, «популярная в 1990-е годы среди либеральных политиков и публицистов позиция, согласно которой Россия является чисто европейской страной, в скором времени должна стать частью Запада и поэтому должна ориентироваться исключительно на западный опыт политического и экономического развития, – не соответствует представлениям большинства российского общества о цивилизационной природе России и о ее стратегических ориентирах»³.

Но если опыт заимствования западных идей и понятий оказывается неудачным (ссылка на то, что причина неудач в нашей никчемности – несерьезна), то возникает вопрос: в чем реальная причина деструктивной экспансии западных идей, которая неоднократно повторяется в истории России? Без выяснения этого вопроса невозможно выработать систему теоретических приоритетов для обоснования своего собственного пути в будущее, выстроить ряд идеальных интенций для определения должного развития государства, общества и человека.

Прежде всего необходимо найти новую точку отсчета, скорректировать язык описания, пересмотреть духовно-теоретические и жизненно-практические ориентации. Начать целесообразно с того положения, что полная картина происходящего, как бы явственно в ней не были выражены частные тенденции, будет невозможна, если в ней не учитываются универсальные векторы и

закономерности. Это предполагает анализ особенностей взаимодействия между такими важными структурами, как цивилизации (в данном случае речь идет о западной и российской цивилизации), который позволяет в определенной степени прогнозировать события. Несмотря на то, что в мире произошли колоссальные преобразования в связи с распадом СССР, изменился общественный и политический строй в России, характер взаимодействия России с Западом, главные противоречия и основная тенденция по существу остались теми же, что были и прежде. Почему так происходит – вопрос особого рассмотрения.

Первым шагом в выяснении этого вопроса, а значит и в прогнозировании будущего, может стать выявление глубинной специфики западной и российской цивилизации. Находясь в непрерывном развитии, цивилизации в то же время несут информацию о прошлом, которая сохраняется в настоящем и переходит в будущее. Исторический опыт ушедших поколений не исчезает, а продолжает жить в человеческом обществе, прежде всего в духовной сфере, ибо сознание человека определяется не только положением в данный момент истории, но и предысторией. Оно носит не только личностный, но и надличностный характер. В таком аспекте западную и российскую цивилизации можно рассматривать как разные проекции человеческого сознания, мышления, а стало быть, и действия, которые в значительной мере определяют траектории их развития.

Не останавливаясь на известных характеристиках данных цивилизаций, необходимо сосредоточить свое внимание на наиболее фундаментальном различии западной и российской цивилизации, которое составляет их родовую, исторически инвариантную сущность. Это является единственной возможностью охватить разнородные процессы, внести какой-то порядок в описание многообразия конкретных различий, отразить их системную целостность. Какая же идея может выражать главное различие данных цивилизаций? Популярная некогда идея социально-экономической детерминации продемонстрировала к концу XX в. свою недостаточность. Это заставило ученых, с одной стороны, пристальнее присмотреться к экономическим закономерностям как во многом детерминирующим исторический процесс, а с другой, – разглядеть под ними иной, более глубокий и первичный уровень, который базируется на ментальных, психологических, культурно-

символических, психосемиотических сущностях. Они пронизывают своими тонкими нитями весь каркас той или иной цивилизации и в совокупности составляют исторически передаваемую систему значений, унаследованных представлений, имеющих между собой глубокую связь, которую издавна пытались выразить в некой символической форме.

Сегодня на Западе появляется много исследователей, которые, оставаясь порой на уровне смутных представлений, начинают осознавать, что их цивилизация является однобокой, одномерной. Появилась потребность понять, чего именно недостает западной цивилизации, что составляет ее суть. Одной из известных попыток такого рода является выдвинутое английским ученым Р.Тарнасом определение сути западной цивилизации как цивилизации, пронизанной преимущественно «мужским началом». Это определение отнюдь не является новым в истории человеческой мысли. Целой плеядой ученых, начиная с Ф.Ратцеля, было доказано, что орды кочевников, где господствовал мужской тип одинокого мужчины, организовали впоследствии ультрапатриархальный тип общества, который стал доминировать в Западной Европе.

Характеристика западной цивилизации как «мужской» способствует более полному схватыванию ее сущности, которая не поддается привычному и полному рационализированию. Такой подход издавна применялся как особый универсальный метод в духовной культуре – в философии, религии, искусстве. В представлении человека о мироздании самым первым было разделение Абсолюта на мужское и женское начала мира. Отсюда вытекает, что принцип существования мужского и женского должен пронизывать все, в чем находит проявление человека: минимально – семейную пару как соединение мужского и женского, и максимально – всю историю человечества. Таким образом, фундаментальным первоначалом для всех последующих представлений и понятий стала метафора «мужское/женское», выражающая закон сохранения двойственности как основополагающий закон сохранения в Природе.

Новым применительно к современной социальной реальности является некая экзистенциальная завершенность этого мужского начала, на которую обратил внимание Тарнас. «Почему же мужской характер западной интеллектуальной и духовной традиции стал для нас очевиден только сегодня, тогда как все предыдущие

поколения пребывали относительно него в полном неведении? Я считаю, это происходит только теперь, потому что, как предполагал Гегель, цивилизация до тех пор не способна осознать самое себя и собственную значимость, пока не достигнет такой ступени зрелости, когда уже близок ее смертный час»⁴. Эта мысль явно корреспондирует с высказыванием К. Леви-Стросса («Структурная революция») о том, что ребенок не имеет пола, или, точнее, в нем смешано мужское и женское начало. По отношению же к старику, напротив, различие пола не вызывает сомнения. Таким образом, идея, появившаяся на заре человеческой цивилизации, в том числе западной, становится вновь актуальной на ее закате, о котором твердит вся западная и не только западная философия.

В чем же эвристическая ценность данной идеи и почему есть смысл обратиться к ней? Эта идея предполагает, что нечто важное нельзя удовлетворительно объяснить словами нашего современного языка. Но в то же время она содержит в себе в свернутом виде целое мировоззрение, кратко, без перевода открывает глубинный смысл основополагающих понятий мироздания, а также человеческой истории, порождая в сознании определенный резонанс, который помогает истинному пониманию вещей. В таком виде данная идея, выраженная в символической форме, может содержать еще много непознанного, что дает основания каждый раз заново обращаться к ней. А символическая форма позволяет раскрывать ту часть ее содержания, которая становится в определенный момент актуальной, которая созвучна веяниям времени. Это особый подход, выходящий за рамки нашего обыкновенного рационального познания, с его помощью люди во все времена искали и находили способы сообщить друг другу нечто такое, что превосходит пределы и возможности языка. Необходимость в нем возникает всякий раз, когда появляется потребность объять необъятное, соединить видимое и невидимое, связать между собой прошлое, настоящее и будущее, совершенно новое и поистине древнее. т. е. сочетать как признаки архаичности, так и признаки современности, преодолевать пространство и время, выходить за пределы конкретной физической реальности.

Эта, казалась бы, самая древняя, архаичная идея в настоящее время находится в фокусе научного и общественного внимания как за рубежом, так и в России, правда, не в своем космологиче-

ском и универсальном значении, а в социокультурных, этносоциологических аспектах. Об интересе к ней свидетельствует рост публикаций и научных мероприятий в разных областях знания. Социальным проявлениям «мужского» и мужественности посвящены, например, ряд исследований и конференций, проводимых в США (University of Illinois at Urbana-Champaign/Summer Research Laboratory) и Германии, издания Института этнологии и антропологии РАН. На ежегодной научной конференции «“Мужское” в традиционном и современном обществе» (апрель, 2003), организованной РНИИ культурного и природного наследия МК РФ и Институтом этнологии и антропологии РАН с участием философов, психологов, представителей конфессиональных объединений, были представлены результаты исследований мужских стратегий поведения (в том числе конфликтности и агрессивности в различных социокультурных, этнокультурных и профессиональных группах), рассмотрены особенности мужских и женских этнообразов (система ценностей, образ жизни). Делались попытки осмыслить закономерности, стандарты маскулинности в различных религиях, а также их воздействие на формирование мировоззрения и культурных стереотипов различных социумов. Сегодня характеристика «мужское/женское» применительно к цивилизациям зависит главным образом от этнических констант, свойственных той или иной цивилизации, от адаптивно-деятельностных моделей, сложившихся на их основе, от механизмов самоконструирования этноса.

Идея о преимущественно мужском характере западной цивилизации в метафизическом плане содержит некий посыл, состоящий в том, что где-то в пространстве и времени существует вторая, дополняющая ее часть, возможность их некоего взаимодействия. Она, естественно, характеризуется как «женское начало» и относится (так сложилось в истории идей) преимущественно к российской цивилизации. В свою очередь такая интерпретация имеет определенную традицию в русской религиозной философской мысли конца XIX – начала XX вв.

Характеристика обеих цивилизаций в понятиях мужское/женское, с одной стороны, имеет давнее происхождение, а с другой, сохранилась в современности, видимо, потому, что она раскрывает глубинный смысл взаимодействия обеих цивилизаций. Поскольку менталитет людей, относящихся к западной и российской цивили-

зации, существенно отличается, то оценка этих различий в категориях «мужское/женское» может многое объяснить в сегодняшней ситуации. Такой подход изначально налагает отпечаток на определение характера российской цивилизации как обусловленной взаимодействием с западной цивилизацией. Он более отчетливо выявляет сущность этого растянутого во времени взаимодействия как негармоничного, неравноправного, а иногда и принудительного. Спресованность во времени приводит к забвению истинных причинно-следственных связей, целостной стратегии того, что разорвано и растянуто во времени. При этом локальные моменты истории приобретают самодовлеющее значение, которое позволяет скрыть универсальный вектор взаимоотношений двух цивилизаций. Прояснение данного положения и должно составлять эмпирическую базу социально-философского исследования.

Учитывая поразительную способность западной цивилизации к функциональной автотрансформации, следует обратить особое внимание на сформированную «мужским началом» ментальность в качестве весьма устойчивого, сохраняющегося на всем протяжении истории феномена. Мужественная предрасположенность, бессознательное присутствие архетипической фигуры «мужчины» составляет суть западной цивилизации. «Человек западной традиции, – пишет Тарнас, – это вечно мятущийся герой-мужчина, метеорологического толка бунтарь, постоянно взыскующий для себя свободы и движения, постоянно рвущийся отделиться и в физическом, и в метафизическом планах от породившей его первоосновы и подчинить ее себе»⁵. Гипертрофированная мужественность проявилась в стиле мышления, во всех основополагающих религиозных, научных и философских воззрениях западной культуры: в ее ярко выраженном рационализме, в объективистской науке, возникшей в Европе Нового времени, в просветительском возвеличивании хладнокровного рассудочного «ego», полностью отделившегося от внешней природы. «Мужское начало» проявлялось как принцип, мотив, движущая сила организации социальных форм жизни, воспроизводящихся в многократных вариациях и построениях. Все это послужило причиной развития независимой человеческой воли и самостоятельного индивидуального «ego» **самоопределяющегося** человека со всей его неповторимостью, обособленностью и свободой. Но для утверждения своей доминанты «мужскому на-

чалу» понадобилось потеснить и подавить «женское». Вся эволюция западного мышления была основана на подавлении женского начала – на подавлении нерасчлененного унитарного сознания. Она проявилась в последовательном отрицании цельности бытия, таинства и неоднозначности, воображения, эмоций, интуиций, природы, женщины – словом, всего того, что мужское начало в своих проекциях отождествило с «другим», «инаковым»⁶.

Западная цивилизация с ее мужским типом мышления закономерно приняла для себя и мужскую модель поведения. Период социальной эволюции, в которой происходило формирование мужского начала, разворачивался в длительном процессе становления общественных форм, оказывавших свое воздействие на последующие эпохи вплоть до настоящего времени. Индивиды выступали как бы вписанными в этот поток мужественной стихии, были элементами воплощенной мужественности. Мужской способ бытия стал реализовывать и модифицировать социальное развитие, выражать ход процессов и определять их логику. Воспроизводство и трансформация социального процесса обеспечиваются соответствующим характером и динамикой человеческих сил. Неслучайно индивидуализм – яркое отражение мужского начала.

В онтологическом и антропологическом смысле природа отдельного человека и отдельного народа действительно содержит мужскую и женскую составляющие. «Мужское/женское» как в своем универсальном, символическом, так в онтологическом и антропологическом смысле имеют некие константы, которые обладают определенным изоморфизмом, неким соответствием сущностных черт. Мужское начало является носителем активности, деятельности, проявляется в тяге к господству, стремлении приказывать, надзирать, сдерживать и подавлять. Мужчина – это воин (первое убийство совершено мужчиной, а не женщиной), строитель, искатель приключений. Мужская модель построена на активном вмешательстве во внешний мир – с помощью орудий труда, оружия, моторов, механизмов, бизнеса, образования, науки, изобретений. Мужское поведение включает «Я-принцип», гордость, соревнование, храбрость, риск, нетерпение, словесное и физическое воздействие.

Чем больше в цивилизации элементов секуляризации, тем больше в ней мужественности. Можно вспомнить об атеизме времен Французской революции, о культе язычества во времена

Гитлера, когда подчеркивалось очень мужественное, воинственное начало, а всякие женские черты – жалость, милосердие – объявлялись презренными и недостойными. Порождением мужской цивилизации является и феминизм: многочисленные образы мужеподобных женщин, воплощающих стремление сделать внутренний мир женщины в какой-то степени идентичным мужскому, стали обычным явлением. Несмотря на все женские «завоевания» – это всего лишь площадка, которую им отвели мужчины. Западные феминистки всегда это хорошо понимали, справедливо полагая, что их цивилизация – это мужская цивилизация.

Западная традиция в понимании «женского начала» коренным образом отличается от российской. Весьма показательно, что присущая Западу женофобия отчетливо коррелируется с «руссофобией». Начиная с записок путешественников в Московию, Россия представляется Западу с его инструментальными ценностями, страной, основанной на альтернативных ценностях. Нашей стране, отмечает О.Рябов, инкриминируются те качества, которые в гендерной картине мира устойчиво маркируются как феминные: хаос, непредсказуемость, неспособность к самоконтролю, экстремизм, иррационализм, излишняя покорность, излишнее терпение, слабость воли, неумеренность ни в чем: доброта и милосердие и те вызывают опасения, – ведь даже с самыми благими намерениями Россия может задушить в своих «медвежьих объятиях». т. е. Россия предстает как воплощение «радикально Иного», как страна, обладающая качествами, которые традиционно маркируются как феминные. Поэтому Россия была обречена называться женственной⁷.

В отличие от Запада Россия ассоциируется преимущественно с «женским началом». На протяжении последних полутора веков отечественная мысль была заинтригована идеей женственности. К ней обращались, в частности, А.И.Герцен, К.Д.Кавелин, В.С.Соловьев, С.Н.Булгаков, В.В.Розанов, Н.А.Бердяев, П.А.Флоренский, В.Ф.Эрн, Н.О.Лосский, В.И.Иванов, И.А.Ильин, Г.В.Флоровский, Г.Д.Гачев, А.Г.Дугин⁸. Уже сам перечень имен мыслителей, принадлежащих к различным школам и направлениям отечественной философии, позволяет предположить, что обращение к идее женственности является неслучайным. Идея женственности России была благосклонно воспринята потому, что она соотносилась с

мировым женственным началом, трактуемым в космологическом и религиозном плане, имела более сложную структуру, отражающую существенные характеристики русской цивилизации. Маркировка российской цивилизации с помощью категории «женская» не является самодовлеющей. Она выступает в качестве ответной, защитной реакции на агрессивное акцентирование мужского начала Западом. Ее значение выявляется на фоне стремления России самоопределиться, достичь меры существования, соответствующей собственному представлению о приемлемом образе жизни.

Сегодня в отношении к идее женственности России в отечественной культуре существуют две противоположные позиции. Одну из них выражает известный питерский музыкант-философ, яркая фигура российской культуры Б.Гребенщиков, который полагает, что в истории человечества Россия имеет свою определенную функцию: какую-то щемящую духовность, проявляющуюся, в частности, в музыке. Такой музыки нет ни в Европе, ни в Америке, ни в Африке, а в России она есть, может быть, потому, что Россия – великая женственность. И это все ощущают, не только в России, но и в мире. Другую позицию представляет поэтесса Алина Витухновская. По ее мнению, ставшие привычными образы: Россия – женщина, Россия – матушка, родина-мать устарели, а по сути, они были навязаны русскому народу как содержащие некое политически подавляющее начало. Витухновская убеждена, что эта «женщина» и эта «мать» не есть подлинная Россия.

Полярность данных высказываний (каждого по-своему правомерного) обусловлена тем, что они относятся к разным уровням понимания «женского начала»: один из них выражает космологический, духовный принцип, другой – параллельный ему, онтологический и антропологический. Смешивание этих уровней и протекающая отсюда постоянная путаница, коренящаяся в их семантической схожести, порождает путаницу понятийную, влекущую за собой разногласицу и непонимание сути проблемы.

Как известно, Россия унаследовала от Византии православие, которое очень глубоко вошло в русский быт, культуру и мировоззрение, пронизывало всю жизнь страны, всецело определяя сущность страны и характер народа. Христианское учение пришло в Россию вместе с образом Софии⁹. По признанию П.А.Флоренского,

мы – народ софийный, Россия без Софии – *contradicto in adjecto*¹⁰. К Софии, несмотря на разное ее понимание, обращались многие русские философы на рубеже XX в. от Вл. Соловьева до П.Флоренского, пришедшие к софиологии, цель которой – постижение бытия как объективной духовной реальности. Интерес к Софии был обусловлен также и тем, что она несла в себе возвышенные, истинно христианские черты, которые находили свое отражение в характере и душе русского народа. Русская мысль тянулась к Софии как возможности соборного общения всего между собой, нераздельности и неслиянности.

Идеальное, религиозное начало связано с образом Вечной Женственности. Между религиозностью и духовностью как проявлением «женского начала» есть особое соответствие. Вот почему противники христианства, такие как современник Оригена Цельс (III в.) или немецкий философ Ницше, обвиняли христианство в том, что оно придает цивилизации характер женственности. Однако в религиозной православной традиции именно «женское начало» олицетворяет мощь, поскольку порождает большую духовную силу, которая в русской цивилизации проявляется и, конечном счете, именуется как «мужественность», что и порождает понятнейшую путаницу.

«Завоевание духовности, – писал Бердяев, – есть главная задача человеческой жизни. Но духовность нужно шире понимать, чем обыкновенно понимают. Духовность нужна и для борьбы, которую ведет человек в мире. Без духовности нельзя нести жертвы и совершать подвига»¹¹. «Женское начало» как начало возвышенное, религиозное определяет в духовном складе русского народа и народов России примат долга, его приоритет перед свободой, в то время как «мужское начало» Запада имеет иные приоритеты и ценности (свобода дороже долга). Так понимаемое «женское начало» российской цивилизации формировало русского воина, воина-защитника очага, родной земли. Оно же определяло и особую черту боевого духа российского воинства, для которого характерна не жестокость, а мужество и готовность к подвигу, самопожертвованию. Русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности, что он не раз доказал западным народам. Мужественность была свойством русской души, ибо без нее невозможно было бы защититься от бесконечных нашествий, охранять

бездбрежные просторы, создать огромное государство и великую культуру. Таким образом, речь идет о силе духа, которая определяется как мужество.

В этом смысле русская цивилизация принципиально отличается от европейской, которой постоянно угрожает декаданс вечно-мужественного: формализм, заорганизованность, чрезмерная трезвость, жесткая интенсивность, рационалистичность, эмпиристский релятивизм, безверие, революционный и воинственный дух (И.А.Ильин). Различие цивилизаций пронизательно подметил и Чаадаев, которому в современной отечественной литературе принято приписывать абсолютное западничество. Он замечал в связи с этим: «Возьмите любую эпоху в истории западных народов, сравните ее с тем, что представляем мы в 1835 году по Р.Х., и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов. ... Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед...»¹². Чаадаев писал о засилье «чужеземных идей» как о тяжком препятствии, которое необходимо преодолеть для плодотворного развития России и подчеркивал, что «будем истинно свободны от влияния чужеземных идей лишь с того дня, когда вполне уразумеем пройденный нами путь...»¹³.

Как уже отмечалось, семантическое тождество понятия «женского начала» в высшем космологическом и религиозном смысле с пониманием «женского» в антропологическом и природном смысле приводило нередко к сдвигу в сторону последнего. Такой сдвиг происходил прежде всего под внешним воздействием. Как отмечал Бердяев, немцы давно построили теорию, что русский народ – женственный и душевный в противоположность мужественному немецкому народу. Мужественный дух немецкого народа должен овладеть женственной душой русского народа. Вся эта теория была построена для оправдания германского империализма и германской воли к могуществу.

Сдвигу к антропологическому плану способствовало также и то обстоятельство, что, наделяя дух предикатами, возникшими при созерцании вещественного мира, мы тем самым, по мысли Бердяева, не улавливаем самой сути «духовного» и остаемся в плену объективации. Вот тогда и происходит определенное «скакивание» с более высокого уровня на более низкий в понима-

нии «женского начала», которое имело место и в высказываниях русских философов. В самом деле, в антропологическом смысле природа заложила в модель женского начала жизненно важные категории охраны и восприимчивости, чистоту, самопожертвование, защиту слабых, милосердие, чуткость, гармонию, равновесие, богатство чувственного восприятия и такие стереотипы поведения, как усвоение, умение слушать другую сторону, справедливое распределение, терпеливость. У женщины есть свой способ существования, свойственная ей интуиция, свой способ суждения и мир идей, манера созидать свое отношение к себе и другим. Женщины совершают меньше преступлений, чем мужчины – это всем известный факт, подтвержденный криминальной статистикой и данными повседневной жизни.

Попытки представлять и описывать «женское начало», пользуясь «овеществляющими» понятиями, неизбежно ведут переходу от более высокого – космологического уровня размышлений о Духе к более низкому – характеристике души народа, что вполне укладывается в онтологический, антропологический или даже гендерный план, присущий также и западной цивилизации. В этом более низком плане уже можно говорить о сопоставимости понятий «мужское/женское» в той и другой цивилизации. У Бердяева, Розанова, Ильина, Леонтьева и других встречаются высказывания о «женском начале», которые относятся именно к этому уровню. Так, например, Бердяев говорил о «вечно бабьем в русской душе». Розанов отмечал у русских женственную уступчивость и мягкость. Данилевский видел в типических чертах славянского народа идеальное проявление женского характера и т. д. Такой же подход встречается и у некоторых современных авторов, в частности, у В.Аксючица, для которого характерно смешение мужественности=духовности с мужским началом как природным, антропологическим качеством: «Сверхнапряженная судьба требовала от народа напряжения мужского характера, но угнетала мужскую составляющую и провоцировала возврат женственной стихии. Если душе не хватает сил мужественного сопротивления невзгодам, она склонна защититься от них в женственной демобилизации, расслабленности, слабохарактерности»¹⁴. В этом же аспекте он рассматривает и события 1990-х гг. Так, феномен Ельцина, который сыграл роль бульдозера-разрушителя прежнего

режима вместе со страной, интерпретируется как рецидив патологического проявления мужского начала. А творческая интеллигенция – как явление истерической, неспособной к рефлексии и самоконтролю женственности, с энтузиазмом отдающей волевому натиску безальтернативного мужественного президента.

В целом, можно согласиться с тем, что Россия преимущественно «женская» цивилизация, но «женская» – именно в первоначальном, духовном смысле. Конечно, внешние трагедии и внутренние драмы, которыми так изобиловала российская история, неисчислимые жертвы подрывали и истощали духовные силы народа, его истинную мужественность и волю к сопротивлению. Однако это не дает оснований для выводов о России как о стране с «женским началом», понимаемом в сугубо природном, гендерном смысле и, соответственно, наделяемой свойствами аморфности, покорности, безвольности, пассивности как изначально ей присущими, родовыми чертами. В мирное время представители отечественной историософии относились к таким характеристикам довольно безразлично, но в периоды обострения международной обстановки воспринимали подобную гендерную трактовку как некую идеологическую диверсию. Кстати, понимание женственности в гендерном ключе наиболее последовательное воплощение получило в «западничестве» с его неутомимым стремлением приобщить Россию к «маскулинным» ценностям. Подобные идеи далеко не безобидны, ибо оказываются приглашением для «мужественных» сил проявить на российских просторах в очередной раз свое «дисциплинирующее, организующее и оформляющее» начало.

2. Практическое воплощение «мужского начала» западной цивилизации

«Мужское начало» западной цивилизации очень активно и напористо проявляло себя по отношению к России на всем протяжении истории вплоть до сегодняшнего дня. Но следует помнить, что у России в духовном плане была предшественница – ушедшая в небытие Византия, с которой далекие предки западной цивилизации поступали точно так же, как позднее их потомки действовали в отношении России.

Отметим основные вехи византийской истории. В V в. «варварские племена», создавшие впоследствии современную западноевропейскую цивилизацию и культуру, беспощадно разгромили ослабевший Рим. В отличие от Рима греческий Византий – Новый Рим (Константинополь), куда римский император Константин I Великий еще в IV в. предусмотрительно перенес центр Империи, сумел отстоять себя в борьбе с «варварами». Византия, ставшая единственной прямой наследницей античного мира, продолжила свою богатую и сложную историю, длившуюся более тысячи ста лет. Однако в 1204 г. – через восемь столетий после разгрома Рима – в «Новый Рим» вторглись далекие потомки тех самых варваров – крестоносцы. В 1352 г., через полтора столетия после захвата Константинополя крестоносцами, Византии в очередной раз нанесли тяжелейший ущерб купцы-пираты (генуэзцы и венецианцы). В 1453 г. турки захватили уже почти бессильный к тому времени Константинополь.

Как признавал Гердер, главную роль в падении Константинополя сыграли чрезвычайно динамичные и мощные западные силы – Венецианская (она нанесла Византии наибольший урон еще во время крестовых походов) и Генуэзская республики. Их атаки и грабеж (Гердер даже называл их «позорными») продолжались в течение нескольких веков, в результате империя была так ослаблена, что Константинополь без труда достался турецким ордам. «Византийская империя, – отмечает В.Кожин, – прекратила существование не в силу некоей своей внутренней, имманентной несостоятельности; она была раздавлена между беспощадными жерновами Запада и Востока: такому двустороннему давлению едва ли бы смогло противостоять какое-либо государство вообще»¹⁵.

Но самое существенное в этой истории то, что Запад воспринимал и поныне воспринимает иные – даже и самые высокоразвитые – цивилизации планеты как не обладающие собственной безусловной ценностью, как «объекты» приложения своих сил. Это присуще мироощущению и «среднего» человека Запада, и крупнейших его мыслителей. Так, Франческа Петрарка – основоположник ренессансной культуры Запада – по поводу Византии высказывал пожелание, «чтобы позорная их империя и гнездо заблуждений были выкорчеваны»¹⁶. Гегель в 1830-х гг. в работе «Философия истории» писал о том, что история высокообразован-

ной Восточной Римской империи представляет тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и потому всего менее интересную картину. Естественно, что разбой крестоносцев получает при этом полное оправдание. Французские просветители говорили о Византии в жанре грубой брани. Гердер в книге «Идеи к философии истории человечества» утверждал, что Византия предстает в качестве «двуглавого чудовища, которое именовалось духовной и светской властью, дразнило и подавляло другие народы». И даже обладающий репутацией апологета равноценности цивилизаций Тойнби постоянно употреблял по отношению к Византии такие термины, как «уродование», «искажение», «дисгармония», «извращение» и т. п. В западной идеологии не только царило принципиально негативное восприятие Византии, но и отрицалось по сути дела само ее право на существование. Западные идеологи всегда были готовы объявить тысячелетнюю историю Византии в целом «уродливой» и бесперспективной, хотя и признавали ее заслуги в развитии Запада и мира в целом¹⁷.

На чем же основывалось западное неприятие Византии? Во-первых, Византийская империя была идеократическим государством, т. е. государством, в котором была велика власть православных идей, власть идеала. Западу же было присуще то, что определяется термином номократия – власть закона. Именно об этом неприязненно и саркастически писал Гердер, отмечая, что в Византии христианская идея «сбила с толку ум человеческий – вместо того, чтобы жить на земле, люди учились ходить по воздуху»¹⁸. В этой фразе в концентрированном виде была выражена полярность двух типов миропонимания, двух типов сознания, порождающих фактически две разные цивилизации, на которые и теперь расколото человечество. Эти два мира живут в каждой человеческой душе, разделенной на два полюса. На одном полюсе – вера в высшие идеалы, абсолютные ценности, в высокое предназначение человека. На другом полюсе – отрицание высших духовных ценностей, провозглашение удовольствий и наслаждений основной целью человеческого существования.

Во-вторых, Запад отталкивала евразийская суть Византийской империи. В Византии никто не усматривал в людях, принадлежащих к народам Азии и Восточной Европы, «недочелове-

ков». Любой человек, исповедующий христианство, мог занять в Империи любой пост и достичь высшего признания в отличие от Запада, где даже самые «гуманистические» идеологи не были свободны от своего рода «западного расизма». Гердер, рассуждая об «омерзительной византийской истории», счел необходимым сказать, что в основу этой истории легла та злосчастная путаница, которая бросила в один кипящий котел и варваров, и римлян. Таким образом, для западных идеологов XVIII в. был неприемлем многоплеменной евразийский «котел» Византии.

Отторжение византийской «схизмы»¹⁹ воплотилось впоследствии в стойкое неприятие православной России, которая унаследовала от Византии аналогичные сущностные черты. Христианство становится на Руси определяющим и всепроникающим стержнем бытия, основная часть населения Руси обрела название – и самоназвание – крестьяне (вариант слова «христиане»). Естественно, и сам государственный строй Руси, подобно византийскому, представлял как идеократический («где люди учились ходить по воздуху»). Россия стала единственным из государств, унаследовавшим и евразийскую природу Византии. Известие о создании государственности Руси помечено в летописи 862-м годом. В этом акте, согласно летописи, вместе со славянами равноправно участвовали в создании государства «уральские» (финно-угорские) племена, чудь, словене, кривичи и т. д. Поэтому Кожинов считает «примитивным и, в конечном счете, просто ложным представлением, согласно которому евразийство толкуется прежде всего и главным образом как взаимодействие русского и, скажем, тюрских народов. Если сказать о сути дела со всей определенностью, русские – эти наследники византийских греков – как бы изначально, по самому своему определению были евразийским народом, способным вступать в органические взаимоотношения и с европейскими, и с азиатскими этносами, которые – если они действительно включались в магнитное поле Руси – России – и сами обретали евразийские черты...»²⁰.

Таким образом, Россия, подобно Византии, сложилась и как идеократическое, и как евразийское государство, т. е. в России были воссозданы столь неприемлемые для Запада основополагающие черты государственности. Россия во всех своих ипостасях (Русь, Россия, Советский Союз) унаследовала не только основные черты Византии, но и ее не менее трагическую судьбу, которая

прослеживается на всем протяжении истории. Перечислить основные драматические моменты этой судьбы в данной работе не представляется возможным. Но отдельные, наиболее значимые факты необходимо отметить.

1348 г. – Римский папа издает буллу о крестовом походе против Руси. Православная вера считается грехом, который искореняют вместе с его носителями. На это сподвигнули поляков, литовцев. Ту церковную дань, которую они должны платить Риму, им возвращают для того, чтобы они вооружались против Руси. Римская курия финансирует поход Мамай на Русь, на Куликовскую битву.

В дальнейшем были четыре мощные попытки подчинить себе Россию. В XVII в. во главе стояла Польша – польские захватчики проникли в самое сердце России. В XVIII – Швеция. Шведы отрезали Россию от Балтики, аннексировав все восточное побережье. В XIX – Франция. В 1812 г. Наполеон повторил польский успех XVII в. В XX в. – дважды пытались покорить Россию немцы.

На рубеже XIX и XX вв. удары с Запада градом сыпались на Россию. Враждебность Англии к России, причем на протяжении не лет, а веков, прослеживается практически и по сей день. В 1903 г. Англия заключила союзный договор с Японией и подвигла ее на русско-японскую войну 1904–1905 гг. В это же время с англичанами сотрудничали США. В 1915–1918 гг. немцы вторглись в пределы России, захватили Украину и достигли Кавказа.

Американцы начиная с 90-х гг. XIX в. финансировали все политические группы в России, ведя дело к свержению самодержавия. Тогда же был и банковский сговор, запретивший предоставлять России американские кредиты. Сверхмужской Запад в мощном, яростном порыве избрал Россию – растерянную, с парализованной вследствие войны волей – в качестве полигона для экспериментов.

В 1918 г. были приняты решения – не просто интервентировать Россию, а уничтожить ее как государство, расчленив страну на фрагменты, каждый из которых будет зависеть и экономически, и с точки зрения безопасности от благоволения внешних сил. Немцы – официальные противники англичан, французов, американцев. Но англичане, французы и американцы поощряют деятельность Германии по отторжению Грузии, Прибалтики, Финляндии от России. Англичане пытаются оторвать от России Азербайджан, все среднеазиатские республики. А Франция занимается в основном

Арменией. Печальное открытие в связи с этим сделал для себя лидер кадетской партии П.Милюков по поводу отношения к его родиче союзников белого движения. Находясь в эмиграции, он в письме к руководителям Национального центра сообщал о настроениях в лондонских высших сферах: «Теперь выдвигается в более грубой и откровенной форме идея эксплуатации России как колонии ради ее богатств и необходимости для Европы сырых материалов»²¹.

Таким образом, были бы большевики у власти или не были бы у власти – ничего бы не менялось. Не поняв этого, как верно замечает известный дипломат и ученый В.Фалин, мы не поймем ничего, что происходило между ноябрем 1917-го и июнем 1941-го. Для многих будет новостью, отмечает ученый, что с 1922 г. американские банки финансировали нацистскую партию. С 1922–1923 гг. американские военные атташе и их помощники в Германии поддерживали постоянную связь с Гитлером. Американцы финансировали главную избирательную кампанию 1932 г., которая открыла Гитлеру путь к власти. Позицию американцев во время Второй мировой войны Фалин характеризует в одном из своих интервью: «В 1942 году комиссия Хэлла, разрабатывавшая американскую послевоенную политику, заключает следующее: “После войны мы должны привести в движение небо и землю, мы должны встать перед немцами на колени, чтобы они стали нашими союзниками в борьбе против Советского Союза”»²². Огромные потери, которые понес наш народ во время войны, объясняются еще и тем, что это была не совместная война СССР и Союзников – это была война американцев и англичан на два фронта. Не только против Германии и Японии, но и, в значительной мере, против СССР. В другом интервью ученый отметил: «Еще Трумэн сказал, что “холодная война” отличается от обычной лишь тем, что ведется иными методами. ...А в январском докладе 1945 г. в конгрессе США будущий глава ЦРУ Ален Даллес назвал СССР самым неудобным противником, т. к. его нельзя победить в бою. Зато объяснил, как можно разрушить Советский Союз изнутри. Это и разобшение многовековых российских традиций и опыта, и карикатуризация прошлого и настоящего, и моральное разложение общества»²³.

18 августа 1948 г. Совет Национальной безопасности США принял директиву 20/1 – «Цели США в войне против России». Эта дата обычно считается началом информационной войны США

против СССР. Директива была впервые опубликована в США в 1978 г. в сборнике «Сдерживание: Документы об американской политике и стратегии 1945–1950 гг.»²⁴. Согласно этой директиве, Россия (СССР) подвергалась тайной агрессии нового типа, где оружием служит информация, а борьба ведется не за территорию, а за целенаправленное изменение общественного сознания – для того, чтобы, внедрив в него ложные представления об окружающем мире, манипулировать и правящей элитой, и населением страны. Программные документы холодной войны, которые наполнены ненавистью к России, сравнимы с ненавистью крестоносцев к Византии в 1204 г., а ведь ту ненависть, как отмечает С.Г.Карамурза, затрудняются рационально объяснить даже фундаментальные монографии по истории²⁵.

Итоги подобной деятельности подвел в октябре 1995 года президент Клинтон на совещании Комитета начальников штабов: «Последние 10 лет политика в отношении СССР и их союзников доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадежность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирався сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать. ...Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. ...В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам. Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна – США»²⁶.

После победоносной для Запада «холодной войны» плод, столетиями вынашиваемый «мужской» цивилизацией, окончательно созрел, что и констатировал американский ученый Г.Борк в книге «Сползание в Гоморру: современный либерализм и закат

Америки», сразу ставшей бестселлером. Автор подчеркивает, что западная цивилизация на сей раз столкнулась и, как кажется, отступает перед атакой, возглавляемой силой, которая не только находится внутри западной цивилизации, но, возможно, представляет собой ее законное дитя. Это дитя – современный либерализм, который, по мнению автора, влечет за собой культурную и социальную деградацию²⁷.

«Мужская» цивилизация с ее либерализмом все больше проявляет неприкрытый социал-дарвинизм в решении вопроса о том, кто достоин жить, а кто подлежит уничтожению. Либерализм в образе теории глобального «открытого общества» стал обоснованием американского экспансионизма и гегемонизма с его стремлением к господству, эксплуатации чужих ресурсов во имя собственного социального благополучия. В настоящее время он использует в основном невоенные средства. К ним относятся формирование компрадорской мафиозно-бюрократической элиты, значительное сокращение населения за счет скрытого геноцида: дорогого медицинского обслуживания и лекарств, навязывания зависимости от потребления алкоголя и табака, наркотиков, разрушение семьи, духовно-нравственное порабощение через СМИ и массовую псевдокультуру, провоцирование военных вооруженных конфликтов и т. д. В принципе ничего нового. Все те же средства – убийства, революции, шантаж, ложь и насилие.

Следует заметить, что основные принципы этой программы стали последовательно осуществляться уже сразу после Второй мировой войны. На это были мобилизованы и соответствующие научные исследования: в США работали две трети антропологов всего мира. Был собран колоссальный объем знания о духовной сфере человека самых разных культур в самых разных ситуациях. Его успешно соединили с новым знанием о сложных системах (философия нестабильности, теория сложности, моделирование перехода «порядок-хаос»). Возникло качественно новое знание о человеке. На основе новых представлений и массива эмпирических данных были созданы поразительные по эффективности технологии управления поведением больших масс людей, которые уже были многократно использованы против России и еще будут использоваться в небывалом для нее положении когнитивного разрыва с противником. Как отмечают некоторые эксперты, россий-

ское общество просто не понимает новых принципов того оружия, которое использовалось и будет использовано против нашего войска с его «луками и стрелами».

Современная российская реальность, во многом обнаруживая совпадение с византийской трагедией, встала перед проблемой цивилизационного самосознания, без которого Россия может погибнуть, даже не постигнув причин своей гибели. «Мы так до сих пор и не осознали до конца, – пишет М.Калашников, – что собственными же руками взорвали нашу великую Империю. Что сдались врагу без боя, обладая до крыш полными арсеналами и лучшим в мире оружием. История доселе не знала такого позора. Все империи, будь то Римская, Османская, Персидская или Австро-Венгерская, погибли в бою. А уж тем паче – Третий Рейх. Почему же рассыпалась наша держава, которая имела все шансы стать властелином планеты? ...Мы все прочно забыли одну простую, но жестокую истину: мир – это война. А вся история человечества – вечная борьба народов и государств за место под солнцем, за право быть. Забыли о том, что на этом свете участь слабого и кроткого – горькая участь рабов»²⁸.

Заканчивая краткий экскурс в историю взаимоотношений российской и западной цивилизаций, можно отметить, что такой большой временной масштаб дает более верное и адекватное представление об основных константах гипермужской западной цивилизации. Вся ее история, начиная с уничтожения византийской империи и кончая уничтожением российской, свидетельствует о том, что для нее западная империя – это то, что достойно существования и процветания, а восточные – не только чудовищны, но и вообще не имеют права на существование. Этот приговор западного, мужского мира во многом определял и определяет его идеологию и политику на протяжении веков. Самодовольный, сверхвооруженный, опьяненный сознанием собственного могущества и полной безнаказанности, вознамерившийся переделать весь мир по своему образу и подобию, Запад не признает чужого права на жизнь, иных правил и законов.

3. Российская социальная реальность в перевернутой перспективе

Какие выводы напрашиваются из сопоставления цивилизаций как «мужской» и «женской» для понимания сущности и перспектив российского государства, общества и человека? Прежде всего становится ясно, что идущее из далекого прошлого и до сих пор неустранимое, одностороннее воздействие Запада на российскую социальную реальность оказывается гораздо более значимым, чем это может показаться на первый взгляд. Характер такого воздействия, приобретая почти метафизический смысл, постоянно воспроизводится в логике отношений Запада и России как модель и как прогноз.

В связи с этим каким-то странным парадоксом кажется то, что, несмотря на постоянное и неуклонно враждебное отношение Запада на всем протяжении истории, в России всегда были и есть много горячих поборников Запада. Очевидно, это люди, которым чуждо стремление «учиться ходить по воздуху». В их самосознании Запад слишком прочно и часто предстает в качестве непререкаемой, даже единственной «меры вещей». Западные государства, цель которых, в конечном счете, сводилась к установлению строго упорядоченных социальных отношений, выступают, в сравнении с Византией и затем Россией, действительно как нечто принципиально более «рациональное», всецело направленное на устроение реальной, земной человеческой жизни. И нельзя не видеть, что как в XIX–XX вв., так и в наше время в России находятся идеологи, которые относятся к «благоустроенности» западной цивилизации с глубоким уважением или даже преклонением и, более того, острой завистью, испытывая безоговорочный пиетет перед Западом²⁹. Они постоянно провоцируют ситуацию сопоставления весьма различающихся материальных стандартов жизни, игнорируя при этом исторически длящуюся неизменную стратегию Запада в отношении России, которая во многом и обусловила причины подобного различия. В условиях глобализации такие идеологи получили прямую возможность выходить на международную арену и привлекать на свою сторону глобальные внешние силы, неминуемо становясь проводниками их интересов. Это привело к навязыванию государству и обществу внешних, глубоко чуждых, а часто и прямо враждебных ему интересов, мотиваций

и практических действий. Красноречивым примером тому служит гайдаровская реформа, которая осуществлялась при непосредственном участии и идейном влиянии иностранных советников, западных институтов, фондов и структур.

В результате их деятельности в структурах российского социального бытия стали происходить какие-то странные мутации, деформирующие все связи и отношения, начались процессы деградации и деструкции социальности, которые часто интерпретируются в рамках модного термина «постмодернизм». Однако более правильным и адекватным представляется рассматривать негативные процессы, происходящие в российском государстве и обществе не с точки зрения «постмодернизма», который лишь загушевывает и маскирует причинно-следственные связи, а как проявление инверсии, суть которой – в перемене знака на противоположный. Последовательная инверсия характеризуется игнорированием, отрицанием возможности некоторого третьего, срединной культуры, которым нет места в дуальной оппозиции³⁰. Сложившаяся под влиянием Запада постсоветская линия развития страны, основанная на радикальном отказе от прошлого экономического, политического уклада, традиционной системы ценностей и смене вектора во всех областях общественной жизни на обратный, составляет суть такой инверсии. По логике инверсии, все меняется на свою противоположность, т. е. способно превратиться из черного в белое и, наоборот, из добра во зло, из прекрасного в безобразное, из правды в ложь и т. д., подменяя один полюс другим. В итоге человек перестает понимать, где добро, а где зло. В связи с этим интересно вспомнить, что во Франции в начале XX в., когда человек путал понятие добра и зла, это давало основание французским психиатрам ставить диагноз – моральное помешательство как первая ступень шизофрении. Инверсия в России пронизывает всю жизнедеятельность человека, государства и общества, лежит в основе многих социальных преобразований, являясь важнейшим риском для политической стабильности России, ее политического настоящего и будущего.

Большое значение в данном контексте имеет и такое понятие, незаметно и прочно вошедшее в обиход общественной жизни, как «беспредел», которое дополняет общую картину. «Беспредел» – термин, имеющий уголовное происхождение³¹, однако в послед-

ние два десятилетия он стал символом исключительно постперестроечного времени и стал часто употребляться в печати. В своем новом воплощении «беспредел» означает игнорирование правовых и социальных норм государства, неограниченный произвол, всепоглощающую коррупцию. Беспредел обнаруживается во всех сферах государственной и общественной жизни. Самый главный беспредел – расхищение государственной и общественной собственности. Отсюда проистекают частные виды беспредела: нравственный, правовой, судебный, административный, статусно-организационный, рыночный, бандитский и т. п., упоминаниями о которых пестрят печатные и электронные СМИ.

Негативный сдвиг, происшедший в российском государстве и обществе в связи с возникновением целого ряда деструктивных явлений, определяет теоретический и практический интерес к «нормальным» формам существования социальной реальности. Потребность в выяснении правильных, нормальных взаимоотношений государства, общества и человека ощущается очень остро. Она отражается в частой фиксации различных социальных явлений в терминах нормальности/ненормальности, а также в повышенном внимании общественного сознания к самому понятию «нормальность», которое в современном социальном контексте является относительно новым. Появлению новых понятий, как правило, предшествует осознание новых проблем, которые уже невозможно описать в рамках существующего категориального аппарата. В связи с этим возникает необходимость четко различать те процессы и явления, которые являются «инверсией» и те, которые могут обозначаться термином «нормальность». Следует заметить, что понятия абсолютной нормальности нет и не может быть. По большому счету вопрос о «нормальности» не имеет однозначного ответа точно так же, как вопрос о смысле жизни. Однако существуют представления о нормальности и ненормальности, выработанные в культурных сообществах. Так, например, в «диком» африканском обществе ненормальным будет считаться человек, который не хочет иметь детей. В то же время в «цивилизованном» западном обществе нормальным считается человек, не желающий иметь и воспитывать детей. Для каждого народа и каждого общества существует своя нормальность и своя мера совершенства. Для того чтобы определить нормальность, должен существовать эталон, с которым можно сравнить нечто.

Многочисленность и разнообразие определений нормальности в различных контекстах приводит к концептуальной путанице, что существенно осложняет применение этого понятия в социальной теории и практике. «Нормальность» как производное от статистических норм отличается от того, что имеется в виду при рассмотрении нормальности как идеала или того, что должно быть. Чаще всего «нормальность» воспринимается не как средний показатель, а как идеальная норма, т. е. она может быть измерена с помощью качественно определенных идеальных критериев. Для определения «нормальности» существенную роль играет и категория меры, которая в значительной степени ориентирована на нормативный аспект существования и функционирования государства и общества. Таким образом, нормальность является своего рода «рамкой», благодаря которой государство и общество остаются в единстве.

Можно сказать, что «нормальность»³², несмотря на свою условность и недостаточную разработанность в классической категориальной системе, – вполне научное понятие, ибо в своей основе является производным от понятия «норма», широко используемой в гуманитарных науках. В современной России в работах исследователей, посвященных социальным проблемам, начинает выкристаллизовываться некое понимание «нормальности» в сопоставлении и сравнении с тем, что воспринимается как «ненормальное» применительно к формам человеческого существования. Теоретическая картина нормального бытия государства, общества и человека складывается из представлений, которые в совокупности можно представить следующим образом.

Нормальность имеет внутреннюю опору в бытии и мышлении людей, всегда исходит от какого-либо коллектива людей и должна быть признана коллективом (государством, обществом). т. е. нормальность определяется как установленная государством (или обществом в целом) и охраняемая мерами общественного воздействия система норм должного поведения людей на базе исторически сложившихся моральных, экономических, политических, культурных представлений. Свое практическое воплощение нормальность находит в совокупности политических и социальных институтов. Хотя нормальность всегда имеет объективные предпосылки, но по своему содержанию носит сознательно-волевой характер. Она необходима для обеспечения определенной целена-

правленности практической деятельности людей и базируется на оптимальном равновесии всех составляющих государства и общества. Государство и общество остаются нормальными до тех пор, пока выраженные ими правила сохраняют свою общезначимость. Правила же приобретают общественную значимость, когда они имеют всеобщую распространенность и основываются на убежденности людей в их справедливости. Но для этого они должны пройти длительную проработку в общении и деятельности людей, прежде чем стать для человека естественными нормами. «Только тогда, – пишет В.Е.Керимов, – они приобретали значение квази-природных автоматизмов человеческого поведения, только тогда они могли “скрыть” историчность своего возникновения»³³.

Нормальность не есть нечто застывшее и догматическое. Представление о «нормальном» постоянно корректируется на основе практических и мыслительных усилий, на основе творческого отношения к реальности. Нормальность не статична, она постоянно испытывает разрушающее воздействие социальных новаций. Тем не менее все мыслимые проекты устройства и переустройства социальной реальности должны основываться на необходимости поддержания жизни, а значит, создания условий, обеспечивающих возможность существования и развития каждого человека. Это не прекраснотушные мечтания о царстве всеобщей справедливости, а суровая действительность, которая требует, чтобы жизнеспособность как императивная установка на поддержание самого феномена жизни была стержневой, определяющей ценностью общественного бытия. Только при таком условии можно и нужно рассматривать комплекс экономических, социально-политических, национальных, религиозных и прочих преобразований государства и общества. При всей своей исторической изменчивости, «нормальность» сохраняет базовые ценности, которые и служат критерием для определения нормального/ненормального (инверсионного). На сегодняшний день то, как россияне понимают «нормальность», четко коррелируется с другим термином, прочно вошедшим в политический лексикон общества, а именно – с «**порядком**»³⁴, запрос на который начинает приобретать самодовлеющий характер. В общественном сознании порядок предстает как предельно общее представление, выражающее идею организованности общественной жизни, ее урегулированность, стабильность,

слаженность, согласованность, планомерность, ритмичность. Порядок в государстве и обществе – необходимое условие их нормальной жизнедеятельности.

«Нормальность» хотя и не является основательно разработанным понятием, в любом случае заслуживает большего внимания как в концептуальном плане, так и с точки зрения практических следствий. В сравнении с ней «открытость» – совсем не научное понятие. И все же книга «Открытое общество и его враги» К.Поппера имеет широкое признание в научном мире. Возможно, книга с названием «Нормальное общество и его враги» была бы более полезной и актуальной для России. Однако в данной работе речь не идет о разработке этого понятия во всех его возможных смыслах и аспектах. Здесь оно употребляется, главным образом, в качестве призмы, через которую раскрывается многообразная палитра различных социальных инверсий, что позволяет в дальнейшем определить координаты для их устранения.

В отличие от нормальности инверсия стала исходной логической формой познания и одним из ключевых понятий, отражающих современную социальную реальность России. Следует заметить также, что «нормальность» в России остается главным образом в сфере должного, а инверсия – в сфере актуального настоящего. В такой ситуации философии по большому счету делать нечего, поэтому исследователям больше ничего не остается, как констатировать различные варианты ненормальности, чем и заполнено, по существу, большинство работ, посвященных социальной проблематике. Рассмотрим через призму понятий нормальность/ненормальность (инверсия) реальное положение государства, общества и человека.

Государство

Нормальное государство – это государство, которое поддерживает реальную связь времен и жизни народа; когда любые политические, социальные и экономические преобразования согласуются с социальными архетипами, указывающими, что государство должно защищать, поощрять, порицать, не допускать и т. д. Государство не является собственностью людей, живущих

в каком-либо периоде истории. В этом смысле оно, как правильно отмечал Бердяев, имеет сверхвременную и сверхэмпирическую природу, являясь незаменимым и бесценным средством, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение³⁵. Роль нормального государства исключительно велика, оно сплачивает общество, создавая для этого целый ряд инструментов. Лишь весьма незначительная часть населения любой страны способна мыслить и действовать вне поля его духовно-информационного воздействия.

Нормальное государство создается обществом для решения всех непосильных для него задач, таких как обеспечение безопасности в широком смысле, включая поддержание устойчивой природной, технологической и социальной среды; стратегическое планирование; установление правил и гарантий их соблюдения; обеспечение критически значимой части социальной помощи. Важная задача нормального государства в социальном развитии заключается в формировании политики, ориентированной, в том числе, на оптимизацию распределения, ибо это необходимое условие достижения эффективности и роста производительности труда (роста мотивации) на уровне всей экономической системы и ее конкретных субъектов (отдельных предприятий, компаний, фирм), а отсюда обеспечения высокой конкурентоспособности страны³⁶. Государство призвано гармонизировать эти текущие интересы ради долгосрочного успеха всего общества.

В нормальном государстве должен быть **порядок**, т. е. система устойчивых социальных связей, в которой заданы коды, образцы и правила взаимодействия людей. Порядок должен быть общепризнанным и значимым для людей. Именно поэтому нормальное государство на протяжении всей истории, как правило, очень внимательно следит за тем, чтобы элита не тратила безоглядно общественные ресурсы на свои личные материальные цели, ибо сверхэксплуатация нарушает минимально необходимый порядок, что может вести к социальным катаклизмам.

Важнейшая и первейшая обязанность нормального государства заключается в предоставлении каждому человеку права на труд как основное средство, связывающего материальное и нематериальное, природное и духовное. Отсюда вполне ясно обозначается и сакральная роль государства как единого отчего дома,

отечества для всех его членов. Склонность отдавать предпочтение не личным интересам, а интересам коллектива может благоприятствовать достижению консенсуса, служить своеобразным гарантом законопослушания граждан. В то же время оно может играть незаменимую роль при создании условий для реализации прав и свобод отдельного человека. Как показывает политическая практика, чаще всего не слабое государство (или «государство – ночной сторож»), а именно нормальное, сильное государство может быть важнейшим эффективным фактором экономической модернизации, находить необходимый баланс между рынком и государственным вмешательством³⁷.

Нормальное государство располагает государственной стратегией. Его важнейшей прерогативой является формирование политики в сфере международных отношений и внутренней политики. Потенциал развития государства в значительной степени определяется также ярко выраженным культурным измерением. Речь идет сегодня о наличии общих ценностных ориентиров национального сообщества и о согласии вокруг основополагающих приоритетов развития³⁸.

Однако к современному российскому государству, реальной сущностью которого стала инверсия, скорее применимо понятие «ненормального». Многие исследователи вынуждены констатировать, что сегодня в России сложилось ненормальное (инверсионное) государство как следствие разрушения прежних исторически сложившихся институциональных и мировоззренческих матриц, как результат несоответствия между культурно-цивилизационными ориентациями большинства населения и реальной политической практикой.

В инверсионном российском государстве крупные корпорации часто имеют большее влияние, чем государство. Государственные структуры рушатся, происходит медленный распад управляющего субъекта, утрачивается нормальная макросоциальная регулятивность. Само государство становится инструментом распада общества. Вестернизаторская ориентация российской государственности вступает в противоречие с ее традиционной сущностью и волей большинства населения. По данным социологов, более 2/3 граждан России отвергают западную модель для России. Тем не менее движение в направлении вестернизации продолжается, об-

наруживая тем самым сверхзадачу – столкнуть государство с обществом, противопоставить одно другому. По мнению С.Кургиняна, грядет момент, когда государственность, позитивность которой была осознана после краха СССР и «лихих 90-х», будет снова скомпрометирована. На это уже брошены огромные силы. Воевать придется на два фронта: и с теми, кто будет противопоставлять «хорошее государство» – «плохому обществу», и с теми, кто возопит об «ужасном государстве» и необходимости спасти от него «здоровые силы».

Традиционные властные полномочия государства в сфере международных отношений и внутренней политики буквально вырываются у российского государства как наднациональными, так и внутренними структурами. При этом большую роль играют глобальные СМИ и многие неправительственные организации, которые ограничивают влияние государства на жизнь создавшего его общества, т. к. являются непосредственным инструментом формирования глобального, международного общественного мнения и делают это тем эффективнее, чем более слабым, инверсионным является государство. В инверсионном государстве для многих людей наиболее серьезной проблемой представляется сегодня не недостаточность политических свобод и возможностей для выражения своих политических взглядов, а беззаконие, отсутствие в стране порядка и справедливой судебной системы³⁹.

Инверсионное, ненормальное государство – государство нового типа, сутью и квинтэссенцией которого является сверхэксплуатация его населения. Такое государство является инструментом для личного обогащения крайне ограниченного числа людей. И силовые, и коммерческие олигархи являются бизнес-олигархами, использующими контроль над государством для получения критически значимой прибыли. Предпринимателя делает олигархом именно ненормальное, слабое и не ответственное перед народом государство. В таких условиях бизнес стремится к концентрации благ у наиболее успешных субъектов экономики и политики. Это стремление оформляется идеологией свободной конкуренции и погоней за сиюминутной эффективностью – либерализмом⁴⁰, что может привести к уничтожению российского государства даже без всякой иноземной помощи.

Утрачивая ответственность перед населением, ненормальное государство лишается единственного оправдания своего существования. А вместе с тем – единственно возможной точки опоры в отношениях с бизнесом. Подчинение государства бизнесу, помимо расцвета коррупции, превращает его в инструмент реализации коммерческих интересов, как это было в 1990-е гг., и как это продолжается поныне в сфере социально-экономической политики. В таких условиях, в силу несовпадения интересов бизнеса и общества, государство перестает *de facto* выполнять свои задачи и его существование утрачивает общественный смысл, т. к. ему недоступно решение ключевых проблем экономики. Это превращает перебаривание нефтедолларов в «рост без развития».

В российском ненормальном государстве отсутствует равновесная и эффективная система распределения доходов между социальными группами, между отраслями экономики, между государственным и частным сектором. Нынешний характер распределения доходов отнюдь не способствует решению стратегических проблем развития российского государства. Его экономическая модель, основанная на примате интересов банковского капитала над реальным сектором, неизбежно ведет к несправедливости в распределении результатов человеческого труда – товаров, услуг, интеллектуальных достижений. Закономерным итогом становится монополизация рычагов управления экономикой в руках касты «избранных», не считающих нужным заботиться о справедливой оценке вложенного труда остальных членов общества. Большая часть людей в системе подобных социальных отношений становится товаром или превращается в инструмент для делания денег.

Ненормальная, инверсионная сущность российского государства естественно вызывает отторжение народа. В его сознании выработалось современное представление о нормальном государстве, которое неправомерно отождествляется иногда с идеологемой некоего «особого пути». Что же включается в состав ключевых элементов «особого пути»? Это а) **оппозиция по отношению** как к радикальному либерализму, так и к радикальному коммунизму; б) **неприятие** резкого имущественного расслоения и социальной несправедливости; в) **потребность в патерналистском** государстве, осуществляющем эффективное регулирование экономики, проводящем сильную социальную политику, заботя-

щемся о наименее обеспеченных слоях населения; е) недоверие к политике США и их союзникам; ж) потребность в сохранении и развитии российской культуры, российских традиций, обычаев, ценностей⁴¹. Если беспристрастно посмотреть на перечисленные элементы, то окажется, что это никакой не «особый путь», по поводу которого так много различных спекуляций, а самый что ни на есть нормальный путь, который может быть поддержан любым нормальным человеком.

Общество в России оказалось далеко не в лучшем положении, чем государство, однако оно чаще остается в тени, поскольку исторически так сложилось, что они в России почти не различимы. Однако понимание сущности, содержания, закономерностей развития общества как сложноорганизованного системного объекта является не менее важным и в теоретическом, и в практическом плане. Это обусловлено тем, что формы существования людей, их материальное благосостояние, духовность в большой степени зависят от того, в каком обществе они появились на свет, сформировались как личность, обрели социальный статус, значимость для семьи, нации, государства.

Для понимания общей картины состояния российского общества понятие «нормальность» также может стать точкой отсчета, хотя применительно к обществу «нормальность» сложнее определить из-за более сложной структуры его элементов. Главная черта нормального общества – его органическая целостность, системность. Люди объединены в нем в соответствии с исторически сложившимися идеалами и образцами, на основе необходимого для них общего способа существования, который покоится на совокупности норм – государственных, социальных, семейных, производственных, психических и т. д. Ему свойственна упорядоченность отношений (экономических, социальных, политических), общность языка, духовной культуры и традиций, организация власти и управления. Традиции являются необходимым источником стабильности и интеграции, способности адаптации людей к повышению разнообразных рисков. Следовательно, нормальное общество – такое общество, где граждане и институты действуют должным образом, где существует определенная социальная гармония, а социальная жизнь предсказуема и приемлема для всех его граждан.

Потрясения, последовавшие за распадом Советского Союза и вызвавшие упадок норм и институтов, означали для россиян, что они оказались в обществе, к которому не стремились и которого не хотели. Людям приходится действовать в обществе, в котором существующие отношения, процессы не укладываются ни в какие известные цивилизованные человеческие нормы. Согласно социологическим опросам, только высокостатусное меньшинство склонно определять современное российское общество как «нормальное». Большинству же населения совокупность множества негативных факторов не позволяет считать свое общество «нормальным».

Какие же основные черты «ненормальности» можно выделить в российском обществе? Это прежде всего триада – три «д» (как их обозначает С.Кургинян): декультурация, десоциализация, деградация. Объект управления – бывшее общество (макросоциум) – находится в состоянии прогрессирующей дерегуляции и регресса. В свете этого возникает вопрос о том, чем на самом деле является данная субстанция, называемая по инерции обществом? Совокупность имеющихся признаков дает основание сделать вывод, что это есть инверсионное общество, распавшееся на многочисленные и ничем не связанные фрагменты. При кажущейся стабильности такое общество не является устойчивым, поскольку в социально-политической системе отсутствуют многие важные механизмы, обеспечивающие необходимую устойчивость. Достаточно отметить, что в России осуществляется представительство интересов главным образом различных элитных группировок, но не массовых слоев общества⁴². Большинство проводимых реформ – электроэнергетики, железнодорожного транспорта, медицинского страхования, пенсионной, жилищной, коммунальной, образовательной сфер осуществляются в интересах связанного с чиновниками бизнеса, а не в интересах общества. Продолжает сохраняться вопиющая социальная дифференциация доходов, а уровень социальных расходов в относительном выражении (доля ВВП) ниже, чем в развитых странах. Ненормальное расслоение общества по материальному достатку чревато социальной нестабильностью. В отличие от других стран, где требования справедливости чаще всего звучат из уст меньшинств, в России речь идет о поиске справедливости в отношении этнокультурного большинства (русских). Прорекларированная социальная политика без су-

щественных изменений в области распределения доходов мало что решает, т. к. предпринимающиеся меры весьма незначительно меняют общую картину.

Ненормальное, инверсионное общество утрачивает интерес к целям – не только великим и возвышенным, но и более скромным. Цель теряет свое значение, поскольку исчезает будущее, которое оказалось как бы украденным. В результате общество все больше превращается в безликий «электорат», в аморфную массу «потребителей» и «клиентов». В еще большей степени это касается интеллигенции, социально-политическая и духовная роль которой в жизни общества стала почти незаметной. В целом сложилась довольно тревожная ситуация: власть безразлична к народу, обществу, а общество безразлично к власти и государству. Когда в основе иерархии ценностей не лежат интересы народа, человека, то такое общество инверсионно, ненормально и бесперспективно.

Пренебрежение нравственными началами, отсутствие регулирующего воздействия универсальных нравственных норм и эффективных правовых механизмов оборачивается для общества большими потерями, господством «беспредела» во всех сферах общественной жизни. Это создает атмосферу безнаказанности, вседозволенности для одних и равнодушия, апатии для других. С изменением духовной атмосферы изменился и менталитет населения. Главным мерилом и критерием становятся деньги. Явление это не новое в истории, но масштаб его сейчас огромен. Богатство стало основной осью, к которой привязана или устремлена вся жизнедеятельность современного российского общества.

Разрушение традиционных институтов угрожает устойчивости социальных образований. Можно привести тому немало примеров. Так, форсированное внедрение ценностей индивидуализма привело к распаду ранее устойчивых социальных групп, трудовых коллективов, кооперативов и т. д., в рамках которых осуществлялась самоорганизация граждан на первичных уровнях. По оценке ряда экспертов, Россия представляет собой крайне индивидуализированное (даже по западноевропейским меркам) общество, не имеющее общих ценностей и солидарности. Результатом стало усиление рисков как для индивидов, так и для социальных институтов. Распад колхозов не повлек за собой автоматического развития фермерского хозяйства и сельского предпринимательства, но в не-

малой степени поспособствовал усугублению кризиса отечественного сельскохозяйственного производства, преодолеть который в полной мере не удается до сих пор⁴³.

Кроме того, отказ от традиций как базовой формы преемственности приводит к росту риска подрыва единства общества, проявляющегося, во-первых, в его дезинтеграции, во-вторых, в утрате элементов символического единства, кризисе идентичности. На смену прежней солидарности приходят новые, негативные солидарности – в качестве факторов сохранения рисковенных социальных систем. Ярким примером таких солидарностей являются сообщества обманутых вкладчиков и дольщиков, жертв разнообразных социальных, природных и прочих катаклизмов⁴⁴.

Поэтому неудивительно, что большая часть российского инверсионного общества в настоящее время не имеет четко выраженной политической самоидентификации. Само слово «россиянин» не вошло в сознание и в язык большинства людей, которые предпочитают идентифицировать себя прежде всего по этническому признаку (например, «русский», «татарин», «башкир») и конфессиональному («православный», «мусульманин», «атеист») или же по его месту жительства («москвич», «петербуржец», «пермяк», «ростовчанин», «сибиряк» и т. п.)⁴⁵.

Сознание элиты коренным образом отличается от сознания основной части общества. Измененное сознание элиты заставляет ее и руководимое ею общество вкладывать совершенно иное толкование в те же самые слова и делать самые различные, порою прямо противоположные выводы из одних и тех же сочетаний фактов⁴⁶. Это уничтожает сам смысл демократии (лишая оправдания в том числе и существование формально демократических институтов), т. к. идеи и представления, рождаемые обществом, уже не диффундируют наверх по капиллярам социальных систем, но просто не воспринимаются элитой и, соответственно, перестают влиять на общественное развитие непосредственно, через изменение поведения этой управляющей системы. В результате потенциал демократии съезживается до совершенно незначительных размеров самой элиты.

Ключевым фактором воздействия на общество в России являются СМИ, которые, встав на путь отказа от подачи социально позитивной информации, разрушают и без того шаткую модель

современного российского общества. Они превращаются в производителя «катастрофической атмосферы» в обществе. Но «так как человек не может все время адекватно реагировать на поток черной информации, то мы получаем обратный результат: “наркотизацию страхом” и, следовательно, невосприимчивости людей к беде, апатию»⁴⁷.

Что касается «гражданского общества», о котором так много и часто рассуждают все участники идеологического процесса, то следует заметить, что общество, прежде чем стать гражданским, должно стать нормальным. Если интересы государства являются проекцией интересов общества, то это общество в определенном смысле может называться гражданским. Если же интересы государства являются интересами лишь власть предержащих и ничего общего не имеют с интересами своих граждан, то всякие рассуждения о гражданском обществе бессмысленны. Кроме того, как можно говорить о формировании гражданского общества, если в общественно-политических организациях и движениях состоит менее 1 % населения. В отдельных общественных и политических акциях участвует 2–3 %. В выборах – 30–40 %. В таких условиях речь может идти лишь об имитации представительства социально-политических интересов общества. Этим и занимается элитократия, т. е. группа, сконцентрировавшаяся в своих руках значительный потенциал и ресурсы влияния на общество, которая предпринимает все усилия для того, чтобы сформировать «карманное» гражданское общество в России. Как справедливо полагает В.С. Джатиев, «нужно строить не гражданское общество, а нормальное государство. Если это получится, то общество непременно ощутит себя гражданским.... Зачем допускать ситуацию, в которой общество должно защищаться от государства? Наоборот, государство должно быть гарантом прав и законных интересов общества и отдельного гражданина»⁴⁸.

Несомненно, происшедшие негативные изменения в России в течение всего постсоветского времени вызвали стойкую потребность россиян в «нормальном» обществе, в котором царит порядок. «При всей неоднозначности причин нового настроения масс, – пишет П.М. Козырева, – с большой долей уверенности можно утверждать, что возросшее стремление россиян к порядку объясняется не столько инстинктивным возвращением к прежним культурным

традициям (хотя и это имеет значение), сколько естественной реакцией на драматические события имманентно-перманентного кризиса. Представляется, что сегодня следует говорить не столько о снижении поддержки демократических процессов и институтов, сколько о росте уверенности россиян в необходимости восстановления нормального функционирования государства, обеспечения безопасности, строгого исполнения законов всеми гражданами. Россияне напрямую связывают перспективы развития страны с наведением порядка во всех сферах жизни»⁴⁹.

Человек. *Нормальным* можно считать человека, если он живет в социально нормальном обществе и государстве, осуществляет социально нормальную деятельность, рожден и воспитан социально и психически нормальными родителями. Такой человек ощущает ограничения, накладываемые на него нормальным обществом, подчиняется его коллективному авторитету и опирается на идеалы и ценности национальной культуры. Чем последовательнее человек ориентируется на эти идеалы и ценности, тем более высока его нормальность.

В исторически сложившейся традиционной системе ценностей в России духовное было, безусловно, выше материального, нравственное – выше прагматического, справедливость выше свободы, идеалы бесконечно выше, чем интересы, совесть – главнее корысти. Высокая духовность порождала героизм. Мир героев – это не только поле высшего человеческого напряжения, но и модель построения собственной жизни. Миф о герое во многих случаях был созидательным компонентом общественного сознания. Народ знал, каковы настоящие человеческие идеалы, хотя они часто были настолько высоки, что у человека не всегда хватало сил, желания или воли, чтобы ориентироваться на них. Достоевский неслучайно сказал: русский очень много безобразничает, но он всегда знает, что он безобразничает. У него сохраняется совесть, порой поврежденная, больная, но все-таки совесть.

Традиционная ценностная система, сохраненная и в советское время, в 1990-е гг. была подменена прямо противоположной, т. е. произошла инверсия ценностей, которая нацелена на изменение души народа, его внутренней сущности. В эпоху антигероев это достигается при помощи телевидения долгим внушением и пропагандой. С упорным постоянством телевидение навязывает целую

шеренгу деятелей подиума и всевозможных антигероев, которых народ знает больше, чем всех героев, творцов и мыслителей России вместе взятых. Подмена тысячелетних ценностей культом материального, денежного успеха – тонкое убийство народной души. Вся система общественных отношений, СМИ действуют четко и слаженно в заданном направлении.

На наших глазах кардинально меняется само содержание внутренней жизни современного человека. Из-за инверсии и деградиционализации, т. е. отказа от устоявшихся, традиционных форм решения экзистенциальных вопросов, человек вынужден сам конструировать для себя некие смыслы жизни, а может и вовсе отказываться от них. Его призывают уповать только на свою собственную самость в качестве основы и смысла жизни. В результате растерянности, появившейся после разрушения советского, марксистского мировоззрения, на его место пришли эзотерика и чародейство, получившие беспредельные возможности для своего распространения. Человек оказывается также перед опасностью засасывающего погружения в виртуальную реальность экстремальных психопрактик, наркомании, психиатрических расстройств, криминального поведения, псевдомистических сект. Сегодня уже более 5 млн. россиян являются членами различных сект, в том числе неоязыческих и оккультных. По мнению зарубежных сектоведов, Россия на сегодняшний день является одной из самых больших «духовных помоек» в мире, становится источником «духовного заражения» для других стран.

Сознание человека оказалось практически беззащитным перед индустрией наращивания экзотических, а чаще извращенных плотских потребностей, перед опасностью массового растления, разврата, порнографии, наркотиков, по превращению их в главный мотив поведения и ценностного устремления. Только официально, т. е. существенно занижено, у нас 4 млн. наркоманов и 15 млн. алкоголиков, 60 тыс. человек ежегодно, согласно официальным милицейским сводкам, сводят счеты с жизнью. По данным медицинских работников, на практике таковых в 2 раза больше. Быстрыми темпами идет деградиация человека, деградиация именно человеческого начала, нравственных принципов и смыслов. Культурные и психологические особенности, демонстрируемые значительным числом россиян, отличаются игнорированием нравственных норм, вседозволен-

ностью и характеризуются скорее как агрессивные, не имеющие ничего общего с культурными образцами нормального общества. Как следует из результатов одного из социологических исследований, за прошедшие 15 лет россияне стали более циничными (отметили 54 % респондентов), а также менее честными и бескорыстными (соответственно 66 и 67 %) ⁵⁰. Весь этот огромный массив антропологических девиаций ставит кардинальный вопрос о человеческом в человеке. Тревожную картину дополняет и достигшая своего максимума выключенность человека из общества в результате разрушения семейных, социальных и профессиональных связей.

В ненормальном обществе быть нормальным человеком ненормально, поэтому человеку стремятся привить пришедшие с Запада представления о «новой нормальности». В свое время психиатрия много времени потратила на то, чтобы определить границы «нормальности/ненормальности». Такие границы были установлены. Но уже К.Юнг и его последователи приложили немалые усилия, чтобы легализовать ненормальность, внедряя понятие «непрерывной патологизации». В их версии «непрерывная патологизация» отнюдь не является ненормальностью, а лишь операционным процессом, неким механизмом эволюции человека. В результате стали исчезать ясные критерии, помогающие отделить человека «нормального» от «ненормального», границы между ними оказывались размытыми. В конце концов, и психиатры, и особенно психологи оказались в тупике: то, что ранее ими трактовалось как «ненормальность», в 1990-е гг. XX в. стало считаться нормальным. Психиатры занимались лечением алкоголизма и наркомании, и вдруг эти недуги стали считаться неотъемлемым правом личности. Психологи считали гомосексуалистов девиантными, а они получили право вести такой образ жизни и даже создавать семьи. Исторический опыт свидетельствует, что народ вырождается и исчезает даже не тогда, когда в нем слишком много людей с патологическим поведением (хотя это тоже важный фактор), но тогда, когда падает до некоторого критического уровня понятие «нормы», «должного и ценного», когда исчезает представление о социально приемлемом, осознание ненормальности.

Если человек нормален, он не может приспособиться к ненормальному обществу, ибо в таком обществе человек как носитель мысли и духовности распадается на фрагменты, функции, эпифе-

номены, симулякры, трансгрессии и т. д. Он в массе своей становится инверсионным человеком. И только в провинции, еще не до конца развращенной, еще можно встретить хороших, нормальных людей. Все это происходит под прямым и жестким воздействием современной западной «мужской» цивилизации, которая оказывает разрушающее влияние на культурную, историческую и духовную идентификацию человека в России, нивелирует исторически сложившуюся защитную, «иммунную систему» в виде ценностей национальной культуры, традиционного образа жизни и хоть как-то осмысленного образа жизни. Целенаправленное разрушение защитной «иммунной» системы приводит к вырождению как конкретного человека, так и всего народа в этнографическую массу. В таких условиях вопрос о нормальном человеке даже не стоит.

* * *

Какие выводы можно сделать из вышеизложенного? За длительный период существования западной «мужской» цивилизации, с ярко выраженным прозелитизмом и экспансионизмом в отношении России, ее представители весьма преуспели в своих устремлениях. В России сформировалась и созрела достаточно перекошенная, инверсионная социально-политическая реальность. Если когда-то западные завоевания с помощью грубой силы затрагивали людей только телесно, то сегодня они проходят в более тонкой сфере, отравляя умы людей и убивая в них всякую духовность. Правда, в последнее время в стране, кажется, наметилась тенденция к тому, чтобы изменить взгляды на мир и собственное место в нем. Мутагенное, инверсионное, противоречивое, с зигзагами и отступлениями, но все же проглядывается движение современной России в сторону восстановления своего статуса цивилизации. Россия стала вспоминать о самой себе, вспомнила о том, что имеет собственные политические и экономические интересы (суверенная демократия), что есть своя религиозная и культурная традиции, вспомнила даже слово «русский». В стране появилось стремление к поиску инструментов для овладения контролируемым хаосом, для поисков своих технологий создания солидарного порядка, вновь появились разговоры о модернизации.

В то же время на самом Западе господство однобокого мужского начала привело к глубокому и всеобъемлющему кризису западной цивилизации, становящейся все более механистичной, бездушной и саморазрушительной. Ее ключевые тенденции, будучи продолженными, представляют опасность для всего мира. Эскалация насилия, рост военной мощи, утрата культурных, нравственных ценностей, разрушение традиционной семьи, падение рождаемости – результат созданного в течение веков подобия этакого мужского «культурного флюса». Четко построенная, предельно рациональная и, казалось бы, устойчивая система общественной организации зашаталась и начала рушиться, т. к. сделала ставку на одну-единственную силу, попытавшись подавить свою противоположность. Женское, духовное начало не питает современную культуру, утрачена даже память об этом – что ведет в цивилизационный тупик, из которого не просматривается выхода. Как отмечает Р.Тарнас, кризис современного западного человека и общества – это, по существу, мужской кризис. Он, как и многие авторитетнейшие западные аналитики, полагает, что большинство конфликтов и бедствий современной эпохи отражает приближение драмы эволюции к своему завершению и разрешению.

Стало ясно, что нужны какие-то новые жизненные ориентиры. Если раньше западные нормы и ценности считались для их носителей едва ли не священными, то теперь они утратили былое очарование. Под влиянием сложных проблем современности – всеобъемлющего экономического и финансового кризиса, растущего осознания экологической угрозы и усиливающейся реакции против разделивших народы мира давних политических и идеологических барьеров западная мужская цивилизация начинает формировать новые стандарты взаимодействия. Эта тенденция прослеживается в растущем понимании необходимости взаимопомощи и сотрудничества. Ощутима она и в нарастающем увлечении культурными воззрениями архаических времен и современных туземных племен, интересе к мифологическим, эзотерическим воззрениям и т. п., т. е. ко всем течениям, где обнаруживаются проблески подлинной или хотя бы мнимой духовности.

Такой поворот свидетельствует о том, что в современном западном сознании намечаются некоторые признаки эпохального сдвига, робкие попытки примирения двух враждебных полюсов –

мужского начала, долгое время пребывавшего на вершине господства, и женского начала, находившегося в угнетенном и подавленном состоянии, но теперь начавшего постепенное возрождение. По мысли Р.Тарнаса, мужскому началу предстоит расстаться со своей *hbris* (богопротивная дерзость) и со своей одноплановостью, заметить наконец свою до сих пор не осознанную половину и добровольно вступить в совершенно новые, основанные на взаимопонимании и равенстве отношения с женственным началом во всех его обличьях. А значит, женственное начало не нужно более подчинять себе, отрицать и поработать: его надлежит полностью признать, почитать и ценить как равное себе. Это поистине грандиозная и в то же время – как вынужден признать Тарнас – утопическая задача.

Намечающиеся изменения в лоне западной мужской цивилизации дают робкие надежды и на будущее нормальное развитие России, которой предстоит осознать, что навязанная Западом глубоко индивидуалистическая (мужская) парадигма если полностью не исчерпала свои потенции, то, во всяком случае, потеряла свое былое преимущество перед органической, женской парадигмой. А значит, у России появляется шанс сделать переоценку своих возможностей познавать окружающий мир и влиять на него в современных условиях.

Существенным подспорьем в этом направлении могла бы стать разработка нового национального проекта, главная цель которого – возродить героический дух нации, соединить разорванные, а зачастую и конфликтующие между собой пласты национальной истории и национального сознания, выявить и поставить на службу Родине незаслуженно забытые, но генетически близкие народному сердцу формы и устои бытия. Для этого есть необходимые предпосылки, поскольку цивилизации, подобно живому организму, несмотря на все мутации и инверсии, сохраняют системообразующие принципы. Благодаря этому сознание человека определяется не только положением в тот или иной момент истории, но и унаследованным от прошлых поколений ценностным ядром, который глубоко укоренен в сознании и является очень устойчивым. Проникнутый духом долга и ответственности опыт ушедших поколений не исчезает, он продолжает свое существование в надиндивидуальной, духовной сфере. В сущности, внимание к сфере духовного и может быть главной антикризисной стратегией России, ибо в рамках обанкротившихся

либерально-монетаристских парадигм, вызвавших нынешний кризис, невозможно найти выход из создавшегося тупика. Выход, подсказываемый самим ходом мировой истории, лежит в иной плоскости – плоскости духа, духовного поиска, духовного преображения как личного, так и коллективного, т. е. в возрождении подлинно женского начала как универсального вектора российской истории. «Едва ли, – пишет В.Кожин, – можно усомниться в том, что именно идеократическая и евразийская суть России определяла ее беспрецедентные крахи и падения; однако не стоит сомневаться в том, что именно эта суть выражалась в ее великих победах и взлетах, в ее, по словам отнюдь не благоволившего к России Маркса, “мировым успехам”»⁵¹. Великие взлеты и победы в России всегда следовали за духовным подъемом, который охватывал народ, когда он верил в провозглашаемые идеи как в абсолютную истину.

Таким образом, реконструкция истории взаимоотношений западной и российской цивилизаций (в кратком виде) с точки зрения «мужского и женского начала» дала возможность понять их значение как своего рода «вектора» и указателя пути. Это объясняет не только прошлое, но и будущее, показывает принципы формирования западных политических стратегий, оказывающих свое воздействие на Россию на всем протяжении истории, вплоть до современной социально-политической реальности.

Примечания

- ¹ Лосев А.Ф. Родина // Русский индивидуализм. М., 2007. С. 263.
- ² Савин А.В. Российская Евразия в «мире цивилизаций» // Евразийский вестник. № 23 (<http://www.e-journal.ru/turo-st-3-23.html>).
- ³ Пантин В.И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. 2008. № 3. С. 35.
- ⁴ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 378.
- ⁵ Там же. С. 375.
- ⁶ См.: Там же.
- ⁷ См.: Рябов О.В. Идея женственности России в сочинениях В.С.Соловьева (<http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/ideya-zhenstvennosti-rossii.htm>. С. 2, 5).
- ⁸ См.: Рябов О.В. Русская философия женственности (XI–XX века). Иваново, 1999.
- ⁹ Согласно традиционной православной догматике, под Софией понимается второе лицо Св. Троицы – Бог-Сын. Именно он в православном богословии является ипостасной и живой Премудростью Бога-Отца. В русской религиоз-

- ной философии к. XIX – н. XX в. София отождествляется также с Церковью, Богородицей, Ангелом-Хранителем, иногда рассматривается как особая женственная Ипостась Божества.
- 10 Противоречие в определении – (лат.).
- 11 *Бердяев Н.* Экзистенциальная диалектика божественного в человеке. М., 2006. С. 320.
- 12 *Чаадаев П.Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 2. М., 1991. С. 98.
- 13 Там же. С. 192.
- 14 *Аксюциц В.* Русский характер. Статья 10: О мужском и женском (<http://www.pravoslavie.ru/yurnal/1101.htm>).
- 15 *Кожин В.* История Руси. Современный взгляд. М., 2000. С. 52.
- 16 Цит. по: *Кожин В.* История Руси. Современный взгляд. С. 43.
- 17 См.: Там же. С. 46–47.
- 18 *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 499.
- 19 Схизма (греч. schisma, буквально – расщепление), разделение христианской церкви на католическую и православную.
- 20 *Кожин В.* История Руси. С. 57.
- 21 Цит. по: *Ланциков А.П.* Дар судьбы / Иван Солоневич. Народная монархия. М., 1991. С. 506.
- 22 Русская линия / Библиотека периодической печати / Второй фронт или Третья Мировая? (<http://www.narodinfo.ru/articles/38913.html>).
- 23 Медиаспрут – Галерея VIP: Рыцарь закулисья – Интервью с Валентином Фалиным (<http://www.mediasprut.ru/public/vip/falin/shtml>).
- 24 Цели США в войне против России – Форум Первоуральска (NET//<http://www.pervouralska.net/forum/showthread.php?t=18985>).
- 25 *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2007.
- 26 Речь Б.Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов (<http://www.-anti-orange-ua.com.ru/content/view/185/1>).
- 27 *Борк Г.* Сползание в Гоморру: современный либерализм и закат Америки. (*Bork Robert H. Slouching Towards Gomorrah, Modern Liberalism and American Decline.* N.Y., 1996.)
- 28 *Калашиников М.* Сломанный меч истории. М., 1998. С. 348.
- 29 См.: *Кожин В.* История Руси. Современный взгляд. С. 51.
- 30 См. *Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). Т. III. М., 1991. С. 230.
- 31 Термин «беспредел» появился в 1940–1950-х гг. во время войны между профессиональными преступниками-ортодоксами и уголовниками, которые не соблюдали неписанные законы – нормы поведения, принятые в воровском мире.
- 32 В разнообразных западных социологических концепциях имел место анализ общественных явлений, ориентированных на нормальность. В наиболее разработанном виде это представлено в теории функционализма Т.Парсона (70-е гг. XX в.). Однако эта теория обнаружила свои слабые стороны и недостатки, в отношении же к России является и вовсе малоприменимой.
- 33 *Керимов В.Е.* Введение в социальную философию. М., 1996. С. 41.
- 34 См.: *Лапкин В., Пантин В.* Русский порядок. М., 1997.

- ³⁵ См.: *Бердяев Н.* Философия неравенства. С. 71.
- ³⁶ *Люблинский В.В.* Социальная политика в условиях глобализации: опыт развитых стран // *Полис.* 2008. № 6. С. 145.
- ³⁷ См. *Гаджиев К.С.* Вестернизация или особый путь модернизации // *Полис.* 2008. № 4. С. 156.
- ³⁸ *Семенов И.С.* Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности // *Полис.* 2008. № 5. С. 16.
- ³⁹ См.: *Козырева П.М.* Правовое сознание и доверие // *Полис.* 2008. № 4. С. 86.
- ⁴⁰ См.: *Делягин М.Г.* Гармонизация интересов бизнеса и населения – условие национальной конкурентноспособности // *Полис.* 2008. № 3. С. 134.
- ⁴¹ См.: *Пантин В.И.* Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации. С. 37.
- ⁴² Там же. С. 39.
- ⁴³ *Красиков С.А.* Политические риски детрадиционализации // *Полис.* 2008. № 5. С. 182–183.
- ⁴⁴ Там же. С. 183.
- ⁴⁵ *Пантин В.И.* Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации. С. 33.
- ⁴⁶ *Делягин М.Г.* Ценностный кризис: почему формальная демократия не работает // *Полис.* 2008. № 1. С. 113.
- ⁴⁷ *Красиков С.А.* Политические риски детрадиционализации. С. 185.
- ⁴⁸ *Джатиев В.С.* Надо строить нормальное государство. Круглый стол «Гражданское общество»/<http://www.ni-journal.ru/archive/2007/n>
- ⁴⁹ *Козырева П.М.* Правовое сознание и доверие. С. 86.
- ⁵⁰ См.: Там же. С. 92.
- ⁵¹ См.: *Кожин В.* История Руси. Современный взгляд. С. 65.

Модернизация российского общества или особый путь развития?

В центре внимания российского общества сегодня вновь оказалась идея модернизации. Для руководства государства и правящей элиты, для всего научного сообщества стало очевидным, что темпы обновления общества являются совершенно недостаточными для уверенного существования страны в современном мире. Нужна полномасштабная стратегия системного обновления всего общества, которую еще предстоит осмыслить и сформулировать. В ходе развернувшихся дискуссий возникло немало новых вопросов и сомнений, на которые как ученые-гуманитарии, так и публицисты, профессиональные политики пытаются найти ответы. Поскольку историческая развилка страной, как нам представляется, еще не пройдена, «окончательный» выбор модернизационного проекта еще не сделан, то есть смысл продолжать обсуждение вопросов национальных интересов, стратегических целей и конкретных задач объявленной модернизации, ее масштабов, возможностей, внутренних и внешних условий реализации.

Спектр обсуждаемых проблем модернизации, как и идейных ее интерпретаций, в последние годы весьма широкий. Если вкратце попытаться охватить одним взглядом тематику, то можно выделить ряд ключевых проблем.

Прежде всего, развернулись острые дискуссии относительно исторического опыта предыдущих попыток модернизации российского общества. Две главные фигуры среди реформаторов оказались в поле зрения политической публицистики: реформы Гайдара

1990-х гг. и реформаторская деятельность Сталина. По-прежнему обсуждается ход реформ в императорской России, особенно деятельность Александра II, С.Ю.Витте, П.А.Столыпина.

Оценки всех великих реформаторов России были и остаются прямо противоположными – от спасителя страны до ее разрушителя. Это обстоятельство касается и реформаторской деятельности Петра I. Из текстов антологии, посвященной Петру I, видно, что в течение всех трех столетий продолжалась сохраняться острота ее полярных оценок¹.

Если брать позицию господствующей в обществе почти официальной идеологии, то она не склонна одобрять и поддерживать провальные реформы 1990-х гг. Но весьма жесткую позицию занимают официальные идеологи в отношении реформаторской деятельности Сталина, его опыт мобилизации общества с целью форсированного построения социализма в одной отдельно взятой стране. Острая потребность в постоянном проговаривании имени Сталина стала живым и болезненным нервом не только научной, творческой интеллигенции, но и всех слоев общества. Это обнаруживает себя ежедневно на телевидении и в газетах, практически на каждом круглом столе или научном семинаре, какой бы общественно значимой теме они ни посвящались. Полярность оценок личности и деяний Сталина – неустранимый факт современной интеллектуальной мысли страны и мира. Никаких подвижек в сторону консенсуса, согласия в оценке Сталина в общественном мнении нет и не предвидится.

Мобилизационная модель общества, предложенная Сталиным, остается по-прежнему плохо понятой с точки зрения ее исторической значимости для российской цивилизации-государства, выходящей далеко за пределы времени правления Сталина. Глубина преобразования общества, полномасштабная индустриализация, создание совершенно новой социальной реальности – эти явления отечественной истории не могут быть отменены никакими постановлениями или указами, и с ними все равно приходится считаться новым поколениям, как государственных руководителей, так и российских людей².

Суть проблемы, конечно, не в недостатке т. н. научных, академических работ по изучению феномена Сталина. Как известно, совсем недавно, в 2007 г. запущен большой исследовательский про-

ект, предполагающий издание 100 томов, посвященных сталинизму. Опубликовано свыше 70 томов, написанных, главным образом, зарубежными англоязычными исследователями³. Но и этот проект оказался явно тенденциозным, направленным на систематическую дискредитацию всего советского периода, связанного с диктаторским правлением Сталина. Новая волна антисталинизма, поднятая правящей элитой, еще раз показывает, что суть дела – не в оценке действий реального Сталина, а в понимании элитой того, что имеют в виду сегодня простые люди, когда говорят: «Сталина на них нет», «вот придет Сталин, и тогда...». Встречаются в литературе и другие, более объективные оценки фигуры Сталина, но подлинно научное изучение его деятельности еще впереди.

Точно такой же раскол существует в обществе относительно оценки реформ Гайдара и всей его команды радикальных реформаторов (младореформаторов)⁴.

Обществу невозможно двигаться вперед, тем более проводить модернизацию, при отсутствии такого объяснения предыдущих этапов модернизации страны, которое оказалось бы понятным и приемлемым для сознания большинства российских людей. Ведь речь идет о консолидации российского общества перед лицом новых все более значимых для страны угроз и вызовов. И если явного согласия относительно оценок действий реформаторов достичь не удастся, если вместо этого массовое сознание остается враждебно расколотым, тогда вопросы оценки должны быть решительно отодвинуты в сторону, изъяты из ежедневного обсуждения в средствах массовой информации и переданы в сферу науки на предмет дальнейшего изучения. К сожалению, происходит прямо противоположное.

Вторая ключевая проблема – это осмысление большого исторического опыта проведения различных видов модернизации с целью обоснования перехода к принципиально новой модели модернизации, выявление качественных измерений проекта, его базовых ценностных ориентиров⁵. Идеологи-реформаторы уже предлагают народу описания очередного «светлого будущего», по их мнению, лучезарного и привлекательного, но еще не факт, что оно будет принято российскими людьми.

В докладе института ИНСОП «Россия XXI – образ желаемого завтра», наделавшего много шума весной 2010 г., в разделе III авторы заглянули в «Полдень светлого дня когда-то в XXI веке»⁶.

Несмотря на все усилия, нарисованная картинка носит совсем не привлекательный характер, местами очень напоминает зловещие описания будущего из какой-то антиутопии. Но пока мы ограничимся одним замечанием. Все эти футурологические рассуждения живо напоминают недавнее прошлое – последние годы советского периода. На переломе исторических эпох в конце 1980-х гг. над всякими нормативными представлениями о будущем тонко и злобно иронизировали идеологи радикально-либеральных реформ. А теперь они сами в восторге от нарисованных ими лубочных картин будущего России в XXI в.

В предисловии редакции к номеру журнала «Эксперт», посвященному теме «Всемирная история модернизации», сказано, что «выбор модернизационной политики для России затрудняется общей неясностью целей и ориентиров». Но далее говорится, что сегодня как раз много неочевидностей относительно того, «в чем будет состоять суть завтрашней “современности”, в которую предстоит начать вписываться уже сегодня»⁷. Эти слова можно понять так, что эта самая современность где-то и каким-то образом создается, и нам нужно поспеть вписаться в нее. Мы еще вернемся к этой мысли несколько позже.

Спектр реальных возможностей развития зависит от состояния российского социума, страны в целом. Это в принципе известная истина. Но когда общество действительно находится в разобранном состоянии, в состоянии, близком к хаосу, то многим идеологам представляется, что в зависимости от желания можно как угодно собирать социум, придавать ему любую конфигурацию согласно чертежам придуманной модели модернизации, превращать миллионы людей в объект большой грандиозной манипуляции.

В какой-то степени эти соображения верны. И все равно за этими синергетическими рассуждениями плохо просматривается их связь с настроениями и ожиданиями миллионов российских людей, с их бедственным материальным положением и духовным кризисом, с их общей житейской неустроенностью.

И, наконец, третья ключевая проблема, но, пожалуй, важнейшая, – это роль российского государства на современном этапе мировой истории и, прежде всего, в реализации целей и задач современного этапа модернизации. Относительно роли российского государства, его устройства, путей и способов дальнейшей

трансформации развернулась острая дискуссия, по накалу страстей не менее жаркая, чем по поводу оценок реформаторов недавнего прошлого⁸.

Но, так или иначе, страна стоит на пороге модернизации.

Объявленный новый этап модернизации как выражение идеологии российского консерватизма

Объявленный новый этап модернизации следует рассматривать в контексте идеологии реформирования страны, сложившейся в последние два десятилетия. При таком подходе нынешняя модернизация получает недостающую полноту смыслов, в ней обнаруживаются скрытые замыслы ее идеологических творцов, несмотря на всю их демонстративную готовность к открытому обсуждению.

Значимость провозглашенной сегодня модернизации заметно преувеличена. На протяжении последних 18 лет с принятием в 1993 г. новой конституции страна демонстрирует стойкую приверженность либеральным ценностям. С начала 1990-х гг. российское общество, «выходя из социализма», оказывается в состоянии постоянного реформирования. Это реформирование называется по-разному: радикальные либеральные реформы, неолиберальная модернизация, вестернизация. Но, так или иначе, общество прошло два этапа в ходе этих преобразований, и сегодня наступает или наступил третий этап, который в некотором смысле окажется решающим, или, как говорили в недавние времена, судьбоносным.

Реальные результаты, полученные в ходе преобразований на первом этапе в 1990-е гг. примерно таковы. Сложилась самодержавная демократия. Её смысл состоял в упрочении самых базовых основ хорошо знакомого по истории страны государства неотрадиционалистского (имперского, или, более нейтрально, державного) типа. Была установлена власть первого человека, как гаранта конституции, над всеми другими ветвями власти. Власть у Ельцина оказалось предостаточно, но эффективный управленческий механизм им так и не был создан. Самодержавная демократия явилась средством упрочения власти первого человека. С ее помощью была полностью разрушена прежняя советская вертикаль власти. А радикальные рыночные реформы привели

к разрушению всех структурных связей в постсоветской экономике, к появлению правящей старо-новой бюрократии и дикого олигархического капитализма.

С избранием В.В.Путина на пост президента была восстановлена вертикаль власти сверху донизу, появилась настоящая партия власти, оформилась в общих чертах идеология партии, стали говорить о либеральном консерватизме как о главном идейном ориентире власти. Верховная власть открыто не признает эту идеологию, но, в общем-то, либеральный консерватизм явился удачным идеологическим выражением того реального пути, по которому стало двигаться российское общество. Идеи либерального консерватизма, так или иначе, стали воплощаться в жизнь, хотя с огромными трудностями и даже с потерями.

Мировой финансово-экономический кризис нанес тяжелый удар по российской экономике. Общим местом даже для всей правящей политической элиты стала фиксация хронического отставания страны от передовых стран, чрезмерная сырьевая зависимость экономики страны от экспорта, неразвитость политической системы. Стало ясно, что российскому обществу нужен мощный рывок вперед.

Новую модель идеологии, на которой базируется объявленная модернизация, можно назвать идеологией российского консерватизма, или новой версией, уточнением прежнего либерального консерватизма.

Несмотря на критику реформ 1990-х гг. со стороны ее идеологов основные цели, поставленные тогда властью, сохраняются. Здесь не должно быть иллюзий относительно этой критики, поскольку ей подвергаются не поставленные цели, а средства их достижения. Практически тотальная приватизация государственной собственности тех годов не ставится под сомнение, но делается упрек реформаторам в том, что они просто передали госсобственность не тем частным собственникам. Реформы 1990-х гг. к концу десятилетия привели к почти полному развалу российское государство и систему управления, едва не произошла новая геополитическая катастрофа вслед за распадом СССР.

Сегодня правящую элиту всерьез пугает новый возможный развал страны, поэтому в разговорах о модернизации особое значение придается вопросам управляемости процессами модерни-

зации, их постепенности. Модернизация должна проводиться исключительно эволюционным путем. Если под этим имеется в виду «революционная перестройка» М.Горбачева, которая привела к неуправляемому распаду Советского Союза, то здесь вряд ли есть предмет для спора.

Согласно официальной идеологии, главным субъектом нового этапа модернизации будет не государство, а слой предпринимателей, что радикально меняет весь образ модернизации. Что-то очень знакомое получается при соединении демократии и предпринимателей, такая демократия предпринимателей и для предпринимателей. А где государство, а где основная масса населения? Их не случайно «опустили». «Более того, характер ценностей, – пишет И.Дискин, сопредседатель Совета по национальной стратегии, – наиболее значимых для групп, составляющих “новую Россию”, задает и качественное измерение такого проекта- национально-демократическая модернизации»⁹. Неужели после такого заявления можно сохранять иллюзии относительно глубинных целей модернизации?

Если радикально-либеральный проект модернизации, отвергнутый обществом и недавней историей, был прост по конечной цели – максимально быстрыми темпами преобразовать страну по всем параметрам в капиталистическую европейскую страну, то либерально-консервативный проект сложнее и по замыслу, и по исполнению. Он более реалистичен, обладает позитивными возможностями, но имеет и трудно преодолимые на своем пути ограничения и препятствия.

В объявленном варианте модернизации можно выделить три главных мировоззренческих, идеологических вектора, назовем их так: – больше европеизма, больше независимости, больше демократии и свободы. Сначала о том, что можно назвать.

Больше европеизма

Говоря о будущем страны, правящая элита с 1990-х гг. и по сегодняшний день особо подчеркивает необходимость создания нормального общества, как в развитых европейских странах. Конечно, кто же будет против такой нормальности, особенно когда говорят

о том, как российское общество сравнивается с ними по основным жизненным критериям. Много раз можно услышать, что страна вошла в мировую экономическую систему, стала ее составной, неотъемлемой частью, и потому все разговоры о каком-то самостоятельном, особом пути России в XXI в. надо оставить.

Вот эта позиция и является сегодня главной проблемой, вот где камень преткновений.

Почему модернизация есть поиск решения скорее сиюминутных российских проблем, чем рассчитанных на длительную историческую перспективу? Почему, мы уверены, возникнет на этом пути тупиковая ситуация? Больше того, она сегодня отчетливо просматривается. Почему сегодняшняя ситуация в стране и в мире удивительно похожа на ту, что имела место сто лет назад? Попробуем ответить на эти вопросы.

Сначала несколько слов о самом понятии модернизации. Мегапроект «Модерн» есть грандиозный исторический проект развития человеческого общества. Его центральная идея – идея прогресса как непрерывного стремления общества к новому, к быстрым инновационным изменениям в сравнении с эпохой традиционализма, динамизм общественных процессов. В самом общем виде проект общества модерн – это становление капитализма как общественной системы. Конечно, нельзя вульгаризировать капитализм и сводить его как систему к эксплуатации, социальному неравенству и борьбе классов. Он включает в себя много европейских и с некоторыми оговорками общечеловеческих достижений – рациональность, свободу от диктата традиций, господство формального права, верховенство закона, выборность органов законодательной власти и многое другое. Но сколько бы ни говорили о современном обществе, его глубинную основу составляет некоторая совокупность базовых черт именно капитализма.

Модернизация осуществляется на основе национального государства и нации. Первоначально проект модерн тесно был связан с философией Просвещения, это был светский вариант проекта модерн. Но модерн как стремление к постоянному развитию вполне допускает и религиозные варианты.

В проекте модерн важнейшее место занимает конкуренция – конкуренция между частными собственниками сначала, вообще между отдельными людьми и социальными группами в обществе за возмож-

ности реализации своих интересов, вообще все общество построено на принципе конкуренции. С начала XIX в. конкуренция начинает доминировать на уровне отношений между национальными государствами. Первой страной в Европе, бросившей серьезный вызов либерализму, была Германия с начала XIX в. по середине XX в.

В литературе последних лет понятие модернизации приобрело довольно расплывчатый характер. Модернизацией стали обозначать любого рода обновление, совершенствование, улучшение. Понятие модернизации прочно вошло в литературу по социальным наукам в 50–60-е гг. XX в. Теория модернизации, созданная, в первую очередь, американскими учеными-идеологами, имела своей целью обоснование и разработку путей и способов создания в странах, освободившихся от колониальной и полуколониальной зависимости, базовых основ капитализма. Становление капитализма как общественной системы предполагает проведение глубочайших преобразований различных форм традиционного (раннеклассового, феодального) общества. Стремление превратить в конце 50–60-х гг. прошлого в., отставшие в своем развитии незападные, азиатские и особенно африканские страны, расположенные южнее Сахары, в капиталистические страны, было, конечно, заведомой утопией. Однако неолиберальная модель модернизации активно внедрялась в сознание новых независимых государств, и она несла в себе мощный идеологический заряд противоборства с некапиталистической моделью развития. Модернизации приносили первоначально заметные успехи, но не было страны, которая не оказалась бы впоследствии в тяжелой ситуации. Поначалу считалось, что культурно-национальные особенности любой страны лишь усложняют становление и развитие капитализма как общественной системы. Но затем выяснилась принципиальная невозможность для всех незападных стран «построить» у себя нормальный западный капитализм, создать общество модерн, что стало особенно очевидным с начала глобализации.

Понятию модернизации придан фактически универсальный смысл. Оно активно используется сегодня для характеристики реформаторской деятельности государств в любые исторические эпохи. Указания на связь модернизации с формационными изменениями общественного строя в рамках либерально-позитивного мышления считается излишними.

В этом мы усматриваем намеренное устранение из общественного сознания, как массового, так и специализированного, социальных оценок существующего в России и за ее пределами любого общественного строя. Модернизации начинают классифицировать по другим признакам: органичная, догоняющая, революционная и т. д. Можно уже говорить о модернизации Китая, но не говорить ни слова о социалистической перспективе ее развития. И тогда в одном ряду стран, вставших на путь догоняющей модернизации, окажутся, как сообщает журнал «Эксперт», Тайвань, Южная Корея, Аргентина, Китайская Народная Республика¹⁰.

В отечественной литературе стали говорить о модернизации Петром I России, хотя в Европе в то время не было еще ни индустриального капитализма, не было вообще проекта общества модерн. Получается так, что любые реформы, проводившиеся в прошлом, это попытки модернизации страны.

За фасадом европеизма, как идеологии превращения нынешней России в «нормальную» европейскую страну, спрятано явное желание реформаторов сделать Россию нормальной капиталистической страной.

Понятия капитализм и социализм оказались сознательно табуированными идеологами либерализма, которые не произносят вслух самое желанное для них слово – капитализм. Вместо этого они постоянно говорят о том, как хорошо бы иметь в стране «нормальное» общество и «нормальное» государство. С.Э.Кургинян посвятил несколько глав своей новой книги выяснению смысла и идеологической нагруженности понятия нормальности в сегодняшней российской официальной политике¹¹. К примеру, Д.Е.Фурман пишет, что «и национализм, и русофобия – естественное порождение и появление русской культуры, культуры страны, которая хочет стать вровень с передовыми демократическими странами, но пока никак не может. Это – две естественные реакции на два факта и два проявления глубинного национального невроза... Для построения “нормального” государства необходимо преодоление и того, и другого, как “патологических форм русского национально-го самосознания”»¹². Дело здесь, конечно, не в патологии, эти две формы выполняют разные функции в обществе, они порождены конкретными обстоятельствами российской жизни.

Но если ввести в объяснение ситуации, порождающей эти формы русского национального самосознания, понятие «капитализм», то от патологического происхождения этих форм ничего не останется. Просто русские, которые не хотят этого нормального, демократического строя, т.е. капитализма, становятся русскими националистами, по версии автора, а русофобы, которые и есть сторонники капитализма, их за это презируют. Так и надо писать. Родилось это противостояние не сегодня. Началось оно в период проводившихся Александром II **западных по происхождению реформ**, когда народники впервые заговорили о том, что перенесение капиталистических порядков на русскую землю не может решить острейших российских проблем. Историческое запаздывание в развитии экономики страны порождает своеобразную ситуацию, когда аграрная реформа выталкивает нищих крестьян в город, и они остаются один на один со всеми ужасами первоначального, дикого капитализма и сами воочию видят, каково достается пролетарию на фабрике или заводе. В такой ситуации капитализм как прогрессивная общественная стадия для Запада навряд ли будет принят крестьянством. Если искать главное в таком сложном явлении, как русский национализм, то это его антикапиталистическая направленность, о чем сегодня стараются вслух не упоминать.

Официальная пресса никогда не говорит о том, что в сегодняшней России построен или строится капитализм. В стране строится демократическое, свободное, социальное, «одним словом», нормальное государство, но никак не капиталистическое. А ведь западный мир – это мир капитализма. Следовательно, речь должна идти по логике вещей о создании в стране нормального капиталистического общества, и если либералы озабочены дальнейшим развитием страны, то именно как сегмента и неотъемлемой части единой мировой капиталистической экономической системы. Почему же либералы так упорно избегают в публицистике слов «капитализм» и «социализм»? Что, они устарели? Кстати, только партия «Союз правых сил» на последних думских выборах в 2007 г. выступила с программой достройки капитализма. Результат выборов – 1 %.

Финансово-экономический кризис мирового капитализма обсуждается в западной мысли в самых различных проекциях. Французский президент Н.Саркози вновь на форуме «Давос–2010» выступил с резкой критикой современного капитализма как извра-

щения нормального капитализма. «Мы спасем капитализм и рыночную экономику, если преобразуем их, сделав их нравственными». И еще: «Капитализм всегда был неотделим от некоей системы ценностей, от проекта цивилизации, от определенной идеи человека»¹³. Позиция высказана предельно ясно и без всяких туманностей.

Европейские социал-демократы в последнее время не любят также произносить вслух слово «капитализм». В предвыборном манифесте партии европейских социалистов этого слова нет, а полемика ведется с консерваторами, которые продолжают верить в рыночную экономику и в бизнес¹⁴.

Другими словами, изъятие пары «социализм–капитализм» из политической лексики носит далеко не случайный характер. Отказ официальной идеологии от использования термина «капитализм» радикально дезорганизует сознание российского общества вот уже на протяжении почти 20 лет. Всякие разговоры о модернизации без использования термина «капитализм» не дают возможности понять реально складывающийся ход развития страны. Если либералы у власти строят всего лишь нормальное общество, как могут нормальные люди выступать против него. Уверен, что одно только официальное признание сделать российское общество капиталистическим, намерение «строить» его дальше и превратить в общественную систему резко изменило бы всю идейную ситуацию в стране. Причем это дало бы возможность выстраивать более цивилизованные и, вместе с тем, рациональные, насколько это возможно, отношения между сторонниками левых взглядов и сторонниками капиталистического пути развития. Такое признание пошло бы на пользу всему российскому обществу. Была бы возвращена социальная составляющая в мышление и сознание человека, социальной группы, общества в целом.

В конце концов, либералы зовут страну в Европу, так давайте и в этом признании Европы капиталистической походить на Европу. В принципе нельзя возразить против такого понятного их стремления привести Россию в Европу, всей стране стать Европой или на первых порах приблизиться к ней.

Но если страна собирается и дальше развиваться в сторону «нормального» капитализма, то необходимо сделать некоторые сопоставления по основным параметрам. Вот что имеем на Западе, вот что у нас, и как приблизиться по каким-то важным для нас по-

казателям. И тогда станет понятным, что этот путь для нас тупиковый, я уже не говорю о том, что наше неразумное стремление жить как Европа не выдержит никакая природа на земле.

Один из немногих политических деятелей, который отваживается ясно говорить о проблемах капитализма в России и в мире, является Ю.М.Лужков. Он верно отмечает, что монетаризм стал главной причиной нашего финансового кризиса. Но предложенное им посткапиталистическое общество оказалось на поверку моделью капитализма нового типа¹⁵.

Еще раз необходимо подчеркнуть, что капитализм – это не набор показателей, а целостная общественная система. У него есть мощное культурное основание. Нельзя просто так взять и пересадить многовековые достижения европейского общества на российскую почву. Об этом уже столько сказано.

Российское общественное сознание признало необходимость восстановления в каких-то разумных пределах частной собственности и рынка, как важных инструментов экономической жизни, но капитализм как общественную систему, как эксплуатацию человека человеком значительная часть населения отвергает. Если власть намерена и дальше строить наш, российский капитализм, но называет новое, желанное общество просто демократическим и свободным обществом, то, видимо, существуют некие глубокие причины, которые вынуждают не называть вещи своими именами. Эти причины глубоко вскрыл в своё время К.Маркс: «Говоря, что существующие отношения – отношения буржуазного производства – являются естественными, экономисты хотят этим сказать, что именно те отношения, при которых производство богатства и развитие производительных сил совершаются сообразно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени естественными законами. Это – вечные законы, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет»¹⁶. Именно в том смысле, что история, как она ни развивайся, никогда уже не выйдет за поставленные ей границы.

Нынешние наши либеральные идеологи всерьез считают капитализм естественным состоянием, и потому они решительно вычеркивают противоречие «капитализм–социализм» как нечто безнадежно устаревшее. Собственно, этот довод лежит в основе

многочисленных их сетований по поводу разрухи в головах российских людей и высокопарных рассуждений о том, что «реформы надо начинать с мозгов». А «дальний» смысл здесь понятен. Изменить мозги так, чтобы не осталось в воспоминаниях людей даже и словечка «социализм». Капитализм есть естественное состояние общества, а все остальное от лукавого. Но капитализм был и остается теоретической основой всей сложной конструкции уходящего в прошлое проекта модерн.

Больше независимости

Только на первый взгляд кажется, что стремления к превращению российского общества в нормальное европейское общество и к сохранению независимости не противоречат друг другу. Но в исторической перспективе это как квадратура круга – вещи несовместимые.

Главный вопрос жизни или смерти России состоит вовсе не в многовековой отсталости России, а в экономической и финансовой зависимости от Запада. Зависимость порождена мировым разделением общественного труда. Именно зависимость порождает отсталость, а не наоборот. Чтобы дать ответ на этот вопрос, нужно решить, возможно ли вообще освобождение страны от экономической, прежде всего финансовой, зависимости от Запада, от роли сырьевого придатка Запада, имея в виду мировую капиталистическую экономическую систему. Конечно, вряд ли речь сегодня может пойти об автаркии как средстве решения проблемы. Но сегодняшняя чрезмерная открытость экономики страны, никем больше не повторенная из развитых стран, не развивает, а разрушает экономику. Европейская история полна драматической борьбы стран, защищавшихся от торговой и экономической экспансии более развитых стран, а первую очередь от Англии. «Таможенная система как средство, способствующее экономическому развитию нации при помощи регулирования иностранной торговли, должна постоянно иметь в виду принцип промышленного воспитания нации», – писал Фр. Лист, известный немецкий ученый еще в 30–40-е гг. XIX в. Он выступал «за проведение каждой менее развитой нацией суверенной,

самостоятельной экономической политики, ставящей целью достижение хозяйственного суверенитета»¹⁷. Фр. Лист и сегодня в России весьма популярная фигура.

Всё сегодня в глобализирующемся мире взаимосвязано и взаимозависимо. Но есть разные связи и разные зависимости. Китай не считает себя частью мировой капиталистической экономической системы и постоянно думает над тем, как выстраивать равноправные и взаимовыгодные отношения с ней. Китай оказался на мировой арене полноправным субъектом глобализации наряду с США и Евросоюзом. Положение России прямо противоположно положению Китая. Страна де-факто стала частью мировой капиталистической экономической системы, в которой господствуют объективные законы накопления, концентрации и централизации капитала. Эти законы никто не отменял, и они хорошо показывают причины постоянного оттока капиталов из периферийных стран системы в ее центр. По самым скромным подсчетам, за время реформ в России за рубежом оказалось свыше 500 млрд. долларов, и этот поток не остановлен. В 2009 г. из страны вывезено 69 млрд. долларов.

От того, как решается вопрос преодоления финансовой и экономической зависимости, зависит направление решения экономических, социальных, политических проблем, которые так остро сегодня стоят перед страной. Нельзя однозначно хвалить или критиковать авторитарные тенденции современной российской власти, важно во имя чего существует вертикаль власти, какой выбор она делает – социалистический или либерально-демократический путь модернизации.

Другая сторона ключевой проблемы состоит в том, как страна включена в мировое разделение общественного труда. Россия отстала технологически и опоздала, ей достались худшие места. Поэтому на первом плане в модернизационном проекте стоят вопросы технологического характера, ускоренного развития новейших прорывных технологий. Рассчитывать на помощь Запада здесь не приходится, более того, Запад никогда не пойдет на предоставление или продажу России новейших технологий и даже на прямое содействие этому. Нужно рассчитывать на свои и только на свои силы в отношении прорывных технологий. Западу никогда не нужна была сильная процветающая Россия. Это верно в отношении имперской России, тем более верно применительно к

Советскому Союзу. Это верно и сегодня. Европа, весь западный мир по-прежнему видят нас сырьевым придатком, отсталой страной периферийного капитализма.

Российское общество можно никак не называть, ни капиталистическим, ни социалистическим. Но де-факто власть строит в стране капитализм особого рода, российский капитализм, поскольку по ряду важнейших показателей страна удаляется, а не приближается к европейскому капитализму. И с этим можно в известном смысле примириться, если бы этот российский капитализм имел будущее. Исторический опыт имперской России – зависимой и отсталой страны капиталистической мировой системы – показал, что логика развития страны периферийного капитализма принципиально другая, чем стран центра этой системы.

Сегодняшняя ситуация в стране поразительно напоминает ситуацию конца XIX – начала XX в., которая могла быть разрешена только через революцию, что и произошло в 1917 г. Хозяйственная деятельность тогдашней России как периферийной империи должна была, прежде всего, удовлетворять требованиям внешнего, европейского рынка. Из этого обстоятельства проистекает не просто слабая интегрированность экономического пространства, а отсутствие его как единого целого. С одной стороны, экономика не ориентирована на формирование и удовлетворение потребностей внутреннего рынка, а с другой стороны, экономика должна всячески стремиться к понижению издержек производства. Эта ситуация затрудняет, а не облегчает проведение в обществе необходимых для дальнейшего сбалансированного развития социальных и политических реформ, обрекает на неразвитие традиционные уклады хозяйственной деятельности, на бедность и нищету основную массу населения.

Александр II провел важные экономические реформы, но он не решился на реформу политической системы, так же как и Николай II. Правящая элита не могла отказаться так просто от своих привилегий. Потому Российская империя и была обречена по поражение законами экономики. Можно не любить и даже ненавидеть Запад. Но вопрос не в Западе как таковом, а в способе жизнедеятельности мировой экономической капиталистической системы. Центр системы включил в нее насильственно или под угрозой применения силы почти весь незападный мир, сформиро-

вал выгодное для себя мировое общественное разделение труда, превратил весь мир в источник финансирования своего собственного благополучия. Он полон и дальше стремления следовать по пути прогресса для себя, во имя своих эгоистических целей.

Вместо нормального, европейского капитализма в имперской России сложился периферийный капитализм. Невозможность его длительного существования была связана с одной простой вещью. Страна считает себя великой мировой державой, империей, общественное сознание насковозь пронизано идеей величия страны. Но полуколониальный экономический статус страны и имперское величие приходят в трагическое несоответствие. Тупиковость, безвыходность ситуации становятся объективными предпосылками революции и к выбору в 1917 г. социалистического вектора развития. Об этом историческом опыте страны опыте полезно помнить и сегодня¹⁸.

Если страна по-прежнему будет оставаться в рамках капиталистической мировой экономической системы, то в ней будет существовать зависимый и отсталый капитализм, как сегодня, так и в обозримом будущем. Одним словом, страна будет европейской кочегаркой, в лучшем случае, кочегаркой, в которой сделан евроремонт. Для перехода в центр капиталистической мировой экономической системы у России нет достаточных оснований – экономических, финансовых, культурных. Ключевые решения финансового и экономического характера, которые принимаются страной, так или иначе получают предварительное одобрение на Западе. В 1990-е гг. прошлого века бюджет страны, прежде чем рассматривался законодательными органами, получал одобрение со стороны МВФ. И сегодня можно говорить об устойчивой финансовой зависимости России от Запада.

Чтобы периферийный капитализм состоялся в сегодняшней России, нужно одно – страна должна забыть про свое прежнее имперское, державное величие, чем сегодня и занимаются захваченные либералами средства массовой информации. Либералы каждый раз говорят о необходимости борьбы против всяких проявлений имперского синдрома у русских (российских) людей. Зачем нужна сегодня великая Россия, рассуждают либералы, хватит нам прошлых имперских стремлений к господству. Как писал Е.Гайдар, «необходимо вынуть из живого тела страны стальной

осколок старой системы. Эта система называлась по-разному – самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривается название “державность”. «Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить социальную экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой “западного типа”»¹⁹. И за это тоже либералы считают его своим учителем и наставником.

Во всяких попытках проявления Россией своей самостоятельности на мировой арене, в отстаивании своих национальных интересов США и Европа видят исключительно рецидивы имперского синдрома. К примеру, ученый из Нидерландов подчеркивает успехи В.В.Путина в укреплении российской государственности и тут же отмечает у него «агрессивные ревизионистские амбиции во внешней политике»²⁰.

В жарких и ожесточенных дискуссиях последних лет в центре внимания неизменно оказывается проблема величия России. Великая держава, великая Россия – это не метафоры. Это политические и исторические характеристики, с которыми всегда связывались успехи и победы российского государства. Собственно, державность и есть способность высшей власти к принятию самостоятельных, независимых решений. Но она должна быть обеспечена экономическими успехами и военной мощью.

Либерально-консервативная идеология – это строительство государства, похожего на империю, по своей конструкции, но без имперского величия. Или, точнее говоря, с «маленьким величием» большого регионального государства на постсоветском пространстве.

Петр I мыслил Россию как великую державу, но она оказалась при всем ее военно-политическом весе периферийной империей. А какая сегодня складывается ситуация? Теперь уже не Европа, а США пытаются выстроить капиталистическую мировую систему в виде единой всемирной империи, в которой вполне может найтись место и новым периферийным, «маленьким» империям. Избежит ли такой участи Россия, которая движется в направлении превращения в эту новую «маленькую» империю? Станет ли она вновь периферийной империей? Создается впечатление, что нынешняя власть в какой-то мере осознает эту опасность новой периферийной участи страны. Поэтому она и ставит вопрос о модернизации, имея в виду, прежде всего, проведение радикальных

изменений в экономике, создание инновационной экономики на основе использования новейших технологий. Но здесь интересно другое – власть, с одной стороны, говорит о необходимости проведения демократической модернизации, а с другой, – всячески укрепляет вертикаль власти и довольно решительно оберегает ее от критики слева и справа, как социалистов и коммунистов, так и радикальных либералов. Мы теперь переходим к третьему аспекту модернизационного проекта: «больше демократии и свободы». Иначе говоря, речь идет о модернизации политической системы и роли государства в проведении политики модернизации. Так что же: модернизация будет проводиться сверху или снизу?

«Больше демократии и свободы» как проблема государства

В 1990-е гг. в российском обществе доминировала радикально-либеральная идеология. Она заявляла, во-первых, о том, что нужно сократить до минимума участие государства в регулировании экономики, других сфер жизни общества. Во-вторых, нужно вести постоянную борьбу с любыми «остатками» авторитарных традиций у новой российской власти, особенно с патерналистскими функциями государства. Реализация на практике такой модели государства однозначно вела ко всё большему разрушению социальной сферы, социума.

В нулевые годы отношение к государству значительно изменилось. С одной стороны, власть выступила за сохранение вектора на либерализацию, с другой – стала восстанавливать и всемерно укреплять вертикаль власти, одним словом, создавать дееспособное государство неотрадиционалистского (имперского, державного) типа. Последствия этого поворота были настолько глубоки и многообразны, что они требуют специального рассмотрения.

Истории человеческого общества известны только два типа утверждения государства на принадлежащей ему территории. Объединить территорию в единое целое могут либо экономические отношения, когда торгово-денежные связи отношения между людьми достигают высокого уровня развития и становятся универсальной формой общественных связей в обществе. Государственные институты власти в этом случае выступают по-

литической надстройкой над сложившимся экономическим фундаментом. Либо жесткая вертикаль власти с универсальными отношениями непосредственного господства и подчинения. Других типов нет, а конкретно-исторические общества могут сочетать их в различных пропорциях при доминировании того или иного типа.

Наличие «вертикали власти» означает, что государство помимо совокупности институтов власти оказывается еще объективно, независимо от воли авторитарного правителя, носителем, защитником и исполнителем идеи «общего блага» или «общего дела», что ближе к нашей отечественной традиции. В этой идее находит свое выражение созвучный эпохе идеал общественного устройства, т. е. совокупность политических, экономических, социальных и других отношений, взятых как некоторая идеальная модель, которая может служить ориентиром для решения сегодняшних проблем. Люди постоянно апеллируют, приводят в качестве решающего аргумента такое воображаемое, умозрительное состояние общества, его отношений и нравов, действий первых лиц, которое дает как бы зримое и очевидное решение существующих на сегодняшний день проблем.

С нормативно-содержательной точки зрения «общее дело» как совокупность разного рода конкретных дел включает в себя, прежде всего, военную, геополитическую безопасность государства, определенный уровень социального обеспечения жителей страны, защиту образа жизни и традиционной культуры этносов и малых этнических групп, общественный порядок или, как сегодня пишут, общественную безопасность. Базовым принципом государства при решении такого рода задач в нормативном плане выступает принцип справедливости.

При авторитарном правлении социальные гарантии, приемлемый уровень социального обеспечения выступает более значимым условием стабильности и доверия в обществе, чем гарантии реализации политических свобод граждан, поскольку публичная сфера политики всегда имеет строго ограниченные рамки и жестко контролируется властью. По этой причине становление гражданских чувств и гражданской ответственности, единства нации идет сначала через отождествление каждого человека с государством, а затем уже с различными демократическими институтами, например, с парламентом. Государство всегда рискует, когда забывает о своих многочисленных обязанностях, что в отечественной истории было

и остается распространенным явлением. Отпадение человека от государства, антигосударственные настроения и выступления, как правило, имеют свои корни в безразличном отношении государства к человеку, к бедности, нищете, в отсутствии реальных программ по их ликвидации.

Авторитарная вертикаль власти по своей внутренней сущности далеко отстоит от классического буржуазного государства, а тем более от современного любого западноевропейского государства. То, что произошло в стране в 1990-е гг., можно назвать возвращением к институциональной матрице (инварианту), которая имела в нашей стране несколько различных конкретно-исторических форм своего воплощения. Сам по себе авторитаризм есть один из способов политического управления обществом, поэтому его оценка, положительная или отрицательная, зависит от целей, которые преследует власть. Авторитарная модернизация может и должна иметь историческое оправдание только в контексте провозглашенных национальных интересов и стратегических целей развития.

Нынешний авторитаризм выступает за постепенное реформирование политической системы, которое включает в себя контролируемое участие оппозиции в политической жизни. В таком типе государства всегда есть тяготение к подмене политики, политических методов принятия решений властно-управленческими, авторитарными решениями, к рассмотрению возникающих проблем скорее как административных, чем политических. Во всяком случае, реальная конкуренция партий, соревновательная многопартийность имеют серьезные ограничения и подвергаются довольно жесткому контролю.

В проекте либерально-консервативной модернизации разумным представляется все то, что связано с сохранением дееспособного государства. Ю.М.Лужков сделал особый упор на необходимость сохранения российского государства, прямо написав, что «сегодня мир видит только одну точку отсчета и точку опоры – институт Государства»²¹.

С позиций проекта модернизации Россия представляет собой недостроенное национальное государство. Восполнением его недостроенности и является авторитаризм. Требование к немедленному отказу от него означает на практике разрушение, распад государства как такового.

Восстановление вертикали власти породило предельно резкую критику со стороны радикальных либералов, которые считают, что одной из целей объявленной модернизации должен стать демонтаж всемогущественного, по их мнению, бюрократического российского государства и создание в стране нормальной европейской парламентской демократии. Препятствием к этому выступает, по мнению Э.А.Паина, позиция самой авторитарной власти, которая в свое оправдание придумывает концепцию «особой тысячелетней цивилизации», а также историческая инерция, ситуативное приспособление людей к однотипным условиям жизни, но никак не объективные обстоятельства в виде исторической традиции²². О необходимости борьбы с авторитарной традицией в отечественной истории до полного ее преодоления пишут либеральные авторы «Истории России» и многие другие авторы этого идейного направления²³.

Растущие процессы глобализация все более ухудшают положение страны на мировой арене. Прогнозы на будущее явно неутешительные. Многие исследователи предрекают неизбежный распад страны. Некоторые либеральные авторы в этом видят для России лишь благо. Из большой страны, по их мнению, имеет смысл сделать много маленьких государств, которые и заживут нормальной европейской (читай, капиталистической) жизнью, не обремененные никакими имперскими амбициями.

Р.Пайпс, известный американский историк, специалист по истории России, выступая летом 2009 г. в Москве в Фонде «Либеральная миссия» сказал: «Мне кажется, что Россия слишком большая страна. Вы никогда не были способны управлять этой страной». «Мне кажется, у вас никогда не было достаточно финансовых средств, чтобы хорошо управлять страной. Если денег нет, тогда не нужно быть такой большой страной»²⁴.

Какие исторические перспективы открывает нынешний вектор модернизации? Модернизация предлагает стране вновь путь периферийного зависимого капитализма, причем он требует максимального напряжения с целью догнать ушедшие вперед страны по показателям экономического развития. На этом пути есть шансы включиться в мировую гонку по развитию новейших технологий и достигнуть здесь значимых результатов. Но сколько ни потратит сил страна на движение по пути периферийного капитализма, до-

гнать ей наиболее развитые страны Запада не удастся. Уверенность, с какой правящая элита говорит о возможности достижения этой цели, есть весьма опасная иллюзия. Этот путь развития наверняка окажется тупиковым, точно так же, как и путь форсированного развития капитализма в дореволюционной России.

Дело в том, что либерально-консервативный проект носит вершущечный и избирательный характер, как и все попытки «модернизации» в имперской России с середины XIX в. В нем уделяется особое внимание развитию современных технологий, их использованию для создания инновационной экономики, созданию финансовой системы аналогичной западной, но в проекте совсем не проявлен интерес к состоянию российского социума, видимо, авторы проекта полагаются всерьез на его бесконечную пластичность и податливость к любым способам трансформации.

Необходимость разработки новейших технологий в ходе объявленной модернизации более чем очевидна. Но даже если по ряду прорывных технологий страна вырвется в лидеры, то этот прорыв еще должен быть воспринят социумом. Технологии создаются и используются, во-первых, людьми науки, которых еще нужно научить делать прорывные открытия, во-вторых, технологии встраиваются не просто в экономику, а в общество как в целостную систему. Они требуют не просто новой информационной инфраструктуры, они требуют людей с определенными социальными качествами, определенного уровня жизни, а в целом, готовности российского социума к сознательному и разумному использованию новейших технологий в соответствии с целями модернизации.

По мере реализации проекта «модерн» общество вполне может оказаться в исторической ловушке. Фундаментальная слабость либерально-консервативной модернизации – отношение к социуму. В объявленной модели модернизации обойдены самые важные моменты, касающиеся состояния российского социума, путей его трансформации, участия различных сегментов общества в его трансформации. Многие радужные картинки будущего в этой модели модернизации никак не увязаны с реальным состоянием российского социума.

Он остается в основном объектом модернизации, в обществе господствует угнетение, эксплуатация со стороны класса крупных собственников. А если это так, то складывается и развивается ситуация, аналогичная той, которая была в дореволюционной России

и которая была разрешена только в ходе социальной революции. Любые уступки со стороны власти в области политического реформирования будут признаны недостаточными в условиях, когда на первое место ставятся вопросы развития капиталистической экономики, а на второе – решение социальных проблем. Этому учит вся история становления объективных предпосылок революционной ситуации в имперской России. Идеологическая позиция сегодняшней власти двойственна и полна постоянных колебаний – от демонстративного подчеркивания значимости вертикали власти до намерений продолжить демократизацию политической системы.

Сегодняшние усилия власти по реализации экономических и технологических целей имеют важное значение для упрочения положения страны, однако необходимо добиваться качественного сдвига политики в сторону усиления ее социального вектора. Очевидно, что такой поворот можно осуществить скорее всего с помощью демократизации политической системы, которая должна заключаться в создании эффективно работающей многопартийности, состязательности идей, механизма прозрачных и честных выборов президента и депутатов Государственной думы, законодательных органов власти всех уровней.

Если сделать вектор социального развития доминирующим с точки зрения приоритетов политики, то нужен выход за пределы проекта модерн, выход за пределы мировой капиталистической экономической системы. Это должен быть новый тип исторического развития. Такой поворот тем более необходим, что российский социум в последние двадцать лет находится в состоянии регресса.

О состоянии современного российского социума

Главное, что нужно зафиксировать при обсуждении вопроса о состоянии российского общества, это его системный регресс. С.Э.Кургинян пишет в своей книге о четырех составляющих системного регресса: декультурация, деиндустриализация, десоциализация и дегенерация²⁵.

Горбачев не справился с управлением страной в 1980-е гг., когда он резко повернул курс ее развития. Вся сложность общественных отношений, выстроенная за десятилетия советской вла-

сти, была просто сброшена им в ходе перестройки как балласт, что привело в итоге к неконтролируемому распаду Советского Союза. Новое российское руководство постаралось свести до минимума свое присутствие в экономике, культуре, социальной сфере. Последствия известны – деиндустриализация, безработица, архаизация общественных отношений, рост этнической напряженности, развал сферы культуры, упадок и ликвидация многих общественных объединений, таких как профсоюзы, молодежные и детские организации, последствием чего явилось выпадение огромных слоев населения из социальных связей и отношений, и многое другое. Одним словом, в обществе происходила деградация, носившая системный характер, которая лучше всяких социологов точно описана А.И.Солженицыным в книге «Россия в обвале»²⁶. Разрушительные тенденции оказались намного сильнее, чем практическое утверждение новых либеральных принципов устройства социальной сферы, социума.

Страна лишилась почти 50 % своего индустриального потенциала, значительной части инженерно-технических кадров. Эти люди стали заниматься менее содержательной работой, которая часто не требует никакого специального образования. Сегодня многие высоко технологичные производства нельзя возобновить в стране ввиду отсутствия кадров. Средний класс после 1998 г. и финансового кризиса 2008–2009 гг. настолько ужался, что не может выступать сколько-нибудь прочной опорой власти.

Б.Дубин говорит о том, что российских людей объединяет сегодня процесс понижающей адаптации. Человек понижает требования, с одной стороны, к окружающей его реальности, а с другой, – к самому себе. В итоге его рассуждения выглядят примерно так: «Что ты ко мне пристал? Я что ли все это сделал. Я вообще к этому никакого отношения не имею. У меня алиби»²⁷. Недостаточная социализация негативно сказывается на поведении, культуре общения и мышлении российских людей, особенно на поведении новых подрастающих поколений, что проявляется в разных формах: в появлении агрессивных «стай» подростков, в аутизме и уходе в виртуальный мир, в резком снижении социальных качеств выпускников школ и вузов.

Для нового российского общества вновь стало характерно состояние раскола – экономического, социального, политического, культурного, – которое выступало отличительной чертой россий-

ского общества на протяжении последних трех столетий, в какой-то мере и в советский период. Раскол или отпад от общества предстает в виде постоянных потоков массовой эмиграции из России на протяжении последних двух столетий.

В культуре почти разрушена иерархия ценностей. Раскол в культуре – это полярность смыслов в понимании того иного явления жизни. Переход из одного культурного пространства в другое – это переход в другой мир. Это видно по всему. Нет сил, которые могли бы выстроить «работающую» в обществе иерархию ценностей, и нет символов, которые могли бы собрать и объединить людей. М.Момот пишет о странной закономерности, когда «страна может богатеть и разваливаться одновременно». «Впечатление о России как о тонущем “Титанике”, возникает от расползания единого политического и культурного пространства страны». Страна имеет фрагментированный, расколотый социум, сдерживаемый от распада, как считает автор, не столько властью, экономической, правовой и культурной связью, сколько инерцией²⁸.

Наличие многочисленных социокультурных и политических расколов господствующая идеология во многих случаях демонстративно отрицает, но главное состоит в другом. Общество начинает незаметно приобретать черты стратифицированного общества неосословного типа. Провозглашение господства формального права в обществе, равенства всех перед законом на деле оказывается привилегией богатых и чиновничества.

Одна из приметных черт возвращения сословий в появлении медленного дрейфа в перерождении государственной службы в «государеву службу». Как верно пишет А.В.Оболонский, «Россия всегда, независимо от режима или даже строя, управлялась разными вариантами “государевой” службы. И сейчас мы опять, по существу, имеем дело еще с одной модификацией “государевой” службы»²⁹. Речь идет о возрождении по существу петровского «Табеля о рангах», за отмену которого еще в императорской России шла борьба. И до сих пор госслужащий практически любого ранга не защищен от произвола начальника. Современный аппарат государственного управления малоэффективен. Согласно данным независимых рейтинговых агентств, Россия находится в седьмом десятке развитых государств, развитых по степени эффективности управления. Много говорится о необходимости совершенства-

ния механизма управления, а на деле во власти прочно господствуют семейно-клановые группы, связанные личной преданностью и круговой порукой.

Названные и многие другие тенденции регресса общества всячески вуалируются, скрываются от массового и не только массового сознания, которому нелегко выработать более или менее истинное понимание социальной реальности.

В условиях серьезных вызовов и опасностей, нависших над нашей страной, господствующая идеология навязывает обществу сознанию гламур, как особую философию беспроblemности, направленную на вуалирование, сокрытие всей сложности социальной реальности. Сегодня это стало особенно заметно, когда выдвинута идея нового этапа модернизации, в которой отсутствует четкие характеристики современного российского социума. Отдельными сожалениями о наличии в стране богатых и бедных тут не отделаешься. «Гламуризация публичной сферы, политики, культуры – еще одна ведущая тенденция социальной и культурной жизни страны последних лет»³⁰. С помощью гламура страну пытаются усыпить. Пробриться к реалиям жизни через страницы глянцевого журналов, через хитроумные сплетения слов, через словесный дурман средств массовой информации просто невозможно. А там, где используются привычные слова, много преднамеренного искажения их смыслов. Можно согласиться с теми, кто говорит, что на поверку оказывается: в стране возникают не реальные формы нового строя, похожего на европейское общество – это было бы неплохо – увы! возникают некие псевдоформы в смысле псевдокапитализма, псевдодемократии, псевдопарламента и т. д., которые и пытаются выдать за европейские институты, утверждающиеся в нашей стране³¹.

Важной стороной философии гламура выступает культ потребления. В. Мартынов пишет о том, что «Россия сделала фундаментальный выбор своего будущего в пользу общества потребления»³². Насчет фундаментальности выбора, это, конечно, сильное преувеличение. Но автор прав в том, что потребительский гламур вытесняет из сознания людей «неприятные» мысли по поводу таких сторон жизни общества, как безработица, уровень социального неравенства, нищета, бедность, человеческое достоинство и т. д. Намеренно формируется массовое общество потребления, как ни странно, бедных людей, которые являются работающими людьми.

Власть предполагает, что с помощью потребительского гламура удобнее управлять страной. Однако последствия такого подхода явно разрушают замыслы власти. Сегодня все более зримой становятся безразличие масс, низкая политическая и социальная активность, равнодушие ко всему – к добру и к злу, ко всякой истине и ко всякой лжи. Можно употребить и более привычные слова о застое, но застой скорее применим для характеристики обществ традиционалистского типа. Известный французский философ Ж.Бодрийяр, изучая европейское общество 30–40-летней давности, отмечал с тревогой, что эволюция социального сменилась его инволюцией. Повсеместно произошло охлаждение социального. «Молчание масс – это подлинная проблема современности»³³. Эта констатация молчания масс Ж.Бодрийяра вполне подходит для характеристики сложившейся в нашей ситуации, особенно если ее соотнести с бедствием и нищетой миллионов российских людей. Уровень доверия в стране находится на отметке 23–24 %, в 3–4 раза ниже европейского. Нет доверия, нет солидарности.

В первое десятилетие нового века становится все более явным, что огромное большинство населения, с одной стороны, и правящая элита, а также примерно 20–25 % населения, тесно связанные главным образом с экспортно ориентированной частью экономики, с другой стороны, двигаются по жизни по все более обособленным орбитам. Поэтому сокрытие подлинной социальной реальности является для власти желанной, но далекой от осуществления задачей.

Социальный раскол на бедных и богатых в российском обществе – поразительный и вопиюще несправедливый. Ничего похожего нельзя обнаружить в развитых европейских странах. Количество долларовых миллиардеров в стране за 2009 г. выросло почти в два раза, и власть даже не высказала своей озабоченности по этому поводу. Впрочем, и общественность отнеслась к этому безразлично. С появлением европеизированного правящего слоя помимо социального угнетения в стране резко обнаружилось и культурное отчуждение, противопоставление всего передового, западного в сфере быта, норм поведения, традиционному как устаревшему и несовременному. Управление социумом идет через дальнейшую фрагментацию и выстраивание преград между культурами богатых и бедных, образами жизни различных «сослов-

ных» социальных групп, через понижение требований к образованию и культуре массовой личности в отличие от правящей элиты, от представителей класса богатых.

В стране произошел откат минимум на 30–40 лет не только по материальным показателям жизни, но и с точки зрения наличия реальных социальных лифтов. На первых порах казалось, что это временное явление. Но теперь по многим параметрам этот процесс приобрел уже достаточно ясные очертания.

Проявление социального недовольства почти не имеет легальных механизмов, любое выступление может быть приравнено к уголовному преступлению за разжигание социальной розни. Ужесточаются наказания за несанкционированные выступления. Профилактика экстремизма выходит далеко за всякие разумные рамки. Каждый, кто недоволен, теперь может оказаться экстремистом. Тем не менее рост скрытой социальной напряженности в стране несомненен, она заметно возросла в связи с возросшими тяготами кризиса.

Исключенными из общества становятся не безработные, это еще как-то понятно, а работающие с низкими доходами. М.К.Горшков пишет о том, что примерно половина общества – люди, живущие ниже черты бедности и на грани бедности. Но социальное неравенство заключается не только в неравенстве доходов. Это и возрастная дискриминация, и различие в уровне и возможностях получения образования, и некачественное здравоохранение. Но главное, они «не могут выступать в качестве активных участников наиболее значимых социальных практик традиционных взаимообменов. Примерно 20 % полностью лишены всякого социального капитала»³⁴.

Отсутствие социального капитала приводит к тому, что М.К.Горшков называет социальной эксклюзией. Произошло выпадение огромных масс людей из социальной жизни в качестве сколько-нибудь активных участников социальных практик, произошло дезинтеграция, частичный распад социума.

Острейшая проблема сегодня – это упрощение личности, упрощение человека, которое пришло вслед за упрощением общества в целом. Что касается духовных качеств человека, то здесь ведется борьба против героизма, жертвенности, справедливости. Ведется оглушение, массовизация. Новое поколение воспитыва-

ется в духе пренебрежения всем советским. Преемственность поколений сильно повреждена, хотя еще сохраняется единственное прочное основание для объединения и единства российского народа – это Победа.

В стране построен вершущечный уродливый номенклатурно-олигархический капитализм, капитализм, очень напоминающий капитализм столетней давности в России. Вот по такой дороге идет общество, но в состоянии ли оно поддержать нынешнюю модернизацию, об этом серьезного разговора в научной литературе пока не было.

В обществе явно присутствует тенденция к дезинтеграции, к разрушению основы основ общественного целого – солидарности. Если люди выпадают из общества, о какой их гражданственности может идти речь? Прежде чем говорить о гражданине, нужно вернуть человека в общество, нужна обратная реинтеграция обездоленных слоев населения в общество, но сначала они должны перестать быть обездоленными, изгоями и нищими в собственном доме. Социальная бездомность становится метафизикой. Как говорил Гоголь, «вот уже почти полтора ста лет протекло с тех пор, как государь Петр I прочистил нам глаза чистилищем просвещения европейского», но «как будто бы мы до сих пор еще не у себя дома»³⁵. Современный бомж чем-то очень похож на босяков начала XX в. Только нет пока М.Горького, который рассказал бы о них, а может и хорошо, что его нет.

Я.Келлер проницательно заметил, что «теория модернизации страдает односторонностью с самого начала», она склонна обходить проблему социального характера человека, его «значения для подлинного (не только формального) достижения свободы человека». Теория модернизации одномерна, она останавливается на экономическом, научном и технологическом уровнях, когда она рассматривает социальные институты, то «она всегда переходит от точного описания к декларативным пожеланиям». Нынешний этап неолиберальной модернизации просто ведет к разрушению социальной сферы через использование сетевых коммуникаций³⁶.

В отечественной научной литературе довольно много обсуждается вопрос о неуспехе реализации идеи гражданской (политической) нации в современной России. Если говорить в специфически европейском понимании нации, то это, безусловно, так. Нельзя пред-

ставлять, что нация может возникнуть независимо от того, стала ли страна капиталистической или нет. В России те, кто так или иначе связан с капиталистическим укладом, ориентирован на западные ценности и образ жизни, готовы считать себя европейской нацией. Однако значительная часть населения скорее остается народом, чем нацией. Эта часть населения скорее относится к тем людям, которые составляют государственную нацию (государство-нация), поскольку ориентируются на государство как на высшую ценность.

Именно эта ценность только и может связать людей воедино, что и имело место в России на протяжении столетий. И сегодня она продолжает связывать российских людей. К сожалению, государство не отвечает им взаимностью. Ведь традиционному государству всегда были присущи патерналистские функции относительно всех слоев общества, а не только крестьянства. Однако нынешняя высшая власть старается поменьше брать на себя такие функции, а если и выполняет их, то считает это неизжитым, к ее сожалению, наследием так нелюбимого ею советского прошлого. В связи с этим В.Соловей правильно отмечает опасности роста в стране нового русского (этнического) национализма³⁷. Впервые за много столетий русские, всегда считавшие себя государствообразующим этносом, оставлены государством без внимания и поддержки. Таким образом, можно говорить об объективности присутствия двух представлений о том, что есть нация в российском сознании. И не видно, как эта раздвоенность может быть преодолена в обозримой перспективе.

Сегодня, несмотря на все попытки нынешней власти снизить государственное присутствие в обществе, в русском сознании всегда на первом месте была забота о государстве. Государственность у русского в крови, но реальное государство во всех случаях это не государство русских. Это государство, в котором под его крышей живут в мире и согласии все этносы, все нации и национальности. Поэтому русскими могут считать себя и представители других этносов. Так что понятие «русский» приобретает иногда несколько иной смысл, например, русский армянин, русский еврей, русский татарин. Появилось понятие русскости, как попытка отразить некоторые черты ментальности, общие для представителей всех этносов, живущих на одной территории, и главное в этих чертах то, что связано с отношением к единому общему дому – к государству.

Отсутствие глубокого анализа современного состояния российского общества и сложившихся трендов его изменения – одно из очевидных упущений либерально-консервативного проекта модернизации, причем делается такое опущение намеренно. Мы показали только тенденции становления либерально-консервативного проекта. На самом деле в обществе присутствуют и контртенденции, препятствующие реализации тех или иных частей этого проекта, а нередко и разрушающие их.

Понять социальную реальность можно через выявление вполне сложившихся тенденций, их противоборства. Это нужно для того, чтобы увидеть, какие разные пути существуют сегодня, по которым может пойти в будущее российское общество. Вхождение в капиталистическую Европу, в смысле стремления стать европейской капиталистической страной – это опасная иллюзия, и только новая социалистическая перспектива может быть ей успешно противопоставлена.

Новый этап модернизации или особый путь развития России?

Советский Союз предпринял в свое время героические усилия по преодолению финансовой и экономической зависимости от Запада. Это удалось сделать, но цена подвига страны оказалась за пределами высокой не только по причине невероятного мужества и героизма советского народа, и многочисленных человеческих жертв. Необходимость обеспечения военной безопасности перед реальными угрозами Запада, защита своих геополитических интересов привели к глубоким деформациям социализма и в теории, и на практике. И в дальнейшем мощный прессинг Запада и многочисленные ошибки руководителей страны так и не дали идее социализма показать свой реальный освободительный потенциал.

В сегодняшней ситуации, в которой оказалась страна, может идти речь только о социалистическом проекте, как особом пути развития. На протяжении последних двадцати лет либеральными идеологами ведется мощная критика особого пути развития России. В условиях глобализации, считают они, у страны нет другого выхода, кроме органичного вхождения в капиталистическую мировую экономику, кроме всесторонней в неё интеграции.

Но здесь всегда возникает вопрос, на каких условиях страна интегрируется в эту экономику и что означает интеграция с точки зрения будущего страны. Капиталистическая мировая экономическая система – это система глобального доминирования США, построения под ее руководством новой всемирной империи.

В каком направлении можно искать выход из проекта модерн для России? Только в направлении сверхмодерна, т. е. за пределами модерна. Это выход требует для России новой философии развития, раскрывающей всю глубину «фундаментальной инаковости» (С.Кургинян) российского развития.

Особый путь – это, прежде всего, новая попытка выйти из-под финансовой и экономической зависимости от мирового капитализма, это путь суверенного, независимого развития в направлении к новому социализму, путь, проходящий за властными границами становящейся американской империи.

Россию может спасти в исторической перспективе особый путь развития, который не сводится к модернизации, хотя он и должен включать многие целевые установки сегодняшнего проекта модернизации.

Россия имеет богатый опыт по реализации альтернативного, особого пути. Ранее уже отмечалось, что реформатор Петр I плохо смотрится в роли модернизатора. Петр I искал, скорее всего, неосознанно, повинувшись своей богатой политической интуиции, российскую альтернативу европейскому раннебуржуазному (по теперешним понятиям) общественному строю. Искал не в смысле отказа от европейских достижений, а как альтернативный путь создания мощной экономики как основы военно-политического независимости российского государства, объявленного Петром за несколько лет до смерти империей.

Альтернативный путь предполагает наличие больших, величественных целей, приводящих к прорыву в новое историческое пространство. Среди таких стратегических целей в петровских замыслах были внутренние цели – распространение государственной власти на необъятные пространства российской цивилизации, и внешние – превращение России в военноморскую державу. Отметим, что освоение российского пространства – это исторически постоянная цель внутреннего развития России. А всё вместе и было то «общее дело», которое формировало, выстраивало

общество, рождало своих героев и своих предателей и которое потребовало огромных жертв со стороны народа, в первую очередь, крестьянского населения. Мобилизация общества и явилась тогда способом реализации первой попытки нахождения особого, альтернативного пути.

В ходе своих реформ Петр попытался ограничить тормозящее воздействие традиции на освоение обществом европейских технических, экономических и культурных достижений. Общий смысл его подхода состоял в том, чтобы поставить традицию на службу развитию, прогрессу. Поэтому одни традиции отменяются, другие видоизменяются, переосмысливаются, третьи – активно поддерживаются, одним словом, традиция не должна мешать развитию. Среди наиболее противоречивых деяний Петра – радикальное изменение положения Православной церкви, которая до сих пор не может ему простить упразднение патриаршества и создание государственного органа по надзору над Церковью – Священного Синода.

Сталин как реформатор сделал новую попытку реализовать для страны особый путь развития. Это был красный (коммунистический) проект как альтернатива европейскому индустриальному капитализму. В итоге к середине 1950-х гг. западное общество признало, что сверхдержавы США и СССР представляют собой разные виды индустриального общества. В СССР были реализованы важные грани проекта модерн, но в целом это был особый путь развития как альтернатива западному капиталистическому обществу.

В спорах по поводу того, был ли построен в нашей стране социализм или нет, основным доводом против него выступает то, что он по своему содержанию во многом отличается от представлений К.Маркса о социализме. Для ряда отечественных авторов, сторонников социализма, марксовский европейский социализм выступает универсальным критерием оценки любой его конкретно-исторической формы. Но правомерность такого подхода не представляется очевидной.

Капитализм как общественная система исчерпал свои позитивные возможности. Французский президент Н.Саркози говорил на Давосском экономическом форуме в феврале 2010 г. о нежизнеспособности старой модели капитализма и необходимости разработке новой модели. В нашей либеральной печати стараются не замечать такой постановки вопроса о новой модели капитализма.

Но никакие попытки найти для него новую перспективу бесплодны и опасны тем, что сеют иллюзии насчет нового капитализма XXI в. «с человеческим лицом».

Капитализм как общемировая общественная система не может быть гуманным, не может быть с человеческим лицом, даже если иметь в виду капитализм в одной, отдельно взятой группе стран, например, в США. Высокий жизненный уровень в стране поддерживается за счет принудительной его оплаты со стороны всего остального мира, что наглядно показал недавний финансовый кризис. О масштабах оплаты писали все газеты мира и отечественные газеты в том числе. Какие были сделаны выводы с точки зрения исторических перспектив? Сегодня эта тема у нас абсолютно закрыта, после того, как было сказано, что больше такое не повторится. Именно по этой причине своевременна постановка вопроса о новом социалистическом проекте как альтернативном проекте капитализму как старой, так и новой формации. Сегодня речь должна идти не просто о модернизации российского общества, а о выдвигании концепции особого пути развития России, который явится реальной альтернативой именно сегодняшнему европейскому капитализму.

Социалистическая альтернатива России предполагает реализацию идеалов социализма совместно со значительной частью стран незападного мира, разделяющих левые идеи и борющихся против глобального господства Америки.

Особый путь России не должен вести к противопоставлению России Европе.

Особый путь – это поиск принципиально нового места и новой роли в отношениях с Европой а следовательно, и на мировой арене. «Россия была всегда не альтернативой Западу, а альтернативой внутри Запада»³⁸. Уместно напомнить, что Советский Союз в свое время не просто противостоял Европе, а выступал в роли «исполнителя» другого универсального, но также европейского проекта.

Особый путь как социалистическая альтернатива – это путь не в сторону от Европы, это другой вариант европейского пути. Или другой тоже европейский путь, дополняющий и обогащающий путь, по которому шла и продолжает идти Европа. Это другой путь и другой порядок, способ реализации европейских ценностей, а вместе с тем и универсальных ценностей, но сам способ их реали-

зации обусловлен спецификой российской истории. А.С.Пушкин в афористичной форме изложил суть либерально-консервативного видения российской истории: «Войти в Европу и остаться Россией». Смысл социалистической альтернативы: «Продолжать быть Россией и стать другой Европой».

Как сегодня Россия может стать на равных с Европой по уровню экономического развития, стать страной, входящей в центр мировой капиталистической системы. Формальное вхождение России в Европейский Союз в принципе ничего не меняет. Можно стать членом этого Союза, но это совсем не означает, что Россия вошла в состав центра мировой капиталистической экономической системы. Если присмотреться к эволюции Европейского Союза, то обнаруживаются интересные вещи. После быстрого расширения состава Союза за счет принятия бывших стран социалистического содружества, Союз столкнулся с проблемой, кто будет финансировать эти новые бедные страны. Евросоюз стал быстро терять черты союза экономически однородных стран. И теперь ему грозит участь империи, в которой появились новые окраины. Какими станут перспективы России, если она войдет в Союз на положении географически аномально большой окраины Союза?

Россия может стать в своем развитии только другой Европой, Европой-2. Но тогда это не периферия, не догоняющая модернизация, хотя отсталость останется характеристикой российского общества, по-видимому, на ряд десятилетий. Это особый путь. Это особое положение в глобальной экономике, которое не должно сводиться к положению периферийного, хотя и достаточно сильного в военном отношении участника мировой капиталистической системы.

Некоторые либеральные авторы утверждают, что невозможно ныне быть вне капиталистической мировой системы. Но почему невозможно? Ведь есть опыт Китая, который не замкнулся в себе, а напротив, включен в глобальную экономику, в мировые торговые и экономические процессы, но не является членом капиталистической мировой экономики. В финансовом плане он не должник Запада и не зависит от него из-за поставок сырья или энергоносителей на внешний рынок. Более того, торговый экспансионизм Китая – головная боль для многих стран и, прежде всего, для США. Следует с полной уверенностью говорить об особом пути развития Китая, основанном на принципах социализма с китайской

спецификой. Поэтому можно высказать сомнение о правомерности использования понятия «модернизация» применительно к социалистическому пути развития. С самого начала нужно провести не только идейные, но и понятийные разграничения между социалистической альтернативой модернизации и капиталистической модернизацией. Скорее, следует говорить о национальном, особом пути развития Китая, носящем по существу революционный характер и ведущем к реализации социалистических целей. Конечно, особый путь включает в себя те или иные черты догоняющей модели модернизационного развития, но к ней не сводится, особый путь этими чертами далеко не исчерпывается.

Европа явилась родиной двух универсальных общемировых проектов переустройства общества: либерально-демократического, капиталистического и коммунистического (социалистического) общества, иначе говоря, подлинного посткапиталистического общества, а не его суррогата.

К.Маркс в своем учении никогда не отрицал идею свободы. Он считал эту ценность базовой для всей европейской культуры и политики. Но Маркс коренным образом расширил понимание границ свободы. Свободный человек не есть просто частный собственник. Существование частных собственников в капиталистическом обществе одновременно предполагает и наличие людей, не имеющих таковой. Для них в основной массе нет другой реальной свободы, по большому счету, кроме свободы потребительского выбора. По Марксу, свобода неразрывно связана с творчеством. В.М.Межуев пишет: «Свобода становится для человека ценностью в той мере, в какой он осознает свою индивидуальность, видит в ней смысл и цель собственного существования и деятельности. А быть индивидуальностью – значит не потреблять, а созидать, быть не просто работающим, но творящим себя существом, побуждаемым к деятельности не внешней, а внутренней необходимостью (или целью) жить жизнью целого, рода, всего человечества»³⁹.

Главным способом реализации либеральной идеи свободы в становящемся капиталистическом обществе выступает соединение идеи свободы с идеей демократии. При этом либеральная идея ставится выше демократии, поэтому формальная демократия имеет цензовый (классовый) характер и дает в итоге только формальную свободу гражданам государства. Это, конечно, большое

для Европы достижение. При этом пролетарии как лица наемного труда долгое время не были гражданами в своих собственных странах. Под влиянием этих и других обстоятельств Маркс выдвигает идею социальной демократии, которая должна преодолеть формальные рамки свободы и создать необходимые социальные условия для реализации по-новому понимаемой им идеи свободы. Чем больше социальной демократии, тем ближе к социализму. Главным препятствием на пути к социализму выступает господство частной собственности, которая порождает эксплуатацию, угнетение, социальное неравенство по многим критериям, препятствует развитию социальной демократии. Классический марксизм говорит о преодолении, снятии частной собственности, которая может быть сделано или относительно быстро, или в течение длительного исторического периода. Европейская социал-демократия выбрала последний путь. Европейское общество во многом благодаря ее усилиям движется от формальной демократии к социальной демократии, повышая как демократические стандарты, так и социальные параметры жизни европейцев.

В последние годы европейская социал-демократия испытывает серьезный кризис. Незаметно исчезло из широкого употребления остающееся в программе социинтерна положение о демократическом социализме. Но появились слова о новом социализме применительно к Европе. В предвыборном манифесте партии европейских социалистов говорится о том, что «мы можем построить более справедливое общество, ориентированное в первую очередь на людей. Призываем в июне 2009 г. изменить направление развития Европы. Новый социализм в Европе – это справедливое соблюдение прав граждан, независимо от их положения и места рождения. Европейцы разделяют основные ценности и хотят жить в безопасной Европе»⁴⁰.

Одним словом, западноевропейское общество идет по пути медленной, постепенной реализации в жизнь социалистических ценностей. Установка – никаких утопий, реалистический взгляд на конкретные проблемы общества, которые должны решаться по мере их возникновения и обострения. Идти эволюционно от настоящего к будущему. Таков перед нами реальный путь, по которому идет значительная и весьма влиятельная часть левых сил Европы. Этот опыт для российских левых имеет двойственный и неоднозначный характер.

Хорошо известна последовательно критическая оценка деятельности социал-демократии со стороны революционного марксизма в XX в. Она состоит в том, что социал-демократия перестала быть революционной силой, отрицающей капитализм как общественную систему. Социал-демократия становится силой, способствующей дальнейшему совершенствованию капитализма, повышению его экономической эффективности и общественной жизнеспособности. Социал-демократия своими установками содействовала появлению социал-либерализма и между ними всё труднее провести разграничительную линию. Действительно, положение о социальном государстве используется сегодня не только социал-демократией, но и практически всеми другими силами в обществе, и не только либеральными, но и консервативными.

После событий в нашей стране в 1991–1993 гг. многие отечественные ученые изменили свое отношение к ревизионистской позиции европейской социал-демократии. Академик Т.И.Ойзерман написал целую книгу в оправдание ревизионизма и показал, что во второй половине прошлого века немецкая социал-демократия принципиально отказалась от марксизма, как, впрочем, и другие европейские партии. Он ставит исторический вопрос о том, «что же отличает теперь социал-демократию от социал-либерализма? Не утрачивает ли социал-демократия свои собственные черты, свою самостоятельность?» И ответ он дает по существу положительный. Т.И.Ойзерман доказывает, что в ходе исторического развития произошло всемирно-историческое оправдание перманентного ревизионизма европейской социал-демократии. «Исторические последствия развития капитализма выявляют новые присущие ему возможности, которые благодаря своему превращению в действительность еще более чем в настоящее время будут способствовать благоденствию всего человечества»⁴¹. Получается, что социал-демократия превратилась в средство совершенствования капитализма, а социализм как был, так и остается для нее недостижимой мечтой. Поэт М.Светлов дал очень точный образ такой ситуации: «Я бегу, желанием гоним. Горизонт уходит, я за ним».

Однако сами европейские социал-демократы о себе как о прямых пособниках капитализма не думают. Они считают свою линию принципиальной и правильной, несмотря ни на какие временные трудности и разногласия в практике решения конкретных за-

дач. Более того, они сами резко критикуют людей, называющих себя социалистами, которые ставят утопические цели и которые пытаются навязать обществу такой способ реализации социалистических ценностей. В подтверждение своей правоты некоторые социал-демократические авторы прямо ссылаются на К.Поппера, который поддерживал «пошаговую» социальную инженерию по реформированию общества, но выступал категорически против утопической тотальной социальной инженерии.

Одним словом, для европейской социал-демократической мысли социализм появляется в результате внутреннего, естественного самоотрицания капитализма. Возможно это или нет, покажет история. Вынудит ли угроза глобальной экологической катастрофы капитализм на глубокую внутреннюю эволюцию в мировом масштабе? Но сегодня социализм в одной, отдельно взятой европейской цивилизации грозит превратиться в свою полную противоположность по отношению к другим, незападным цивилизациям и странам. И, значит, не будет таким социализмом, каким видел его Маркс.

Европейская социал-демократия имеет большой опыт по организации оппозиционного движения. Это касается многочисленных социальных практик, демонстрирующих высокий уровень самоорганизации людей, их ответственное поведение, умение отдавать приоритет поиску согласия, а главное, выявление, агрегирование и защиту интересов социальных групп и отдельных граждан. Усвоение этого опыта социал-демократией, всеми левыми в нашей стране могло бы принести большую пользу.

От общества модерна к обществу знаний

В проекте социалистической альтернативы выдвигаются цели, выходящие далеко за рамки общества модерна, которые намечают прорыв к обществу, типологически стоящему выше общества модерна – к сверхмодерну, но не к постмодерну.

Сверхмодерн, или общество знаний – это новый этап в развитии человечества, но оно не имеет однозначно положительного смысла. Его технологической основой выступает информационное общество, а в социальном плане это информационный капитализм, использующий для утверждения своего господства над миром со-

временный уровень развития научного, в первую очередь, гуманитарного знания. Глобализация в ее нынешней социальной форме приступила к реализации того, что можно назвать многоэтажным человечеством, и ее внутренней конструкцией выступает соподчиненные уровни технологического развития различных стран и регионов мира (т. н. технологическая пирамида).

В одном из выступлений на форуме «Стратегия-2020» было сказано: «Спорить с глобализацией – все равно что спорить с законами всемирного тяготения. Глобализация объективна. Она является неснимаемым контекстом для всех... В глобализации нет никакой благодати. Кто-то прорвется в высшие лиги, а перед кем-то двери закроются навсегда. И именно навсегда. При этом кого-то не просто оставят за дверью... А жесткоотрегулируют»⁴². Смысл этого заявления состоит в том, что нужно, мол, успеть России, пока не закрыли перед ее носом двери и жестко неотрегулировали. А если уже поздно для России, тогда на что можно рассчитывать? Неужели выпадение из будущего для нее уже становится реальной возможностью?

Глобализация не только резко разделила человечество по ступеням технологического и социального развития. США и ТНК предпринимают попытки по торможению развития в любых его формах модернизации за пределами первого мира, т. е. стран «золотого миллиарда». Разрывы между уровнями развития в многоэтажном человечестве увеличиваются, и вместе с тем растут масштабы манипулирования сознанием уже целых народов и государств. Примеры успешного применения гуманитарных технологий с целью создания управляемого социального хаоса – Югославия, Ирак, Афганистан, оранжевые революции в ряде стран СНГ, в какой-то мере и радикальные реформы в нашей стране в 1990-е гг., проведенные под диктовку западных стран. Создаются эти технологии с использованием новейших достижений современного гуманитарного знания.

Разработки по практическому созданию человека манипулируемого, «нового типа человека» – трансчеловека, могут привести к мировой антропологической катастрофе.

Отмеченные черты нового капитализма позволяют теперь сказать, почему следует настаивать на социалистической альтернативе как единственно подлинном выходе для человечества, если оно

и дальше желает жить в истории. Общество знаний может быть основано на других принципах – на принципах нового гуманизма, справедливости и общечеловеческой солидарности, а это означает решительное противостояние любым попыткам со стороны единственной сверхдержавы или каких-то невидимых сил в ней сделать все человечество объектом манипуляций.

Социалистическая альтернатива для России несомненно включает в себя идею «общего дела», позволяющую каждому человеку почувствовать свою сопричастность к реализации огромного по своей конкретно-исторической значимости проекта. Прорыв российского общества на качественно новый уровень развития потребует и качественно другого отношения к труду. Труд вновь становится подвигом, героическим трудом. Только с высоты масштабов реформаторских замыслов Петра I и Сталина можно дать оценку подвигу строителей российской империи и «советской» империи. Отношение к труду есть важная составляющая идеологии особого пути развития. В советские времена индустриализация, освоение целины, запуск первого искусственного спутника земли и первого космонавта, использование атомной энергии в мирных целях – атомный ледокол, атомные электростанции, массовое строительство жилья для миллионов – всем этим жила одна большая страна. Практически все общество было причастно к реализации огромного по своим масштабам «красного» проекта.

Сегодня у России нет выбора – либо она обретает великий Проект, делающий ее в обозримой перспективе вновь великой державой, либо расколота по многим параметрам – культурным, социальным, этническим, – она медленно, но неизбежно будет и дальше деградировать. Особенно если учесть, какого рода операции разрабатываются против России, например, применение новейших технологий с целью разложения российской государственности, в том числе информационных войн, каковы последствия того регресса, который продолжает испытывать российское общество⁴³. Конечно, для практического поворота общества на альтернативный социалистический путь оно должно быть сильно «разогрето» социальной неустроенностью миллионов людей. Глубокий скептицизм и неверие российских людей могут быть преодолены на путях максимальной готовности общества повернуть государство на немедленное решение острейших социальных проблем.

Россия продолжает оставаться недостроенным национальным государством, а достроить его можно, только реализовав проект модерн, т. е. став капиталистическим обществом по европейскому образцу. Но это неадекватный ответ на вызовы истории. Только авторитарная модернизация, диктатура развития способна объединить страну в одно прочное единое целое. Речь идет о «вертикали власти» применительно к реализации особого пути развития и прорыву на другой его уровень в обозримой исторической перспективе, что может дать историческое оправдание авторитаризму. Политические реформы не должны вести к расшатыванию властной вертикали, значимость которой особенно возрастает, когда необходимо правильно выстроить всю бюрократическую управленческую пирамиду для решения стратегических задач развития.

Но главное «общее дело» как общенациональный проект не может быть сведен к направленности на достижение некоторых абсолютов – абсолютного добра, справедливости, нравственности и красоты, одним словом высокой духовности. На этом спотыкаются многие отечественные философы и публицисты. Призывы к миллионам людей следовать духовным ориентирам, которые спасут Россию и всех российских людей, вряд ли найдут массовый отклик. Так может жить и действовать небольшая часть интеллигенции, занятая гуманитарной деятельностью.

Общее дело для всех должно быть максимально конкретным так, как это было у всех великих реформаторов – Петра, Сталина, Александра II, Хрущева. Выше уже отмечалась наиболее характерная для России внутренняя константа – освоение российского пространства. Следует обратить особое внимание на получившую широкое распространение в общественном сознании идею создания широтного высокоскоростного железнодорожного сообщения от Балтики до Тихого океана и ряда высотных магистралей, отходящих от широтной магистрали на север и на юг. Ее создание позволит выполнить сразу несколько стратегических задач – создать новый «железный» скелет для прочной стяжки всего российского пространства, создать новые пространственные формы поселения людей вместо старых – маленьких городков, деревень и поселков, которые перестанут быть глухой и малопривлекательной провинцией. И, наконец, самое важное, она станет связующей основой для совместной работы на всей территории предприятий новой

инновационной экономики, а также и для нового этапа индустриализации страны. Так будут создаваться предпосылки для общества сверхмодерн, для общества знаний, и вместе с тем создаваться новый российский социум. На этом пути будет решительно изменена роль российской бюрократии.

Новая социалистическая альтернатива не отменяет ни частной собственности, ни рыночных механизмов, ни наличия прослойки богатых людей, ни демократии и конкуренции. Но все это должно быть подчинено решению более высоких и значимых целей Развития. Другими словами, речь идет о новом социализме, о социализме XXI в.

Социал-демократические идеи в том смысле, как они трактуется на Западе, плохо воспринимаются российским общественным сознанием. Ситуация действительно странная. Идет полным ходом «строительство» специфического российского капитализма, как бы мы его ни понимали. Отечественная социал-демократия, по крайней мере, могла бы способствовать становлению более цивилизованного капитализма. Более того, могла бы выступить в качестве реальной оппозиционной политической силы партии капитала, силы, способной всерьез претендовать на овладение в ходе политической борьбы реальными рычагами власти. Однако перспективы появления в России настоящего европейского капитализма весьма сомнительные. И тогда как же может появиться по месту и роли в российском обществе социал-демократическая партия западноевропейского образца?

В работах многих современных российских марксистов резко критикуются любые формы авторитарного, государственного социализма. Некоторые авторы вообще отказывают советскому (государственному) социализму в праве считать себя таковым, даже если он будет называться ранним социализмом, а тем более социализмом с российской спецификой. Не было, мол, у нас в советские времена никакого социализма. Но все дело в том, что критерий оценки социализма оказывается у них сугубо европоцентристским.

Эта позиция, на мой взгляд, весьма опасна, если брать и оценивать в целом сложнейшую практику борьбы за реализацию идеалов социализма. Если все усилия советских людей были напрасны, то как сегодня убеждать россиян в том, что нужно еще раз попытаться встать на путь социалистического строительства в нашей

стране? Но если раньше он был кривой, косой, но социализм, тогда понятно, что прежние усилия все-таки привели к каким-то исторически значимым результатам особенно в сфере того, что можно условно назвать «народным» социализмом.

Позиция отрицания советского социализма напоминает позицию таких непримиримых борцов за правду жизни, когда их борьба за правду жизни убивает саму жизнь. Но здесь есть и серьезная философско-методологическая проблема. Необходимо разделить проблему содержания и перспектив социализма в Европе от проблемы содержания и перспектив социализма в России.

Важно всегда связывать внутренние факторы развития конкретного общества с внешними факторами. Европа наряду с США является одним из центров мировой капиталистической экономической системы. И те, и другие озабочены растущей несправедливостью в распределении выгод, получаемых от глобализации, между бедными и богатыми странами. Но эта озабоченность никак не меняет положения Европы на мировой арене как одного из центров мировой капиталистической системы по отношению к периферии. Если социал-демократы уверены, что рано или поздно они достигнут того, что можно называть социализмом, то они все равно строят социализм для себя, для своей европейской цивилизации в соответствии с их представлениями о социализме. Это их выбор. (О критерии европейской социалистичности здесь нужно говорить отдельно.) Но и социал-демократы, и правые партии Европы едины в своем стремлении делать всё, чтобы их страны оставались самыми развитыми странами в мире, оставались центром мирового хозяйства, и они делают для этого, по большому счету, все возможное. В социал-демократии Европы пока еще плохо просматривается тот субъект, с практической деятельностью которого можно связывать достижение справедливого распределения выгод от глобализации мирового хозяйства между всеми странами и регионами мира. Возможно, что такой субъект сегодня складывается в мире за пределами социнтерна и социал-демократического движения.

Что касается многих стран периферии мировой экономической системы капитализма, в том числе и России, то для них путь эволюционного изменения общества, идущего по пути строительства капитализма, трудно признать перспективным. Потому что в

этих странах всегда складывался и будет в дальнейшем складываться периферийный капитализм, зависимый и отсталый, и как его ни улучшай, он не изменит своей сущности. Рано или поздно, как показывает история, периферийный капитализм начинает заходить в исторический тупик, именно в тот момент, когда капитализм Центра пытается перейти на более высокую стадию экономического развития, что собственно говоря, сегодня и происходит.

Чтобы социалистические ценности могли быть защищены и реализованы, для незападных стран нужна иная социалистическая стратегия, отличная от стратегии европейской социал-демократии. Государству важно иметь реальные возможности делать все для преодоления прежде всего зависимого, а затем уже и отсталого характера развития. И поэтому нужно решительно ставить задачу смены целей экономического развития, оно должно быть направлено не на получение максимальной эффективности и прибыли согласно законам рынка, а на снижение издержек производства. Экономика должна быть ориентирована изначально на решение проблем социальной сферы – демография, здоровье, образование, семья, жилье – одним словом, на повышение социального качества жизни. Это принципиально другое понимание путей и способов движения к социализму. Оно с неизбежностью ведет к усилению на первых этапах авторитарных методов государства в решении острейших проблем развития общества, к принципиальной неустрашимости государства из сферы экономики.

Группа известных отечественных авторов-экономистов активно разрабатывает идею существования и развития в мировой экономике двух типов (двух матриц) национальных экономик – рыночной и раздаточной, которые взаимодействуют и противостоят друг с другом в истории на протяжении столетий. В многочисленных работах С.Г.Кирдиной, О.Э.Бессоновой⁴⁴, других авторов на большом эмпирическом материале показано, что в истории России раздаточная экономика утверждала себя как эффективно действующая экономическая система. Критика либералами этих авторов как «заблудившихся в матрице» выглядит необудительной⁴⁵.

Иной путь прогресса вполне реален, он по существу связан с обратным ходом реализации социалистических ценностей и целей. В более широком смысле существует общеисторическая закономерность, впервые открытая Марксом, двоякого хода становле-

ния и развития каждой общественно-экономической формации⁴⁶. Еще раньше эту идею высказал А.И.Герцен: «Человек будущего в России – мужик, точно так же как во Франции работник»⁴⁷. Другими словами, если кратко, Европа пойдет от свободы (формальной свободы) к социализму. А Россия пойдет от социализма к свободе. Такой диалектический подход вполне пригоден как для анализа социалистического строительства в Советском Союзе, так и новой попытки перехода на социалистический путь развития. К этому по-разному призывают лидеры двух влиятельных левых партий в России: Г.А.Зюганов и С.М.Миронов⁴⁸.

Для современной России социалистический выбор – это отказ от уродливого номенклатурно-олигархического капитализма в пользу нового социализма, который признает многообразие форм собственности, многопартийность, политическую борьбу, но главное – ставит своей целью достижение социальной справедливости, преодоление нищеты и бедности, чрезмерного социального расслоения. Величие целей и нынешнее незавидное, периферийное положение страны в мире порождает особые способы реализации социалистических ценностей, так или иначе требующих различных мер мобилизационного характера и особой роли государства. Конечно, любые представления о будущем, если не иметь в виду конкретно-научное прогнозирование, всегда несут в себе элементы утопии и национального мифа, без которых немислимы существование и устремленность в будущее любой великой по своей мировой значимости цивилизации.

Тем не менее и при такой интерпретации становления социалистического общества, нового социализма не может идти речи о противостоянии России Европе. Россия с ней очень тесно связана, речь должна идти именно о России как о Другой Европе, о проекте «Европа-два». Это проект другой, социалистической Европы, вбирающий опыт европейской социал-демократии, но не сводящийся к ее видению социализма будущего. Две модели социалистического развития в принципе не должны отрицать друг друга. Они могут постоянно критиковать друг друга, в этой критике взаимно обогащаться. Но вместе составят единое целое, будучи глубоко связанными общностью разделяемых ими социалистических ценностей. Реализация этих ценностей в каждой из них будет идти по-своему, в другой последовательности.

Социализм есть переходное общество, динамически развивающееся и полное противоречий. Сегодня нельзя говорить о какой-то единой, универсальной модели социализма. Нет единственно правильного социализма. Каждая страна, выбравшая социалистическую перспективу как альтернативу капитализму, сама находит формы разрешения внутренних противоречий. Отличительной чертой нового социализма по мере его зрелости начинает выступать социальное творчество народа, как индивидуальное, так и коллективное, групповое во всех сферах жизни общества и на всех уровнях. Творчество выступает практическим доказательством участия народа в реализации «общего дела» не только на профессионально-технологическом уровне, но и в социальной и духовной сферах жизни.

Нет достаточных оснований полагать, что власти, объявив о новом этапе модернизации, совершили исторический выбор для страны на многие десятилетия. Несоответствия между затраченными усилиями и полученными результатами постоянно будут возвращать общественное мнение к тому выводу, что страна сделала лишь маленький шаг в правильном направлении. Особый путь развития как социалистическая альтернатива не отвергает того скромного вклада в решение социальных проблем, который мыслится в рамках либерально-консервативной модернизации. Но чего не решает по существу либеральный консерватизм, так это проблему человека. Он публично поддерживает индивидуалистический образ человека, но в российском обществе ему негде позитивно развернуться, хотя негативной свободы предостаточно. На практике человек должен сначала оказаться принадлежащим либо к одному из новых «сословий», либо стать членом корпорации с ее жестким противостоянием другим корпорациям. Все это по существу блокирует работу в обществе механизмов социальной мобильности.

В социальной сфере государству предстоит решать невероятно сложные задачи. Социальная защита незащищенных людей недостаточна для создания современного социума как основы общества знаний. Необходимо полноценное возвращение человека в общество, реинтеграция его в общество, предоставление реальных возможностей полноценного участия в общественной и политической жизни. В более широком смысле необходим переход от патернализма к государству инвестиций, когда каждый член

общества с помощью государства повышает свой человеческий и социальный капитал, повышает свой уровень профессиональной подготовки и образования. Именно это имеется в виду, когда говорят о создании вертикальной социальной мобильности или социальных «лифтов» в обществе. Такой должна становиться новая социальная реальность, новый социум на новом этапе исторического развития страны.

В социалистической альтернативе для России наиболее важную роль играет социальная проблематика. По той простой причине, что именно ей больше всего не везло на протяжении последних столетий. По крайней мере, два обстоятельства здесь следует иметь в виду.

Внешнеполитические условия редко складывались благоприятно для страны. Отсюда высокий уровень милитаризации государства и общественного сознания, особенно массового сознания, что является предметом постоянных нападок либералов, делающих т. н. воинственность русского народа чуть не врожденной чертой его национального характера, с которой теперь, как они считают, нужно вести решительную борьбу. Оборонное сознание всегда есть сторона державного (имперского) сознания и наоборот. За рецидивы имперского сознания, за агрессию сплошь и рядом выдаются даже самые робкие попытки высшей власти напоминать другим странам о том, что у России есть свои национальные интересы.

Военные затраты страны тяжелым бременем ложились не только на бюджет страны. Они во многом содействовали снижению уровня жизни, постоянному существованию нищеты и бедности. На это, конечно, нельзя закрывать глаза. И вопрос о необходимости различения достаточной и избыточной милитаризации страны в сознании общества всегда стоял остро во времена любого правителя в России. Но что важно отметить. Когда военные тяготы и лишения уравнивались великой идеей, к примеру, стремлением всего народа одержать Победу, тогда абсолютное большинство населения согласно терпеть, работать на пределе своих сил и ждать победного часа. Конечно, любая война не может продолжаться бесконечно долго. Но если война проиграна, то социальные потрясения и перемены в высших эшелонах власти неизбежны, что и показали события в первые десятилетия XX в.

Вторая причина выдвижения социальной проблематики на первый план вызвана также внешним фактором, но уже экономического характера. Отставание от Европы на протяжении последних столетий и периодически проводимые реформы с целью догнать или сократить это отставание с неизбежностью вынуждало власть пренебрегать социальной сферой. Внешние и внутренние обстоятельства делают такой выбор все более необходимым. Сегодняшняя степень открытости экономики и общества, стремление войти в Европу, несмотря на то, что там нас не ждут в качестве полноправного члена Центра системы, вызывает в социуме огромные разрушительные последствия. Такое устройство отечественной рыночной экономики становится тормозом на пути решения острейших социальных и культурных проблем. Историческая параллель с дореволюционной Россией здесь более чем очевидна.

Нередко можно слышать, что Россия – самая постмодернистская страна во всем развитом мире. Конечно, можно и так интерпретировать процессы регресса российского социума. Но это несерьезно. Нельзя стать обществом постмодерна, не построив у себя общество модерна. Российский народ сегодня в своей огромной массе испытывает контрмодернистские чувства, что также усиливает в значительной части российского общества стремление вернуться к традиции, в состояние домодерна. Это невольно способствует реализации идей западных стратегов о вытеснении российского общества на далекую периферию истории.

Православная церковь играет важную роль в сохранении идентичности российской цивилизации на фоне реальных угроз, исходящих от западной цивилизации, пытающейся навязать России свои социальные и культурные ценности. Но следует признать, что, скорее всего, мы имеем дело с охраной традиционной идентичности, уходящей в далекое прошлое. Опасно то, что православные идеологи нередко говорят о том, что история это грех. И, следовательно, в возможном выпадении России из истории они склонны усматривать нечто позитивное, совпадающее с их взглядами и целями.

«Социалистическая альтернатива» направлена на преодоление реальной угрозы выпадения России из будущего и полномасштабное возвращение России в историю. Российский проект включает в себя такие ценности и цели, которые способны приобрести универсальную значимость. Во всяком случае, возвращение в историю

означает реальное противостояние социалистической альтернативы капитализму. Все это предполагает радикальное переосмысление национальных интересов и стратегических целей российского государства. В проекте «Социалистическая альтернатива» сохраняется высокий уровень преемственности в отношении «вертикали власти». Но сохранение преемственности предполагает вместе с тем радикальное переосмысление целей, функций и структуры государственных органов власти.

В нынешних дискуссиях, развернувшихся вокруг намеченных конкретных программ модернизации, должны стать более понятными объем и масштабы тех проблем, которые еще нужно сформулировать и решить, если мы хотим, чтобы заявленная модернизация страны состоялась. Но что наиболее актуально, так это более точное, насколько это позволяют сегодняшние наши знания, придание процессу реформирования российского общества подлинно системного характера, рассмотрение перспектив его исторического развития в XXI в. в сложном переплетении внешних и внутренних факторов. Все это требует новой методологии анализа, выходящей за рамки сложившихся парадигм, несмотря на всю кажущуюся для этих парадигм достаточность и завершенность.

Примечания

- ¹ В книге А.А.Кара-Мурзы, Л.В.Полякова «Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии» (Иваново, 1994) представлен весь диапазон высказываний о реформаторской деятельности Петра I, разбитых на 13 рубрик, «От творца России» до «Антипатриота» и «Человека крайностей». Полярность высказываний сохраняется и в наше время. Видный религиозный мыслитель, наш современник В.И.Большаков в своем большом историческом исследовании пишет о пагубных последствиях петровских реформ. «Миф о Петре как гениальном реформаторе, “спасшем” Русское государство от неизбежной гибели, связан с мифом о том, что Московская Русь находилась на краю бездны» (*Большаков В.И. Грани русской цивилизации. М., 1999. С. 120*).
- ² См.: *Шевченко В.Н. Сталин: Мобилизационный тип развития: истоки, результаты, исторический смысл // Философия политического действия. М., 2010.*
- ³ В статье «История сталинизма в 100 томах», посвященной аннотации ряда книг этого проекта, фактически утверждается, что любые конструкции, в которых не поддерживаются определения сталинского режима как преступного, являются идеологическими конструкциями и «неприемлемы с моральной точки зрения» (Пушкин. 2009. № 2. С. 86).

- 4 Ю.М.Лужков и Г.Х.Попов в своей статье «Ещё одно слово о Гайдаре», вызвавшие большой резонанс в обществе, так оценили деяния Гайдара: «Провал гайдаровской модели был предопределен тем, что она была неправильной теорией, не соответствовавшей фундаментальным реалиям выходящей из социализма России» (Московский комсомолец. 22 янв. 2010). А может, и не надо было выходить из социализма. Но это уже другой вопрос. По мнению Чубайса, в начале 1990-х гг. Гайдар спас страну от голода, гражданской войны и распада.
- 5 Среди последних работ заслуживают отдельного обсуждения: *Дискин И.* Кризис... И все же модернизация! М., 2009; *Паин Э.А.* Распутица: Политические размышления о предопределенности пути России. М., 2009; *Рубцов А.* Идентичность и модернизация. М., 2008; Российская модернизация: размышляя о самобытности / Под ред. Э.А.Паина, О.Д.Волгогоновой. М., 2008.
- 6 Россия XXI века: Образ желаемого завтра. М., 2010.
- 7 Эксперт. 2010. № 1. С. 10.
- 8 В объемистой книге «Российское государство: вчера, сегодня, завтра» (М., 2007) представлены основные точки зрения на прошлое, настоящее и будущее российской государственности.
- 9 *Дискин И.* Указ. соч. С. 13.
- 10 Эксперт. 2010. № 1. С. 89.
- 11 С.Э.Кургинян посвящает анализу нормальности шесть глав (гл. VIII–XIII) в своей новой работе «Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире: В 2 т.» (М., 2009). Одна из глав имеет название «Роль и судьба нормальности в российской политике».
- 12 *Фурман Д.Е.* Рец. на кн.: *Соловей Т., Соловей В.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 164.
- 13 Цит. по: Россия 4 февраля 2010. С. 19.
- 14 Предвыборный манифест Партии европейских социалистов. М., 2009. С. 8.
- 15 *Лужков Ю.М.* Капитализм и Россия. Выпадение из будущего? М., 2009. С. 133.
- 16 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4: Нищета философии. С. 142.
- 17 *Лист Фр.* Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 36.
- 18 См. подробнее: *Шевченко В.Н.* Противоречия в современном российском обществе в контексте уроков революции 1917 года // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009.
- 19 *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1994. С. 153.
- 20 Европейский Союз и Россия. М., 2009. С. 9.
- 21 *Лужков Ю.М.* Указ. соч. С. 133.
- 22 См.: *Паин Э.А.* Распутица: Политические размышления о предопределенности пути России. М., 2009. С. 36.
- 23 *Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И.* История России: конец или новое начало. М., 2005; *Тренин Дм.* Интеграция и идентичность. Россия как «новый Запад». М., 2006.
- 24 *Пайнс Р.* Режим доступа: [www/liberal.ru/arti](http://www.liberal.ru/arti).
- 25 *Кургинян С.Э.* Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире. Ч. 1. М., 2009. С. 175.

- ²⁶ *Солженицын А.И.* Россия в обвале. М., 1998.
- ²⁷ *Дубин Б.* Лекция. Культуры современной России. Режим доступа: www/polit.ru/lectures.
- ²⁸ *Момот М.* Почему Россия деградирует? // Прогнозис. 2006. № 2. С. 320.
- ²⁹ *Оболонский А.В.* Бюрократия для XXI века? М., 2002. С. 143.
- ³⁰ *Дубин Б.* Режим разобщения // Pro et Contra. 2009. № 1. С. 13.
- ³¹ *Толстых В.И.* Российский путь развития. М., 2004. Гл. 5.
- ³² *Мартьянов В.* Шанс для России: выйти из общества потребления // Прогнозис. 2008. № 2. С. 329.
- ³³ *Бодрийяр Ж.* Конец социального. Екатеринбург, 2000. С. 29.
- ³⁴ *Горшков М.К.* Российское общество в социологическом измерении // Социол. исслед. 2009. № 3. С. 16.
- ³⁵ Цит по: *Гудзенко А.* Русский менталитет. М., 2003. С. 124.
- ³⁶ *Келлер Я.* Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия? // Социол. исслед. 2002. № 7. С. 49.
- ³⁷ *Соловей В.* Русская история: новое прочтение. М., 2005. Гл. 8.
- ³⁸ Там же. С. 227.
- ³⁹ *Межуев В.М.* Свобода как ценность // Альтернативы. 2009. № 4. С. 15–16.
- ⁴⁰ Предвыборный манифест Партии европейского социализма. М., 2009. С. 16.
- ⁴¹ *Ойзерман Т.И.* Оправдание ревизионизма. М., 2004. С. 613.
- ⁴² Цит по: *Кургинян С.Э.* Исаев и Иаков. Судьба развития в России и в мире. Т. 1. М., 2009. С. 318–319.
- ⁴³ См.: *Якунин В.И., Багдасарьян В.Э., Сулакишин С.С.* Новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2009; Информационные войны в современном мире / Отв. ред. В.Н.Шевченко. М., 2009.
- ⁴⁴ *Кирдина С.Г.* X- и Y- экономики: институциональный анализ. М., 2004; *Бессонова О.Э.* Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М., 2006.
- ⁴⁵ *Паин Э.А.* Указ. соч. С. 67 и далее.
- ⁴⁶ В свое время мною был дан анализ раздвоения становления и развития каждой общественно-экономической формации (двойкий путь) на основе изучения взглядов классиков марксизма. См.: *Шевченко В.Н.* Социально-философский анализ развития общества. М., 1984.
- ⁴⁷ Цит. по: Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 3. М., 1997. С. 773.
- ⁴⁸ См.: *Зюганов Г.А.* Социалистическая модернизация – путь к спасению России // Советская Россия. 2010.06.04; *Миронов С.М.* Социалистическая идеология в современном мире. Социализм и Россия // За нами Россия / Отв. ред. В.Н.Шевченко. М., 2010.

Роль человека в современном обществе: необходимость новой методологии анализа

Теоретическое знание всякий раз с наступлением новой исторической эпохи возвращается к крупным, основополагающим социально-экономическим, социально-политическим вопросам, которые уже затрагивались (часто неоднократно) в прошлом. Цель подобного рода возвращений, казалось бы, к пройденному – перепроверить, переосмыслить ответы на известные вопросы. При этом ученые опираются как на прежний опыт и полученные ранее результаты исследований, так и на создаваемую каждой новой генерацией ученых свою методологию, свой более совершенный и «тонкий» инструментарий изучения и восприятия изменившейся социальной реальности.

В XXI в. сложились новые социально-экономические и социально-политические реалии, которые качественно изменили картину современного мира, картину российской действительности. Соответственно, на повестку дня выдвинулась проблема социально-философского объяснения этого мира, новой российской реальности и изменившейся роли человека в ней.

Новая социальная реальность – это не результат стечения обстоятельств, как это трактуют некоторые российские социологи, а результат социальной деятельности человека. Человек, совершая социально-значимые действия, фактически создает социальную реальность, которая, будучи однажды создана, продолжает функционировать по своим собственным объективным законам, обратно воздействуя на человека, характер и содержание его деятельности, поведение с позиций добра или зла.

В этом аспекте основополагающее значение приобретает **проблема социальных механизмов мотивации поведения личности**. Характерной особенностью является принципиальная невозможность окончательного решения раз и навсегда проблемы личностной мотивации. Меняется социум, меняется функционирующая в нем личность, проблемы взаимоотношения социума с личностью, личности с социумом постоянно трансформируются, переакцентируются, приобретают новые оттенки и особенности. Их взаимоотношения зачастую столь латентны, непонятны в традиционном мировоззренческом ракурсе, а то и попросту неуловимы коллективной и индивидуальной психикой, что сплошь и рядом смысл их проявляется с серьезным опозданием, обретая «на поверхности» сразу же значение серьезной социальной проблемы.

Несмотря на все сложности такого рода проблем, тем ученым, которые взялись исследовать социум и происходящие в нем процессы, не обойтись без постоянного совершенствования методов познания социальных законов, методов, устремленных как в макромир государств и содружеств этих государств, так и в микромир тончайшей психоаналитики личности.

Изучение мотивации, ценностных ориентаций и социальных установок, определяющих целенаправленность, содержание, характер социальной деятельности человека, создающего по своей воле или против нее окружающую его социальную реальность России периода кардинальных трансформаций, является важнейшей задачей социально-философского знания.

На анализ некоторых аспектов этого знания и направлено данное исследование. В нем предполагается осветить вопросы и проблемы ограниченности и последующего преодоления старого социального мышления по проблемам личности, по проблемам роли человека в современном мире; проанализировать принцип индивидуальности как величайшего блага общества; рассмотреть роль индивидуальной личности в социально-экономическом, социально-политическом развитии России; проанализировать проблемы конкретной социальной реальности и жизнедеятельности человека.

1. Преодоление старого социального мышления

Старое социальное мышление исходило из того, что все проблемы общественного развития можно решить посредством совершенствования безличностных структур. Достаточно создать «совершенную» социальную структуру или «совершенный» механизм социального управления и общество в кратчайший срок достигнет самых смелых (чтобы не сказать утопических) социальных целей.

Это мышление упускало из виду, что социальные структуры функционируют, а социальные механизмы приводятся в движение посредством деятельности людей, находящихся в самых различных связях и отношениях и осуществляющих деятельность во имя удовлетворения своих индивидуальных потребностей и интересов; что их деятельность должна быть соответствующим образом мотивирована и стимулирована. Именно поэтому отправным пунктом совершенствования всей системы общественных отношений являются не социально-экономические структуры и организационные формы, а человек, мотивы и стимулы его социальной деятельности, его мышление и психология. Следует согласиться с известным ученым Б.Г.Юдиным: «Сегодня есть все основания констатировать, что именно всемерное расширение человеческих возможностей стало и в обозримом будущем продолжит оставаться – главным вектором научно-технического прогресса»¹.

При определенной схожести данной концепции отечественного ученого с доминировавшими в 70-х гг. XX столетия представлениям о человеке лишь как о ресурсе социального развития между ними на самом деле пролегла непреодолимая пропасть. Западные концепции человеческого ресурса, человеческого капитала рассматривают человеческую личность в качестве *материала* разнообразной производственной, финансовой или социальной практик. Человек в таком прикладном контексте описывается в основном глаголами в страдательном наклонении, он так либо иначе используется и потребляется. Таким образом, в процессе реализации потенциал личности имеет тенденцию к уменьшению.

Иное наблюдается при реализации человеческого потенциала, когда он, как в описанном Б.Г.Юдиным случае, используется не в качестве элемента физической системы – материальной, строительной

единицы, а как *творческая личность*, как дирижер созидания, который в процессе самореализации лишь прибавляет ценных качеств: инновационных знаний, опыта, навыков командной работы².

Растущая человекоцентричность общественного сознания ведет к ситуации, когда научно-техническое развитие последних десятилетий все в большей мере концентрируется вокруг человека. Это выражается как в том, что магистралью прогресса становится всемерное развитие, расширение человеческих возможностей, все новых степеней свободы личности, так и в том, что человек объективно все чаще оказывается критическим звеном многих технологических процессов, подвергается серьезным опасностям, порождаемыми неуклонно усложняющимися технологиями.

Трансформации общественного сознания в отношении личности, явный приоритет человеческой личности, который отдают ей общества наиболее развитых стран, сказываются и на положении человека в социальном мире. Защита прав человеческой личности приобретает все большее значение в национальных государственных и транснациональных общественных организациях, права и свободы личности недвусмысленно провозглашаются как приоритетные все большим числом участников международного разделения труда, заявляются главным критерием успешности и гуманности процесса глобализации.

Реальное реформирование, как на национальном, так и глобальном уровнях, должно быть направлено на разрушение старых структур и организационных форм, сковывающих индивидуальное творчество, и создание новых, позволяющих всесторонне использовать инициативу и способности индивидов при решении различных научно-технических и социально-экономических проблем. Расширение диапазона действия индивидуальности выступает в качестве важнейшего условия с точки зрения предотвращения появления и развития кризисных, застойных и негативных явлений. Все эти явления, которые мы наблюдаем в повседневной жизни и исследуем, это не следствие функционирования безличностных структур, а результат деятельности людей, осуществляющих ее в процессе группового взаимодействия во имя достижения определенных целей.

Когда нет умения, понимания и знания того, что нужно делать для реального решения той или иной проблемы (научной, социальной или экономической), на первый план выдвигается то, что не

требует специальных знаний, особых затрат умственной энергии, т. е. структурная и организационная перестройка. Решение любой проблемы ставится в зависимость от создания новых организационных и правовых структур, увеличения штатов, дополнительного финансирования и т. д. В результате растет численность министерств, ведомств и учреждений, разбухают их штаты, не ослабляется, а усиливается воздействие бюрократии на все стороны жизнедеятельности общества. Бюрократия превращается в реальную социальную силу. И все это осуществляется якобы во имя общественного блага и от имени науки. В действительности же создается видимость активности, получают развитие псевдоактивность, псевдодеятельность и псевдонаучность. Структуры и организационные формы меняются, а научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие общества не только замедляются, но и начинают сопровождаться возникновением кризисных и застойных явлений. Эти явления означают нарушение процессов поступательного развития, они являются следствием не какой-то безличностной экономической или социальной структуры, экономического или социального института. Они – результат деформации деятельности большого числа индивидов и социальных групп, вызывающих их к жизни. В то же время изменение содержания и характера деятельности людей, создание условий для проявления их индивидуальности – важнейший фактор ограничения или устранения процессов деиндивидуализации личности и деформации ее социальных действий.

Поступательное и ускоренное социально-экономическое развитие общества имеет место тогда, когда каждый человек самостоятельно или как член социальной группы не рассматривается как представитель безликой роли или статуса в той или иной структуре, а выступает как индивидуальность, проявляет свою индивидуальность даже в самых неблагоприятных для этого условиях. Как индивидуальность он характеризуется совокупностью черт, присущих исключительно ему; одновременно каждый индивид является носителем общих социальных черт, свойственных ему как представителю данной социальной группы (национальной, этнической, семейной, трудовой, возрастной и т. д.). В отличие от общих социальных качеств личности, индивидуальность является комплексом социальных качеств, отличающих данного индивида от других индивидов, качеств неповторимых.

«Человек – это своеобразный микрокосм, – поэтому процессы, происходящие внутри его сознания, в сжатом виде отражают более общие процессы, происходящие в культуре. А поскольку культура может выступать в качестве объекта исследования, т. е. быть отстраненной от отдельного человека, то именно исследование культуры позволяет нам проанализировать и внутреннюю жизнь человека»³.

Именно индивидуальность личности является основой ее новаторских, оригинальных и творческих действий, основой уникального вклада в развитие человеческой культуры, в то время как общие черты и повторяющиеся действия способствуют сохранению и передаче существующей культуры и ее традиций из поколения в поколение.

2. Индивидуальность как величайшее благо общества

Включение индивидов в функционирование модернизированных или вновь создаваемых систем, структур и организаций, согласно взглядам некоторых ученых, предполагает, что они должны четко соблюдать или выполнять предписанные им в этих системах требования статусов и ролей. Если этого не происходит, то вся вина списывается на несовершенство структур, организационных образований, правовых норм. И вся проблема сводится, в конечном счете, к дурной бесконечности.

История Советского Союза последних десятилетий – это чехарда структурных преобразований, которая нередко превращалась в замкнутый круг. «Укрупнение» и «разукрупнение», попытки решить социальные и экономические проблемы только путем структурных преобразований или созданием новых организационных структур, путем сокращения, а затем нового витка в раздувании штатов – это псевдодеятельность, псевдореконструкция.

В конечном итоге произошла экономическая и социальная деградация страны, что привело к ее распаду и появлению на политической карте мира новых самостоятельных государственных образований.

К сожалению, попытки исправить положение и придать РФ должное ускорение в комплексном социально-экономическом развитии, которые предприняли пришедшие к власти в нача-

ле 90-х гг. XX в. доморощенные неолибералы, лишь усугубили ситуацию. Причины тому – высокомерное игнорирование рекомендаций непредвзятых экономистов, ученых-обществоведов и опора на многократно себя скомпрометировавший метод проб и ошибок в управлении сложным государственным хозяйством.

Ученые, анализирующие экзистенциальные основы неолиберального реформирования РФ, приводят удручающие данные деградации человеческого потенциала. За 1990-е гг. Россия по уровню человеческого развития откатилась с 35 места на 72-е среди 173 стран, оказавшись по этому важнейшему показателю позади Мексики и Турции (статистика ООН). Если сюда прибавить постоянную «утечку мозгов» за рубеж и депопуляцию населения, достигающую миллиона человек в год, то становится ясно, что перспектива у нынешней России одна: повторение бесславного в последнее десятилетие пути СССР⁴.

Успешный производительный труд в современной России перестал быть мерилом материального благополучия и социального успеха. Это подтверждено мониторингом общественного мнения, проведенным ВЦИОМ в 1998 г. Самооценки респондентов таковы: живем хорошо, без особых материальных забот – 5 %; живем более или менее прилично – 40 %; едва сводим концы с концами – 45 %; живем за гранью бедности – 7 %; затруднились с ответом – 3 %⁵.

Причины снижения эффективности существующих структур и организационных форм деятельности людей, появления с возрастающей частотностью кризисных и застойных явлений, нарушения поступательности развития и перерыв в этом развитии, что привело к деформации деятельности людей, ослаблению их новаторства и творческого поиска, выделены и систематизированы в нижеизложенной иерархии.

Во-первых, приверженность отдельных руководящих работников к не оправдавшим себя на практике теориям и концепциям («экономического», «организационного», «структурного» или валютно-денежного детерминизма), о которых говорилось выше.

Во-вторых, известная доля вины лежит на институтах социализации и воспитания, которые оказались неспособными разбудить творческие начала и развить индивидуальность формирующихся личностей. В связи с этим требуется существенное реформирование средней и высшей школы, опирающееся на опыт и социальные эксперименты.

В-третьих, жесткая регламентация экономической деятельности огромным числом «среднестатистических» показателей и сведение на нет реально значимых показателей экономической и социальной эффективности функционирования той или иной системы. Происходит игнорирование главных (социальных) показателей экономической деятельности при отсутствии социальной статистики. Отсутствуют реальные показатели социальной, политической и экономической эффективности органов управления или иначе властных структур.

В-четвертых, важную роль играют нормативные и организационные социальные структуры, не допускающие и ограничивающие проявление способностей, новаторства, творчества и т. д. При этом следует иметь в виду квазиадаптивность конкретных экономических, социальных и других систем к требованиям или ожиданиям общества.

Общество на высших уровнях управления ставит проблемы, решение которых преследует цель достижения всеобщего блага и создания условий для наиболее полного удовлетворения материальных и духовных потребностей всех его членов. В то же время эта цель превращается в бессодержательную фразу, когда на первый план выступают эгоистические личные или ведомственные интересы, в результате социальная и экономическая жизнь общества деформируется. На первое место выходит погоня за прибылью, а решение проблемы человека остается на вербальном уровне.

К серьезным проблемам человеческой личности относится степень и эффективность ее защищенности от целого комплекса негативных воздействий, начиная от явно выраженного насилия, заканчивая тонкими технологиями скрытого (тайного) психологического принуждения.

Об удручающем положении дел, сложившемся в донельзя коррумпированных российских правоохранительных органах, которые сплошь и рядом не только не выполняют своего служебного долга по охране личности от насилия со стороны организованного криминала, но часто сами становятся частью этой преступной криминальной машины, в последнее время не говорит лишь ленивый. Возможно, следствием такого возросшего общественного внимания к неблагополучию в правоохранительной системе страны стала идея тотального реформирования этой системы. Решительность, с

которой за это сверхактуальное дело взялось руководство страны во главе с президентом РФ Д.А.Медведевым, оставляет надежду, что на сей раз есть основание ожидать положительных для всего общества результатов такого рода реформирования. Не станем топтать события и обратим основное внимание на другой аспект проблемы – психологической защиты личности. Тем более что и здесь нерешенных вопросов накопилось, пожалуй, не меньше.

Психологическая защита личности, по мнению известного аналитика этой проблемы доктора психологических наук Г.В.Грачева⁶, представляет собой сложную многоуровневую систему социальных, социально-психологических и индивидуально-личностных механизмов, образований и форм поведения, которая должна обеспечить информационно-психологическую безопасность человека в обществе как личности и активного социального субъекта, его психологическую защищенность в условиях действия многообразных информационных факторов и в различных информационно-коммуникативных ситуациях.

Из выделенных трех основных уровней организации психологической защиты: 1) социального; 2) социально-группового; 3) индивидуально-личностного нас в данном случае интересуют первый и третий.

В настоящее время власти страны все в большей мере в качестве основного уровня защиты личности выделяют микроуровень (индивидуально-личностной), что предполагает формирование специфической регулятивной системы и комплекса защитных механизмов и алгоритмов поведения личности. Другими словами, гражданину Российской Федерации власть недвусмысленно дает понять, что «спасение утопающих (в нашем случае в потоке агрессивной вредной информации и механизмов принуждения) – дело рук самих утопающих».

Бесспорно, индивидуально-личностные усилия психологической самозащиты чрезвычайно важны. Кто как ни сам человек действительно знает сильные и слабые стороны своей психологической конституции, понимает, на что необходимо обратить первоочередное внимание, а что уже достаточно надежно защищено в результате выводов и самоработы, проведенных на основе приобретенного (в том числе и негативного) опыта. Но эффективная психологическая защита на личностном уровне во многом связана с инициативным

отказом человека от использования определенной информации, источников либо каналов ее распространения (например, отказ от рекламной информации), с неукоснительным правилом ничего не брать на веру, а перепроверять (желательно по нескольким независимым друг от друга источникам) значимую информацию.

К тому же производители дезинформации и потенциальные манипуляторы сознанием не стоят на месте, внедряют все новые и новые, все более изощренные технологии манипулирования. Как отказаться от недобросовестной рекламной информации, если она искусно вплетена в ткань увлекательной телевизионной передачи? Переключиться на иной канал? Но рекламщики предусмотрели и это: их продукция по картельному стовору демонстрируется в одно и то же время на всех телеканалах страны. То же с перепроверкой информации. Где гарантии, что взятая в качестве перепроверки информация не окажется столь же некорректной, как и исходная?

Гарантии по идее должно предоставить государство, создав и обеспечив четкое функционирование на социальном уровне системы психологической защиты своих граждан и общества в целом. Система эта реализуется посредством регулирования и организации информационных потоков (система распространения информации в обществе) и распространения способов и средств, определенных алгоритмов обработки и оценки информации в процессе социального взаимодействия (от межличностного общения до массовой коммуникации). На этом уровне к качеству объектов психологической защиты личности должны выступать государство и гражданское общество посредством деятельности учрежденных и поддерживаемых ими социальных институтов: системы образования, системы распространения социокультурных ценностей, традиций, социальных норм, создания соответствующей социально-психологической атмосферы, нарушение которой должно вызвать негативную реакцию общества и принуждать нарушителя подчиняться установленным в социуме правилам, посредством системы правового и нравственного регулирования.

Что же мешает реализации этих и подобных им гуманных установок, способствующих еще большему раскрепощению личности, эффективной защите ее от разного рода посягательств?

Все те же, ставшие притчей во языцех пороки нашего болезненного нестабильного общества, пораженного коррупцией, мздоимством, групповщиной, презрительным отношением опьяненного вседозво-

ленностью «нового русского» к веками складывавшимся народным нормам и традициям. Пока системно не преодолеем, не искореним эти пороки, каждая наша победа в борьбе за личность, пусть даже значимая сама по себе, будет носить частный, неустойчивый характер.

Наличие общих социальных качеств в деятельности индивида обеспечивает преемственность в развитии человеческого общества и его культуры. Но само развитие, понимаемое как умножение и введение новых качественных элементов в культуру или отношений между ними, зависит от индивидуального творчества, является результатом проявления индивидуальных черт личности. Поэтому определяющим фактором и движущей силой развития социальных, экономических, политических и идеологических и других систем и организационных форм является индивидуальность каждого человека, включенного в функционирование этих систем и организаций. Это, однако, не означает, что индивидуальность каждого человека должна проявиться в виде социально значимых для общества результатах. Речь идет о том, чтобы устранить условия как объективного, так и субъективного характера, препятствующие проявлению индивидуальности, и создать условия, способствующие ее наиболее полному проявлению.

Если система допускает и стимулирует проявление творческими инноваций, создает условия для их быстрой практической реализации, то ее функционирование и развитие протекает без существенных внутренних противоречий, а возможность проявления и нарастания застойных и негативных явлений, обусловленных системными качествами, постепенно угасает, усиливается интеграция интересов общества и действующих личностей.

Напротив, если в тех или иных сферах и областях общественной жизни нивелируются элементы индивидуальности, угасают элементы новаторства и инновационного осмысления реальности, то в них начинают развиваться застойные явления, создаются условия для проявления антисоциальных явлений, бюрократизма и стяжательства, коррупции и казнокрадства, мещанского индивидуализма и потребительской психологии, алкоголизма и наркомании и т. д.

Одним словом, *индивидуальность – это не только величайшее благо человека, приобретаемое им в ходе многовековой эволюции, но и величайшее благо общества. И если общество не может или не умеет этим благом пользоваться, то оно обречено на деградацию.*

3. О роли индивидуальности в ускорении социально-экономического развития

Роль индивидуальности в зависимости от конкретной ситуации может проявляться двояко. Во-первых, индивидуальность выступает как важнейший фактор качественных изменений в обществе, когда создаются возможности для ее проявления. Во-вторых, ограничение проявлений индивидуальности и ее нивелировка выступают как тормоз общественного прогресса, как фактор социальной и моральной деградации личности и деформации общества. Там, где нет условий для проявления социальных качеств личности, проявляются качества антисоциальные. Эта проблема имеет еще и психологический аспект. Застойные и негативные явления обычно начинают развиваться там, где значительная часть индивидов, включенных в ту или иную организационную структуру, лишается своей индивидуальности, целиком и полностью подчиняет свои способности ограничивающим нормам, предписаниям и наставлениям (официальным и неофициальным), сознательно или бессознательно адаптируется к существующей ситуации или объективным условиям. Но это только часть проблемы. Ее другая часть более опасна и тревожна. Здесь имеются в виду ситуации и объективные условия, которые сами по себе включают элементы, порождающие диссонансы, конфликты и противоречия социальной жизни.

В моделировании ролевых взаимодействий личность (индивидуум) при концептуальном представлении рассматривается как агрегатный элемент в составе некой подсистемы: семьи, предприятия, учреждения, учебного заведения, воинского подразделения, профессионального сообщества, региона и т. п.⁷. В таком случае под окружением личности понимается совокупность частных и официальных лиц – представителей организаций, политических партий, профессиональных сообществ, а также члены семьи, родственники, друзья и знакомые. То есть все те, с кем личность-индивидуум взаимодействует в процессе своей жизнедеятельности.

Под ролью личности подразумевается выполнение индивидуумом ролевого набора функций в структуре конкретной надсистемы. Роль может быть константной и переменной, протяженной

и короткой, поэтому одним из основных определяющих элементов для личности является временной интервал, на протяжении которого и реализуется набор основных характеристических свойств, структурированных по группам и родам.

Базовый набор свойств характеризует индивидуума под рубрикой 0-го рода. В какой-то мере набор этот сродни анкете отдела кадров. В нем отражены: 1) пол; 2) возраст; 3) национальность; 4) имиджевые свойства, включающие внешность, дикцию, манеру изложения, манеру поведения; 5) профессиональные свойства, детализируемые по уровню образованности, опыту работы, способности логически мыслить, по уровню эрудиции; 6) психологическим свойствам, в которых выделяются общительность, коммунибельность, реактивность, гибкость, властность.

Дальнейшая детализация характеристики личности, описываемая как свойства 1-го и при необходимости 2-го рода, включает личный потенциал, состоящий из набора потенциалов следующих типов: ресурсный, функциональный, ролевой и ситуационный. Экономические ресурсы (личные и свободные) слагаются из более высоких свойств, чем в случае нулевого рода: официально декларируемого капитала, счета в банке, размера заработной платы, марки собственного автомобиля, качества недвижимости. Учитывается также и неофициальный капитал, соответственно – счета в зарубежных банках, выведенные из-под налогового контроля, зарубежная недвижимость и собственный транспорт. Далее в иерархии ценностей, определяющих личность, стоят оборотные средства, делящиеся на *пополнение ресурсов*: 1) источники пополнения (легальные – нелегальные); 2) ограничения на пополнение ресурсов (по количеству и времени, а также по темпам пополнения), и *расходование ресурсов*: 3) ограничения на расходование ресурсов (по количеству, по времени, по темпам расходования).

Следующие ступени в характеристике социальной значимости личности занимают: 1) политический ресурс; 2) административно-управленческий ресурс. Учитывается наличие у индивидуума вертикальных и горизонтальных политических связей, поддержки со стороны политической партии, наличие прошлого политического опыта, наличие программы избирательной компании, наличие лозунга избирательной компании, людские ресурсы (партнеры и

сторонники), техника, наличие помещения и оборудования, призванных оказать реальную помощь в реализации политического и административно-управленческого ресурса⁸.

Предположим, что некая личность соответствует всем (или решающему большинству) из вышеперечисленных уровней признаков. Означает ли это, что она станет бесспорно доминировать на рынке труда и управления трудом?

Тут многое зависит от того, какую поведенческую стратегию выберет сама личность. Социализация, без которой невозможна ныне благоприятная парадигма индивидуального развития личности, на самом деле таит в себе немало опасностей.

Так, адаптация к существующим объективным и субъективным условиям цивилизации, отказ или воздержание от реализации инноваций – это не переход от индивидуального к социальному, а процесс отхода и от социального, и от индивидуального, нивелировка и деформация и социального, и индивидуального. Этот процесс дает мощный импульс углубления застойных и негативных явлений.

Деиндивидуализация личности имеет еще один важный аспект. Его сущность состоит в том, что правильность принимаемых решений ставится вне сомнения, если они разделяются массами. При этом не учитывается то, понимают или не понимают массы характер и содержание тех или иных социальных изменений, к которым они адаптируются. Здесь происходит нарушение основного принципа социальной политики, которая может успешно осуществляться только в том случае, если она правильно выражает то, что народ сознает.

Деиндивидуализация личностей, становясь социальным фактом, означает отказ от собственных взглядов, некритическое принятие норм поведения, разделяемых большинством данной социальной группы или декретируемых «сверху».

Принадлежность к сообществу деиндивидуализированных личностей создает чувство солидарности и психологического комфорта, чувство безопасности. Чувство солидарности обычно сочетается с чувством враждебности к реальным или воображаемым врагам. И в этих обстоятельствах не может быть речи о творческих дискуссиях или рациональных аргументах.

В современных условиях роль индивидуальности возрастает. Развитие всех сфер и областей общественной жизни зависит, прежде всего, от способностей и творчества индивидов. И выход из

застойной ситуации может быть найден путем создания реальных условий для подъема творческой инициативы и повышения ответственности индивидуальностей.

Индивидуальность может проявляться различными способами. С одной стороны, в научно обоснованной политической деятельности, а с другой, – в форме эмоциональной риторики или псевдодеятельной активности. Первое – содействует, второе – мешает, тормозит сознательный процесс. Если кризисные и застойные явления – продукт данной системы, то критика сама по себе не может создать систему, которая могла бы их преодолеть. Главную роль здесь призвана сыграть наука.

Современная социально-экономическая система все неуклонно движется в сторону «экономики знания», когда наука, строгий научный анализ и прогноз, а не политический волюнтаризм и пресловутый метод проб и ошибок станут определять принятие менеджерами нового типа тех либо иных управленческих решений.

«Современные информационные технологии – это необычайно многократное умножение поля новых личных контактов, знаний, культурных достижений. Однако этот новый мир информации оказывается доступным лишь для нового человека, подготовленного к взаимодействию с подобным гиперинформационным пространством, способного ориентироваться в нем, селективировать восприятие информационных потоков, наконец, для человека, обладающего иммунитетом к негативным факторам влияния, к информационным угрозам»⁹.

Новый человек, о котором ведет речь российский социолог, по своим качествам явно шире самого высокоподготовленного профессионала. По-видимому, В.Добреньков имел в виду наличие у него высоких морально-нравственных качеств, его приверженность традиционным для русского народа нравственным императивам.

То, что, скорее всего, имел в виду В.Добреньков, четко и однозначно выразил Н.Е.Покровский. Критически оценив нынешнее состояние нравственного сознания в России, он указал на базовые нравственные принципы, которые реально могли бы стать основой модернизации общества, направленной на благо всех россиян. Эти принципы таковы:

– уважение к личности. Нет людей более или менее значимых. Мы все равны в своем качестве быть человеком созидающим;

- уважение к труду. Целенаправленное трудолюбие должно признаваться абсолютной и самодостаточной нравственной нормой;
- уважение к профессии и знаниям. Через последовательное овладение своей профессией и приобретение знаний человек способен завоевать достойное положение в обществе;
- уважение к нравственности и духовным ценностям. Экономическая и политическая целесообразность не могут нарушать границы нравственной дозволенности;
- ограничение потребностей (разумный минимализм);
- справедливость. Это и уважение к закону, и неукоснительность заслуженного наказания, и строгая соразмерность распределения благ и иных наград¹⁰.

Нравственные ценности не могут и не должны вводиться правительственным декретом или государственным законом. Однако не стоит полагать, что они могут возникнуть исключительно сами собой в ткани общества, в его опорных институтах: в семье, школе, средствах массовой информации, культуре, общественном мнении и т. д. Должно иметь место встречное движение власти и гражданского общества, в первых рядах которого самое место свободной, креативной индивидуальной личности, вполне осознающей свою ответственность перед историей, народом, свою ответственность за ускорение социально-экономического развития России.

Использовать все современные достижения науки и техники необходимо с позиций *нравственности*, исключая зло и насилие.

Современный человек – существо социальное, и он обязан иметь представление о социальной цели, понимать, какими путями осуществляется движение к ней. Общество без общей цели – это все равно что человек, лишившийся разума. Лишь понимание общей цели, считает акад. Е. Чазов, делает человека по-настоящему уверенным в себе, порождает в нем благое чувство стабильности. Такое понимание формирует социальное общение человека во всем многообразии социальных связей и взаимодействий, его выстраивает в систему общеобразовательная школа, высшая школа, опыт жизни в социальных институтах.

На смену традиционным методам управления обществом должен прийти качественно новый этап в системе управления функционированием и развитием человеческого общества. *Социальная*

ответственность как властных структур, так и социальных наук, свободной социально ответственной личности значительно возрастает и с объективной необходимостью должна быть поставлена под **контроль** общества. Задача эта обусловлена реалиями XXI века. Она поставлена, и её необходимо решить, если человечество хочет выжить и сохранить среду своего обитания.

4. Социальные системы и индивидуальные социальные качества личности

Материальные, хозяйственные, организационные, правоорганизующие элементы функционируют только тогда, когда они приводятся в действие людьми. Следовательно, функционирование любой сферы общества – экономической, политической и собственно социальной – зависит от людей, составляющих движущие элементы этих систем. Каковы люди, каковы их возможности, знания, способности, характер, такова и система.

Любая система неизбежно придет в упадок, если приводящие её в движение люди, начиная с руководителей и заканчивая исполнителями, используются не в соответствии со своими профессиональными качествами, обладают недостаточными конкретными знаниями, некомпетентны, не понимают цели и задачи своей деятельности, не справляются вследствие этого с функциями, присущими данной системе, не проявляют инициативы, социально пассивны.

Отличительной особенностью нашего времени является то, что современные технологии теперь носят не узко профессиональный, исключительно производственный характер, как это имело место в индустриальном мире, а являются важным элементом целостной социальной системы, включающей в качестве иных элементов и подсистем, практически, все виды человеческой деятельности. При этом они характеризуются высокой научной и информационной емкостью, их принципиально невозможно разрабатывать и совершенствовать без основательной научной базы, без открытий в процессе научно-информационного поиска. Эти технологии базируются на новейших достижениях фундаментальной науки и взаимодействуют с ними.

«Современный технологический мир диктует необходимость формирования массовой технологической культуры. И если раньше технологическая культура была профессионально значима для производителей <...>, то теперь сами пользователи имеют дело с технологиями, часто продуцируя новый продукт (в самом широком смысле слова)»¹¹.

Участие индивидуума в деятельности той или иной социальной организации невозможно без принятия им на себя определенной *социальной роли*, что изначально предполагает для него подчинение конкретной системе ценностей и норм, которые определяют границы и возможности социального поведения индивидуума в организации, в свою очередь встроенной в более общую и разветвленную *систему*.

Задача науки в условиях социальных трансформаций заключается в том, чтобы не только установить в количественной форме, в какой степени создаваемые человеком структуры, организационные и правовые формы учитывают его потребности и интересы, но и способствуют проявлению индивидуальности человеческой личности, практической реализации ее знаний, способностей и творческих задатков. Именно поэтому проблемы перехода российского общества из одного качественного состояния в другое (т. е. состояние высшего порядка), оптимизация функционирования его экономических и социальных систем трансформируются из идеала в реальность только на основе всемерного учета реального потенциала человеческого фактора, расширения сферы действия фактора индивидуальности. Если этого не происходит, то процесс дисфункциональных расстройств в системах приобретает необратимый характер, что сопровождается социальной и моральной деградацией действующих личностей, а застойные и негативные явления становятся социальным фактом.

Особенность социальной системы заключается в том, что она обычно апеллирует к тем социальным качествам человека, которые общи или сходны у всех членов системы, игнорируя при этом тот факт, что действующие в системе личности являются, прежде всего, индивидуальностями и что их индивидуальность является для них высшим благом, оказывающим решающее влияние на содержание, характер и направленность их социальной деятельности и социального поведения.

Социальные системы, зависящие от индивидуальных социальных качеств личностей, их создающих и в них участвующих, как бы совершенны они ни были, всегда содержат множество элементов несоответствия этих качеств требованиям системы. Причины дисфункциональных расстройств систем чаще коренятся в личностных факторах этого несоответствия, чем в чисто системных элементах. Отсюда следует вывод, что устранение этих дисфункциональных расстройств и достижение наибольшей эффективности функционирующих систем требуют научно обоснованного согласования объективных требований системы и социальных качеств действующих личностей. Иными словами, требуется преодоление явлений, вытекающих из деиндивидуализации действующих личностей. Это не исключает, а предполагает необходимость и рационализацию функционирования самих социальных систем с учетом потребностей и интересов действующих личностей. Поэтому задачи науки состоят в том, чтобы выявлять конкретные механизмы соответствия и согласования системных качеств (существующих, совершенствующихся или вновь создаваемых) и индивидуальных социальных и психологических качеств личностей, выявлять механизмы, способствующие оптимальному сочетанию объективных и субъективных, общих и индивидуальных факторов социально-экономического развития страны.

Индивид не может не подчиниться законам той социальной системы, в которую он включен. Он в той или иной степени принимает ее нормы и ценности, его личность социализируется. Индивид и его деятельность социально детерминированы. В том числе системой социальных ролей.

То общее, что характеризует понимание социальной роли, сводится к выстраиванию индивидуумами в социальных обстоятельствах и в зависимости от экспектаций линии своего поведения. Каждый такой «строитель» в должной мере знает нормы и принципы, которые определяют ролевые функции других личностей, находящихся с ним в ситуации конкретного взаимодействия. Знание это дает возможность ожидать от партнеров вполне определенного, соответствующего ситуации поведения. Вследствие этого социальные роли служат теми скрепами, что удерживают индивидуума через социальную организацию в единстве с обществом.

Каждый человек, совершая те или иные действия, преследует свои личные индивидуальные цели, наличие которых обусловлено у него личными индивидуальными потребностями. При этом чем выше у индивидуума образовательный и индивидуальный уровень, тем более автономным в отношении социальной системы он себя осознает. Приближение целей личности, характера социальных действий индивидов к требованиям социальных законов прямо пропорционально совпадению целей данного общества и личности обратно пропорционально степени различия между ними. Следовательно, чтобы способствовать этому приближению, необходимо знать не только формы проявления социальных законов в социальной деятельности людей, но и механизмы формирования социальных интересов и отношений личности.

5. Потенциал социальной активности личности в условиях кризиса как фактор гражданской зрелости общества

Потенциал социальной активности личности есть величина переменная, зависящая от множества факторов и обстоятельств социальной ситуации. Реализация потенциала проистекает тем успешней, чем более продуманно и целенаправленно государство и общество создают условия для благоприятного протекания этого процесса. С другой стороны, и личность имеет немалые возможности своей своевременной инициативой, грамотной деятельностью помочь общественным процессам развития, поддержать положительные тенденции, минимизировать или свести на нет негативные последствия кризисных явлений.

Таким образом, кризисное явление мы вправе рассматривать как некую лакмусовую бумажку, форму индикации готовности общества не просто к преодолению кризисной ситуации, но и к использованию кризиса как некоего потенциального трамплина для прыжка в будущее. За примером далеко ходить не надо: кризис конца первого десятилетия начавшегося века удачный пример для подобного рода исследования.

Начавшийся в 2007 г. в США кризис общедоступной ипотеки в условиях глобализации финансовых рынков быстро принял международный характер и вскоре затронул реальный сектор эко-

номики, превратившись в глобальный экономический кризис. Его первые волны докатились до России осенью 2008 г. В специфических условиях российской экономики кризис приобрел чрезвычайно большие масштабы и глубину.

В условиях кризиса потребность мировой экономики в энергоносителях резко снизилась, результатом чего стало обвальное снижение цен на углеводороды, особенно остро ударившее по России, доходная часть бюджета которой в основном зависит от уровня этих цен. Почти двукратное снижение цен на нефть в октябре 2008 г. привело к резкому падению доходов и необходимости пересмотра бюджета.

В эпоху «нефтяного бума» крупные российские компании охотно брали дешевые международные кредиты, необходимость и эффективность расходования которых вызывала и продолжает вызывать большие сомнения. В результате совокупный внешний долг российских компаний достиг в октябре 2008 г. 527 млрд. долларов, суммы, сопоставимой со всем объёмом ЗВР России¹². С учётом процентов российские банки и компании должны были выплатить инвесторам и кредиторам до конца 2009 г. 163,2 млрд. долларов, что составляет четверть всех внешних обязательств РФ¹³. В условиях кризиса большинство мировых кредитных рынков закрылось, что привело к невозможности перекредитования и дефициту средств на выплату процентов по долгам, которые стали черпаться из инвестиционных фондов. Результатом стало замораживание многих новых проектов и урезание финансирования текущих проектов.

К 2009 г. экономический кризис стал для российских граждан суровой реальностью. За пять месяцев этого года спад промышленного производства составил 15% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г.¹⁴. По данным Росстата, российский ВВП снизился в I квартале 2009 г. по сравнению с IV кварталом 2008 г. на 23,2 %¹⁵. По итогам первого полугодия 2009 г. Россия стала безусловным лидером среди крупных стран по относительным темпам падения экономики по сравнению с докризисным периодом¹⁶. Уровень безработицы, только по официальным данным Росстата, в мае 2009 г. достиг 8,5 %¹⁷. Фактически он может быть еще большим. Кризис прочно вошел в сознание граждан России. Согласно данным ВЦИОМ, уже в начале 2009 г. кризис обсуждали 76 % россиян¹⁸.

Естественно, что такого масштаба и глубины социальное явление не могло остаться вне исследовательского интереса российских социологов. В качестве точки отчета для отслеживания трансформаций, происходящих в массовом сознании россиян в связи с кризисом, был выбран 2009 г.

В качестве задачи исследования было выбрано выявление потенциала социальной активности и социального протеста населения России в условиях экономического кризиса. С целью выявления факторов и форм социальной активности и социального протеста было проведено всероссийское исследование населения старше 18 лет (N=2110). Для выявления динамики полученные данные сравнивались с данными докризисного периода (2007 г.).

Исследование проводилось по следующим категориям:

1. Готовность активно защищать свои права.
2. Адресат обращения для защиты прав.
3. Форма защиты интересов.
4. Отношения между различными социальными группами:
 - а) богатыми и бедными
 - б) различными национальностями
 - в) различными вероисповеданиями
 - г) местной властью и народом
 - д) местной властью и предпринимателями
 - е) предпринимателями и населением в целом
 - ж) коренными жителями и приезжими
 - з) носителями различных политических взглядов
5. Вероятность массовых протестных выступлений и отношение к ним.
6. Отнесение вины за повседневные трудности.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Готовы ли вы активно защищать свои права?» (%). В скобках данные за 2007 г.

Готов	59,2 (66,7)
Не готов	16,9 (11,5)
Затрудняюсь ответить	23,6 (21,9)

Проведенный опрос показал (см. табл. 1), что большая часть россиян (59,2 %) в принципе была готова активно защищать свои права. Отрицательно на этот вопрос ответило явное меньшинство (16,9 %). Даже учитывая то, что прожективная готовность респондентов к защите своих прав всегда оказывается завышенной по сравнению с реальной готовностью что-то сделать, следует, тем не менее, признать наличие в данный момент достаточно высокого уровня социальной протестной активности населения.

Парадоксальное на первый взгляд снижение более чем на 7 % количества готовых отстаивать свои права граждан объясняется особенностями российской социальной системы, в которой слабая защищенность прав личности сочетается с привычным административным произволом. Произвол этот, оставаясь по большей части безнаказанным и даже нерасследованным, формирует в обществе определенную атмосферу, побуждающую часть граждан к занятию прагматической позиции, в соответствии с которой лучше «не высовываться» и смириться с утратой части прав, чтобы не потерять все.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос: «К кому вы готовы обратиться для защиты своих интересов?» (%).
В скобках данные за 2007 год**

В суд	44,8 (41,7)
В милицию	30,1 (23,5)
В органы власти	28,6 (22,5)
В СМИ	24,7 (22,2)
В профсоюз	8,2 (5,8)
В общественные правозащитные организации	21,8 (17,6)
В международные организации	8,9 (6,6)
К друзьям, родственникам, землякам	45,2 (42,0)
К криминальным структурам	3,3 (5,0)
К частным охранным структурам	5,2 (5,0)
Ни к кому	11,2 (12,9)
Затрудняюсь ответить	9,0 (12,9)

В данной категории прежде всего обращает на себя внимание то, что почти половина опрошенных (45,2 %) была намерена обратиться для защиты своих прав не в органы власти, суд, общественные организации или СМИ, а к родственникам и землякам. Это свидетельствует о разочаровании значительной части россиян в готовности формальных социальных структур что-то сделать для них. Вместе с тем существенная часть респондентов (44,8 %) выражает доверие суду, что может являться косвенным указанием на рост правовой культуры российских граждан. Характерно низким является уровень доверия к профсоюзам (главным образом официальным в силу малочисленности и слабой распространенности альтернативных), учитывая их пассивную или откровенно соглашательскую позицию в трудовых спорах (8,2 %).

Показательным также является снижение доли рассчитывающих только на собственные силы и затруднившихся с ответом.

Мы не станем анализировать остальные результаты, полученные в ходе опросного исследования. Они интересны, но предсказуемы. Подчеркнем общую тенденцию, которая не может ни насторожить. Социальная активность личности воспринимается большинством наших граждан и учитывается социологами-исследователями исключительно как **феномен социального протеста**. А ведь протестом, выставлением комплекса требований отнюдь не исчерпывается позиция истинного гражданина-патриота.

Данные социологического опросного исследования свидетельствуют, что продолжающаяся практика чрезмерного патернализма власти, в каждый очередной выборный период обретающая откровенно популистский характер, продлевает у значительной части населения России иждивенческие настроения, препятствует выработке у объективно работоспособной части россиян столь естественной в условиях рыночных отношений активности.

Особенно наглядно это проявляется в периодах глобальных кризисов. Вместо активного поиска новых возможностей приложения своих сил, вместо готовности заняться малым бизнесом в профессионально освоенном сегменте трудовой деятельности и взять на себя не только более высокие, по сравнению с работниками по найму, доходы, но и предпринимательские риски, значительная часть россиян трудоспособного возраста продолжает уповать на помощь государства, зачастую довольствуясь минимальной, на уровне физиологического выживания, помощью.

Парадоксально, но именно Российское государство в период т. н. кризиса ипотечных неплатежей выступило инициатором массового перехода потерявших работу по найму тружеников в разряд малых предпринимателей, выделило для этой цели значительные средства на безвозвратные ссуды и льготные кредиты. Неумение, а зачастую нежелание приспособиться к изменившимся экономическим обстоятельствам или, еще лучше, приспособить новые реальности под себя, стало главной причиной того, что кризис в России больше по сравнению с другими индустриальными странами ударил по населению, существенным образом изменил в сторону маргинализации социальную структуру страны. Пойдет ли нам впрок этот суровый урок кризиса?

Примечания

- ¹ Юдин Б.Г. Человеческий потенциал России: состояние и перспективы // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М., 2007. С. 6.
- ² Различные аспекты понятия «человеческий потенциал» отражены в работах: Основы изучения человеческого развития. М., 1998; Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т.Фролова. М., 1999; Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерение / Под ред. Б.Г.Юдина. М., 2002.
- ³ Миронов В.В. Глобальное коммуникативное пространство, культура и информационная безопасность: размышления // Человек и современный мир. М., 2002. С. 49.
- ⁴ Минюшев Ф.И. Феномен существования: экзистенциальные основы изменений в России. Константы человеческого существования // Человек и современный мир. М., 2002. С. 163.
- ⁵ Мониторинг общественного мнения. 1998. № 1. С. 14.
- ⁶ Грачёв Г.В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. Волгоград, 2004.
- ⁷ Шатров В.Ф., Шульга Д.Д. Методы моделирования конфликтных взаимодействий. М., 2002. С. 42–50.
- ⁸ Необходимо учесть, что данный концепт является субъективной моделью конкретного исследователя, следовательно, у другого ученого он может существенно разниться как по базовым элементам, так и по методологии и конкретному набору элементов их детализации.
- ⁹ Добренков В.И. Социально-гуманитарные проблемы становления глобального общества // Человек и современный мир. М., 2002. С. 16–17.
- ¹⁰ Покровский Н.Е. Российское общество на путях глобализации // Человек и современный мир. М., 2002. С. 27–46.

- 11 *Степанова Г.Б.* Человек в мире технологий: о влияниях и последствиях // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М., 2007. С. 91.
- 12 Куда девать деньги? // Аргументы недели. № 41(127). 2008.19.10.
- 13 Год расплаты // РБК Daily. 2008.13.10.
- 14 <http://www.lenta.ru/news/2009/06/16/fall/>.
- 15 <http://top.rbc.ru/finances/15/05/2009/304058.shtml>.
- 16 Экономика России подыграла Байдену // Независ. газ. 2009.28.07.
- 17 <http://www.abird.ru/articles/unemployment>.
- 18 <http://www.beenergy.ru/life/43792-pochti-pоловина-rossijan-razgljadela-krizis-v.html>.

В.Г. Буров

Современный Китай: государство, развитие демократии и формирование гражданского общества

В связи с обсуждаемой в последние годы в российском обществе проблемой модернизации весьма актуальной является тема роли государства в этом процессе, возможностей и пределов вовлечения в него государственного и частного бизнеса, демократизации общественной жизни и расширения рамок политического участия в нем граждан. Другими словами, речь идет о создании необходимых условий для осуществления модернизации страны, которая призвана вывести ее из кризиса и спасти от развала. В более широком плане можно говорить как о дееспособности политического руководства российского государства, так и его граждан. В связи с этим как никогда актуально обращение к современной мировой истории, изучение опыта тех стран, которые оказывались в аналогичной или почти аналогичной ситуации, как Россия.

Политическая и интеллектуальная элита постсоветской России в своем большинстве ориентирована на западные образцы как в экономической, так и в политической области; для нее идеи, развиваемые учеными и политиками Западной Европы и США, являются непререкаемыми аксиомами, которые следует принимать как руководство к действию. Не отрицая необходимости изучения этих идей для выявления содержащихся в них рациональных элементов, следует вместе с тем заметить, что мировая политическая система включает в себя не только западные капиталистические страны, в нее входят демонстрирующие свою жизнеспособность государства, расположенные на других континентах, взять хотя бы Бразилию, Индию и, наконец, Китай.

Для высшего эшелона власти опыт китайской модернизации неприемлем в принципе, поскольку само название «Китай» вызывает мысли о руководящей силе этой страны – Коммунистической партии, ее идеологии – марксизме, которые в нашей стране в политической пропаганде, средствах массовой информации если и не предаются анафеме, то уж во всяком случае не сопровождаются одобрением. (Мы оставляем сейчас в стороне вопрос о том, насколько существующие ныне в Китае представления о социализме и марксизме соответствуют взглядам классиков.) Стратегическое партнерство, существующее в официальных документах между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, не распространяется на область общественного сознания и уж тем более идеологии, фактически замалчиваются идейно-политические реалии современного китайского общества. Существующий ныне высокий уровень политических и экономических отношений между двумя государствами, на наш взгляд, не является результатом продуманной стратегии внешней политики со стороны России, сближение с Китаем произошло под влиянием неблагоприятных геополитических обстоятельств, связанных с неоправдавшимися надеждами на вхождение в клуб «западных демократий». Успешные результаты модернизации Китая служат укором российской политической и интеллектуальной элите, ибо в отличие от нее китайское руководство и поддерживающая его интеллигенция не отбросили свое историческое прошлое, хотя в первые тридцать лет существования коммунистической власти в нем было много печальных и даже трагических моментов. Подвергнув это прошлое беспощадному анализу, они смогли извлечь из него необходимые уроки и, не отказавшись от выдвинутой в начале пути цели – построения социалистического общества, продолжили движение вперед. Фигура умолчания в официальных кругах относительно китайского опыта иногда сопровождается в «демократических» средствах массовой информации критикой недемократических порядков, якобы существующих в Китае. В действительности российская общественность плохо осведомлена о том, что происходит в соседней стране¹.

Между тем в контексте ведущейся в настоящее время дискуссии о модернизации российского общества опыт модернизационного процесса в Китае весьма поучителен и уж во всяком случае

имеет для России большее значение, чем опыт западных стран. Необходимо принимать во внимание, что между Россией и Китаем существует много общего в истории, политических традициях, этноконфессиональном многообразии, сепаратистских тенденциях и т. д. Нелишне заметить, что наличие в России фактически управляемой однопартийной политической системы внешне напоминает китайский режим, хотя последний выгодно отличается от ситуации, существующей в России, о чем мы скажем ниже. Стремление преодолеть наследие «тоталитарного режима» привело в 90-е гг. прошлого столетия к ослаблению роли государства, что повлекло за собой серьезные кризисные явления в различных сферах общественной жизни. Только этим можно объяснить появление тенденций к авторитаризму в начале нынешнего столетия.

В конце 70-х гг. прошлого столетия китайское общество переживало не меньший, если не больший, чем советское, системный кризис, однако руководство страны, возглавляемое дальновидным Дэн Сяопином, избрало другой сценарий развития страны. Оно не пошло по пути «сплошной» демократизации, а напротив, взяло на вооружение авторитарные методы управления, отлично понимая, что в условиях Китая малейшее ослабление центральной власти может привести к дезинтеграции государства. Была в полной мере восстановлена роль Коммунистической партии и государственных органов власти, на первый план была выдвинута проблема политической стабильности, обеспечению которой были подчинены все решения партийных и государственных органов. Следует подчеркнуть, что эта проблема находится в центре их внимания вот уже на протяжении последних тридцати с лишним лет. Нельзя сказать, что российское руководство не озабочено проблемой политической стабильности, об этом свидетельствует хотя бы создание в начале правления Путина федеральных округов и серьезная работа по приведению местных законов (областей, краев и республик) в соответствие с законодательством Российской Федерации. Однако подобные лежащие на поверхности необходимые мероприятия *не были подкреплены программой возрождения экономики страны, в частности, не была проведена национализация сырьевых ресурсов и стратегических отраслей промышленности, которые в 90-е гг. подверглись приватизации.* Одновременно не была осуществлена реформа политической системы в сторону приближения ее к реа-

лиям России. Эталоном демократии на Западе, а теперь и в нашей стране считается всеобщее избирательное право, прямые и тайные выборы. Подобная избирательная система действительно в состоянии обеспечить свободное волеизъявление народа. Но, на наш взгляд, только при наличии определенных условий – солидных традиций политической социализации и политического участия населения; отражающих подлинные интересы широких слоев общества политических партий; обладающих социальной ответственностью политических лидеров; свободой доступа к средствам массовой информации различных сегментов электората и т. д. В противном случае избирательная кампания превращается в средство манипулирования общественным сознанием, зомбирования избирателей, в результате чего органы представительной власти превращаются в собрание либо карьеристов, пекущихся о собственных интересах, нежели чем об интересах избирателей, либо непрофессионалов, умеющих говорить и давать обещания, но не умеющих и не желающих их выполнять; либо конформистов, подстраивающихся под указания власть предержащих. Именно подобное явление наблюдается сегодня в России. Разочарование в представительных органах власти приводит к тому, что в большинстве российских регионов из года в год происходит снижение процента участия электората в выборах – с 75–80 % в 90-е гг. прошлого столетия до 30–40 % в 2010 г. Характерная черта современной российской действительности – политическая пассивность, апатия населения, безразличие к вопросам общегосударственной жизни, уход в свои собственные проблемы.

В связи с этим нельзя не вспомнить статью Александра Солженицына «Как нам обустроить Россию», опубликованную в конце 80-х гг. прошлого столетия, где он предлагал начать с возрождения роли земств, т. е. местных органов власти. По его мнению, земства, члены которых будут связаны с местным населением и хорошо осведомлены о его подлинных чаяниях и заботах, смогут стать низовыми органами преобразования российского общества, ибо они будут решать конкретные насущные вопросы, от которых зависит жизнь их избирателей. К сожалению, советы А. Солженицына не были приняты во внимание.

Опирающаяся на авторитарный режим политическая стабильность позволила и позволяет до сих пор китайскому руководству успешно осуществлять модернизацию общества, прежде всего его

экономики. Результатом политики реформ и открытости явилось превращение Китая в мировую сверхдержаву. Однако было бы неправильно сводить авторитарный режим, существующий в Китае, к такой командно-административной системе, где все решения принимаются наверху в Пекине, а затем спускаются вниз, на места для исполнения. Уже в самом начале осуществления политики реформ и открытости целый ряд принципиальных решений высшего китайского руководства был принят на основе аккумуляции мнений местных органов властей и простых граждан. Здесь прежде всего следует упомянуть о переходе к семейному подряду в деревне. После проведенного в 1950-е гг. кооперирования в сельском хозяйстве вместо единоличных крестьянских хозяйств появились кооперативы, однако они просуществовали сравнительно недолго, под влиянием левацкого курса Мао Цзэдуна и по его прямому указанию кооперативы в конце 1950-х гг. были преобразованы в т. н. народные коммуну, где принцип добровольности и оплаты по труду был заменен принудительной трудовой повинностью и тотальным обобществлением крестьянских средств производства. С различными модификациями подобные псевдокоммунистические организации просуществовали вплоть до конца т. н. «культурной революции». Вскоре после ее окончания в ряде провинций крестьяне с одобрения местных властей стали стихийно возвращать в свое пользование принадлежавшие им ранее участки земли. Естественно, что это сразу же дало большой экономический эффект. Изучив данный опыт, китайское руководство в конце 1970-х гг. пошло на распространение данного опыта на всю страну, что было закреплено в решениях исторического, как теперь принято говорить, 3 Пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва (декабрь 1978 г.). Отсюда следует вывод, что не следует упрощенно воспринимать китайский авторитарный режим, интерпретируя его как слепое подчинение низов верхам.

Подобная практика принятия решений продолжает существовать в Китае вплоть до настоящего времени. Достаточно, например, привести такой факт. Помимо коммунистической партии в Китае существует восемь демократических партий, возникших еще до 1949 г., они объединяют в своих рядах не так много человек – всего лишь несколько сот тысяч человек (для сравнения – КПК насчитывает более 70 млн. человек). Тем не менее они играют

в политической системе китайского общества значительную роль, поскольку их членами являются представители гуманитарной и научно-технической интеллигенции, торгово-промышленных кругов, лица свободных профессий. Социальный статус членов демократических партий определяет заинтересованность китайского руководства в поддержании постоянных контактов с этими партиями. Их представители входят в органы представительной власти в Пекине и в провинциях, им предоставляют руководящие посты в министерствах, провинциальных и городских органах власти, научных учреждениях и высших учебных заведениях. Например, они могут быть заместителями министров, вице-губернаторами, вице-мэрами, проректорами вузов, деканами факультетов. (Для сравнения – не член «Единой России» не может быть деканом факультета МГУ, в то время как деканом философского факультета Пекинского университета в течение нескольких лет был не член КПК.) Кроме того, в Китае есть такой политический орган, которого нет в других странах мира, – народный политический консультативный совет Китая (НПКСК). В него входят представители КПК, демократических партий, профсоюзов, женских, молодежных организаций и т. д. Конечно, большинство членов НПКСК состоят в Коммунистической партии, однако на основании этого не следует преуменьшать его значение. Во время его заседаний, а он собирается два раза в год, весной и осенью, одновременно с заседаниями китайского парламента – Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) (комитеты НПКСК собираются чаще), происходит обсуждение вопросов, имеющих принципиальное значение для развития страны, – определение стратегии ее дальнейшего развития, ее внешнеполитическая доктрина. Следует заметить, что с каждым годом участие членов демократических партий в обсуждении этих вопросов становится все более широким и заинтересованным.

Конечно, наличие авторитарного режима ограничивает возможности для участия широких масс населения в политической жизни страны и в более широком плане для демократизации политической системы. В последние годы в Китае на различном уровне широко обсуждается вопрос о ее реформе, многие аналитики высказывают мнение, что от реформирования политической системы зависят дальнейшие успехи в экономической области.

Вот почему в кругах китайской интеллектуальной и политической элиты большой резонанс вызвали публикации профессора Юй Кэпина, заместителя директора Бюро переводов при ЦК КПК². Они объединены в две книги «Демократия – это хорошо» (опубликована в 2006 г.)³ и «Пусть демократия осчастливит Китай» (опубликована в 2009 г.). В своих публикациях Юй Кэпин затрагивает широкий круг вопросов: судьбы социализма, особенности современного капитализма, тенденции развития марксизма, глобализация, политология и жизнь и т. д. Однако в центре его внимания проблемы, связанные с демократизацией китайского общества. В вынесенных на обложку книги словах автор следующим образом формулирует свои программные установки: «Когда мы говорим, что демократия – хорошая вещь, мы имеем в виду не отдельного человека и не отдельных чиновников, а государство в целом и всю нацию, что же касается тех чиновников, которые пекутся лишь о своих интересах, то для них демократия не только не хорошая вещь, а, напротив, хлопотливая вещь, более того, плохая вещь, поэтому демократическая политика не может появиться сама по себе, требуется, чтобы она стимулировалась и осуществлялась усилиями самого народа и представляющих его интересы чиновников». И далее он делает важное уточнение: «Когда мы говорим, что демократия – это хорошая вещь, это не означает, что хороша любая демократия. Демократия отнюдь не без изъянов, в ней есть много внутренних недостатков..., однако из всех изобретенных и осуществляемых человечеством вплоть до настоящего времени политических систем, у демократии меньше всего пороков, т. е., говоря другими словами, демократия – это самая лучшая политическая система человечества вплоть до настоящего времени или же, как говорил один знаменитый политолог, демократия – это сравнительно неплохая политическая система».

На обложку второй книги вынесены слова относительно трех направлений движения вперед китайской политической системы в обозримом будущем. Во-первых, необходимо путем развития внутрипартийной демократии приводить в движение демократию в обществе. Поскольку Коммунистическая партия Китая является единственной правящей партией в стране, расширение демократии внутри нее будет стимулировать продвижение страны по пути демократии; во-вторых, необходимо постепенно идти от демо-

кратии внизу к демократии вверх, некоторые крупные реформы необходимо вначале проверить в низовых единицах, а затем уже двигать их вверх; наконец, в-третьих, необходимо от небольшой конкуренции идти к большой. Постепенное повышение у народа уровня свободы политического выбора приведет к тому, что появится больше возможностей для конкурентного выбора.

В обоснование своего утверждения о том, что «демократия – это хорошая вещь» Юй Кэпин выдвигает следующие пять положений.

Прежде всего, пишет он, это не означает, что в демократии все хорошо, ее нельзя считать «верхом совершенства», в ней есть много внутренних недостатков – она в состоянии вывести людей на улицы, устроить собрания, что может обернуться политической нестабильностью; поскольку она придает большое значение ходу политического процесса, то при существовании недемократических условий некоторые простые вещи могут превратиться в сложные и весьма хлопотливые, что намного увеличивает ответственность за принятие политических и административных решений; зачастую демократия требует многочисленных согласований и обсуждений, в результате чего затрудняется принятие своевременных решений, что естественно уменьшает эффективность деятельности государственного аппарата; демократия предоставляет также возможность для любящих поразглагольствовать политических аферистов, которые вводят народ в заблуждение.

Говоря далее о демократии, Юй Кэпин пишет, что, хотя демократия – хорошая вещь, это не значит, что при ней можно делать все что заблагорассудится или что она может решить все вопросы. Демократия всего лишь один из многих существующих типов политической системы, особенность ее в том, что она гарантирует суверенитет народа, она лишь стандартизирует политическую жизнь общества, но не может заменить собой другие части жизни общества, стандартизировать их. Демократия имеет определенные пределы своего функционирования, это не чудодейственное средство, исцеляющее от всех болезней. «Более того, очень часто она не может даже решить самые минимальные вопросы, связанные с одеждой, едой, жильем». Однако ценность демократии, пишет Юй Кэпин, состоит в том, что «она обеспечивает основные права человека, предоставляет людям возможность обрести равноправие и сама по себе является основной ценностью человечества, демокра-

тия не только средство решения жизненных проблем людей, она является целью развития человечества»⁴. Демократия соответствует изначальной природе человека, пишет он, и даже если у людей будут прекрасные жизненные условия, в случае отсутствия власти демократии личность человека не будет совершенной.

Когда мы говорим, что демократия – это хорошая вещь, это не значит, что за ее осуществление не приходится платить болезненную цену, замечает Юй Кэпин. По его словам, в реальной жизни уже возникали и еще могут возникнуть такие негативные явления, когда под влиянием демократии нарушается управление на основе законов, общественно-политическая ситуация выходит из-под контроля, в определенные периоды времени происходит замедление роста экономики, ставится под угрозу мир в государстве, а внутри страны возникает политический раскол и более того возводят на политическую сцену самовластного диктатора. Поэтому иногда приходится платить за демократию очень высокую цену, которую трудно принять. Однако констатация подобных фактов, по мнению Юй Кэпина, не дает оснований для отказа от демократии, поскольку, как он пишет, появление их не связано с самой демократией, они обусловлены ошибками политиков или политиканов, «некоторые политики не разбираются в объективных законах демократической политики, не принимают во внимание общественно-исторические условия, перескакивают через этапы общественно-исторического развития, «внедряют демократию», хотя это и не соответствует действительности, и в результате мы имеем обратный результат. Некоторые политиканы относятся к демократии лишь как к средству захвата власти, используя лозунг “демократии”, они стремятся завоевать авторитет, обмануть народ. У них демократия всего лишь лозунг, а диктатура – сущность, демократия всего лишь вывеска, а власть – сущность»⁵.

Продолжая разговор о том, что демократия – хорошая вещь, Юй Кэпин указывает на то, что осуществление демократии зависит от определенных экономических, культурных и политических условий, если внедрять демократию, не учитывая этих условий, это может нанести государству и народу катастрофический ущерб. Китайский политолог пишет, что стремление к политической демократии – это историческая тенденция, неизбежная цель всех государств мира, но он справедливо подчеркивает, что «время и ско-

рость осуществления демократии, выбор ее методов и системы» определяются целым комплексом условий. «Идеальная демократическая политика зависит не только от экономической системы и уровня экономического развития общества, геополитической и международной обстановки, но, что не менее важно, от традиций политической культуры государства, качеств политических деятелей и нации, жизненных привычек граждан. И далее Юй Кэпин делает принципиальные выводы, с которыми нельзя не согласиться, – «для того, чтобы, заплатив самую минимальную цену, добиться самого максимального эффекта, необходима мудрость политиков и народных масс. В этом смысле демократическая политика ни что иное, как политическое искусство. Чтобы осуществлять демократическую политику, необходимо тщательное системное планирование и превосходное политическое мастерство»⁶.

Действительно, демократия – хорошая вещь, подытоживает Юй Кэпин. Ее подлинный смысл – господство народа, его выбор. Любой человек и любая политическая организация не имеют права использовать демократию для того, чтобы претендовать на что-либо, прикрываясь ею, заставляя народ что-то делать, а что-то нет. По его словам, демократия требует просвещения людей, управления на основе законов, авторитета, а также насилия для поддержания общественного порядка. Юй Кэпин подчеркивает, что «осуществление базовых методов демократии не должно основываться на принуждении со стороны государства, оно должно получить одобрение народа. Раз демократия это господство народа, то необходимо уважать свободный выбор самого народа. С точки зрения внутренней политики государства в случае если правительство, чтобы заставить народ принять систему, которую он сам не выбирал, прибегает в основном к методам принуждения, то в таком случае внутри страны возникает политический абсолютизм, тирания; если же государство использует в основном методы принуждения для того, чтобы народы других государств приняли так наз. демократическую систему, то это будет международный политический абсолютизм, международная тирания...»⁷.

Юй Кэпин ставит осуществление в Китае модернизации в прямую зависимость от развития в стране демократии. «Классики марксизма говорили о том, что без демократии нет социализма. Недавно председатель Ху Цзинтао, более того, подчеркнул, что без

демократии нет модернизации, т. е. без демократии не может быть ни социализма, ни демократии, и тем более не может быть социалистической модернизации»⁸.

Идея о том, что демократия – это хорошая вещь, подчеркивает Юй Кэпин, относится не к каким-то отдельным людям, а ко всей китайской нации. Откровенно говоря, пишет он, «для тех чиновников, для которых главным являются собственные интересы, демократия не только не является хорошей вещью, она весьма хлопотлива, более того, плохая вещь. Дело в том, что в условиях демократической политики чиновники должны будут избираться гражданами через выборы и одновременно должны будут получать поддержку большого количества людей; их власть будет гражданами ограничиваться, они не смогут поступать так, как им заблагорассудится», они должны будут быть равными с простыми людьми. Конечно, многим чиновникам это не понравится, естественно, что они будут говорить либо о недостатках и опасности демократии либо о том, что демократия не соответствует национальным особенностям Китая, либо что для ее осуществления не созрели условия. И здесь Юй Кэпин делает весьма примечательное заключение – демократия не может появиться стихийно, *ее должны продвигать и осуществлять сам народ* и правительственные чиновники, представляющие интересы народа. То есть демократия должна вводиться сверху, с чем нельзя не согласиться, учитывая менталитет китайцев, их политическую культуру и, что самое главное, особенности политического режима, существующего в самом Китае. Но одновременное указание на то, что демократия должна вводиться самим народом, в условиях Китая звучало весьма смело, ибо, независимо от желания его автора, провоцировало несанкционированные властями выступления масс в случае ущемления их прав.

Китайский политолог подчеркивает важность неразрывной связи демократии с «правлением на основе законов», права («фачжан»). Данное понятие весьма популярно в настоящее время в Китае, оно характеризует систему, призванную заменить существовавшую в течение многих лет практику субъективного произвола и правового нигилизма. Поскольку демократия означает, что суверенитет принадлежит народу, другими словами, что именно он является хозяином государства, то естественно, что конституция

и законы являются гарантией демократических прав народа, указывает Юй Кэпин. По его мнению, при отсутствии «правления на основе законов» создается возможность для узурпации этих прав и тогда возникает ситуация, когда политическое участие граждан может вылиться в нарушение стабильности в обществе и ситуация в государстве выйдет из-под контроля. Здесь явно содержится намек на то, что беззакония, чинимые чиновниками, и соответственно бесправие граждан может привести к социальным конфликтам. «Правление на основе законов» включает в себя правовую систему, пишет далее Юй Кэпин, но не равнозначно ей, не сводится к ней, сущность «правления на основе законов» заключается в том, что конституция и законы становятся высшим авторитетом общественной жизни, что любой человек и любая организация должны действовать в их рамках, перед законами все равны, «правление на основе законов», подчеркивает автор, неразрывно связано с демократией, именно в ней заключена его истинная сущность. Поэтому он делает такой вывод – утверждать, что раз есть демократия, то не нужно «правление на основе законов», или что при наличии такого правления не нужна демократия, это значит запугивать людей несуществующими страхами.

Юй Кэпин одновременно считает, что демократия и централизация не противоречат друг другу, демократический централизм представляет собой основной принцип политической системы государства. Демократия и централизм – это два взаимосвязанных звена политического процесса, пишет он. Будучи системой государственной власти демократия выступает как государство народа, однако, как справедливо отмечается далее, любая такая система требует авторитета, централизации, порядка, подчинения, не является в этом отношении исключением и демократическая система. Она также требует авторитета и централизации. Вывод автора следующий – крайне ошибочно противопоставлять демократию и централизацию.

В прямую зависимость от развития демократии Юй Кэпин ставит и повышение жизненного уровня населения Китая, его благосостояния. В повседневной жизни для отдельного гражданина, пишет он, необходимо важны как экономические, так и политические интересы. Что же касается всего государства, то для него важно как повышение благосостояния народа, так и развитие государства, ибо

только это в состоянии превратить Китай в богатое демократическое, цивилизованное, гармоничное, современное сильное государство, поэтому ошибочной является политика ограничения демократии под предлогом заботы о повышении жизненного уровня населения.

Юй Кэпин останавливается также на такой важной проблеме, как всеобщность и специфичность демократии. Ссылаясь на всеобщий закон, согласно которому любое явление представляет собой единство всеобщего и специфического, он пишет о том, что подобными свойствами обладает и демократия. Демократия осуществляется в определенном экономическом, политическом культурном контексте (сюда можно добавить идейно-психологический), которые в различных государствах неодинаковы, обладает своей спецификой. К всеобщим универсальным чертам демократии китайский политолог относит выборы, разделение властей, контроль, участие, консультации, правление на основе законов. Однако все они имеют множество форм, если взять например, такую черту демократии, как выборы, то существуют такие их формы, как прямые и косвенные, пропорциональные и мажоритарные системы, открытые и тайные и т. д. В этом проявляется их специфика. Всеобщее и специфическое образуют в демократии единство. Их нельзя отрывать друг от друга, к примеру, крайне ошибочно считать, что в мире существует только одна модель демократии, что патент на нее принадлежит государствам Запада.

По мнению Юй Кэпина, большую роль в политическом процессе играет «совещательная демократия» (демократия консультаций). Свое господство над органами государственной власти народ осуществляет в ходе выборов, поскольку именно тогда он избирает чиновников, которые могут действительно отражать интересы народа и чувствовать свою ответственность перед ним. Однако после выборов необходимо обязательно ограничивать власть избранных чиновников, заставляя их «прислушиваться к мнению народных масс, заинтересованных лиц и специалистов».

Наконец, Юй Кэпин говорит о необходимости всемерно развивать демократию внутри партии. По его мнению, внутрипартийная демократия есть продвижение ее «из центра власти на периферию», без нее невозможно осуществление демократии во всем обществе, демократии для народа, которая является принципиальной целью осуществления демократической политики⁹.

Китайский политолог считает, что адекватному пониманию сущности демократии препятствуют существующие стереотипы и предубеждения. Первый из существующих мифов состоит в том, что многие в Китае отождествляют демократию исключительно с западными, американскими образцами демократии, имея в виду разделение властей и многопартийность, и на этом основании подвергают ее критике. По мнению тех, кто придерживается подобной точки зрения, именно введение демократии в Пакистане и Таиланде привело к конфликтам в этих странах. Напротив, отсутствие западной демократии в Китае привело к быстрому развитию страны. Тем самым, пишет китайский политолог, отрицается тот факт, что Китай в настоящее время уже идет по пути демократизации. Второй миф заключается в убеждении, что демократия всесильна, что она может решить все вопросы. На самом деле она полна недостатков, имеет много дефектов и потому не является чудодейственным средством. Третий миф касается противопоставления демократии и правления на основе законов. Между тем это две стороны одного и того же. Четвертый миф заключается в противопоставлении демократии и централизма.

Взгляды Юй Кэпина не разделяются многими его коллегами. Отвечая на критические замечания, Юй Кэпин подчеркивает, что его размышления о демократии продиктованы озабоченностью за судьбы китайской нации, стремлением сделать ее жизнь счастливой, что он принимает во внимание четыре момента – марксистские идеи о демократии, перспективные цели компартии Китая, реальные потребности народных масс и тенденции мировой истории. По его мнению, обращение в настоящее время китайских политиков к проблемам, связанным с демократией, обусловлено постепенным *превращением* в процессе политики реформ и открытости Коммунистической партии *из революционной партии в правящую партию*, если раньше стояла задача взять политическую власть, то теперь на смену ей пришла новая – упрочить ее. Нельзя не согласиться с китайским политологом в том, что новый этап развития китайского общества оказал серьезное воздействие на компартию – ее социальную базу, организационную структуру, методы руководства, политический курс, стратегию, стиль работы и идеологию. Последняя всегда играла большую роль в китайском государстве на всем протяжении его истории, достаточно вспом-

нить судьбу конфуцианства в императорском Китае, дискуссии на идеологические сюжеты во времена Китайской республики, наконец, споры об интерпретации марксизма в коммунистическом Китае. Неудивительно поэтому, что и в настоящее время идеология является полем, на котором отрабатываются варианты политической реформы; по словам Юй Кэпина, «факты тридцати лет реформ в Китае полностью подтверждают, что изменение идейных представлений самым тесным образом связано с общественно-политическим прогрессом»¹⁰.

И действительно, за последние тридцать с лишним лет происходит формирование теоретической системы под названием «социализм с китайской спецификой», который во многих своих моментах – политических, экономических, идеологических – отличается от классической версии марксизма. Причем оформление данной концепции происходит непрерывно, это процесс, который идет постоянно. К настоящему времени теоретическая система социализма с китайской спецификой включает три элемента – теорию Дэн Сяопина, важную идею тройного представительства» и концепцию научного развития. Теория Дэн Сяопина определяет стратегию развития страны на ближайшие десятилетия и, возможно, столетия. Суть ее сводится к следующему. Китаю предстоит длительный исторический период модернизации, содержанием которого будет являться «рыночный социализм», т. е. использование форм и методов хозяйствования, характерных для капиталистического уклада, сосуществование различных форм собственности (общественной, кооперативной и частной и т. п.), при этом регулирующая роль остается за государством; являющаяся идеологическим ответом на изменения в социальной структуре китайского общества важная идея «тройного представительства» включает в себя три положения – КПК представляет передовые производительные силы, прогрессивную китайскую культуру и коренные интересы широких слоев китайского народа. Последнее положение фактически расширяет социальные рамки Коммунистической партии, позволяя включать в ее состав не только рабочих, а также крестьян и интеллигентов, но и представителей тех социальных слоев, которые возникли в результате осуществления «политики реформ и открытости» и которые играют все большую роль в экономической жизни китайского общества. Речь идет, прежде всего,

о частных предпринимателях, число которых в последние годы непрерывно растет, а их совокупное богатство постоянно увеличивается. Разрешая представителям этих слоев вступать в Компартию, ее руководство по-видимому надеется удержать их под своим идейно-политическим контролем. Однако это достаточно проблематичный вопрос. Наконец, концепция научного развития означает комплексный подход к развитию общества, когда одинаковое внимание уделяется всем его сторонам, а не только экономической. Имевшийся прежде упор на экономику привел к серьезным перекосам в социально-экономической политике, что существенно отразилось на положении различных социальных слоев, прежде всего крестьянства.

Осуществлявшиеся в течение многих лет реформы в сфере экономики способствовали пробуждению социальной и, как следствие ее, политической активности населения, которое стало требовать большего участия в решении касающихся их непосредственно проблем. Подобная тенденция постепенно становится явственной на местном уровне. Естественно, что не могли остаться в стороне от этого средства массовой информации и политологическая наука. В прессе, научных публикациях заговорили о правах человека, правлении на основе законов, принципах управления государством, хорошем правлении, конституционном правлении, легитимности, появились такие понятия, как «человек основа всего», «гражданское общество», «гармоничное общество», «политическая цивилизация», «прозрачное правительство», «правительство служит народу», «ответственное правительство» и т. п. Все эти новые ценности и понятия свидетельствуют о серьезных изменениях в общественно-политической жизни Китая, поскольку в них отразились главные тенденции в отношениях гражданина и государства.

Одним из центральных вопросов проходящих ныне дискуссий стал вопрос о гражданском обществе, его зарождение неразрывно связано с рыночной экономикой и демократизацией общественной жизни. В понимании Юй Кэпина общество состоит из трех частей: первая часть – это политическое общество, т. е. государственная система, его основой являются органы правительства, а главными действующими лицами чиновники; вторая часть – это экономическое общество, т. е. система рынка, его основой являются пред-

приятия, а главными действующими лицами предприниматели; третья часть – это гражданское общество, т. е. система самостоятельных организаций, а главными действующими лицами граждане. Составными элементами гражданского общества являются различные неправительственные, негосударственные, не относящиеся к предприятиям организации граждан, они не носят политического характера, их главной целью является не извлечение прибыли, в центре их внимания общественные интересы, общественное благо, они имеют свои источники финансирования, в политическом и управленческом смысле обладают определенной независимостью от правительства, наконец, членство в них добровольно, никто не принуждает людей вступать в эти организации. К ним относятся организации, защищающие права граждан; различные ассоциации, объединяющие людей одной профессии; организации людей, имеющих общие интересы или общие увлечения; организации жителей микрорайонов; общества взаимопомощи; к ним относятся также коллективы, собирающиеся от случая к случаю, например, в парках для совместных занятий оздоровительными упражнениями или же людей пожилого возраста, танцующих вечером на улицах города народный танец янгэ.

По мнению Юй Кэпина, гражданское общество призвано сыграть серьезную, разнообразную роль в развитии китайской экономики и политики. Во-первых, будучи внешним стимулятором, гражданское общество оказывает влияние на выработку государственной политики. Неправительственные организации, в особенности те, которые профессионально занимаются научными исследованиями, обладают богатыми знаниями, начинают становиться мозговыми центрами правительства, его консультантами и советниками, способствуя тем самым демократизации его деятельности.

Во-вторых, гражданское общество способствует «упорядоченному политическому участию граждан», благодаря этому можно не только облегчить правительству выполнение своих функций, но, что не менее важно, растет активность граждан, они получают возможность высказать свои мнения. «Принципиальная цель демократической политики в конечном счете состоит в осуществлении и защите основных прав граждан, и большое количество неправительственных организаций по самой своей сути являются организациями, защищающими законные права гражд-

дан..., поэтому здоровое гражданское общество, является основой демократической политики, сильной поддержкой демократических прав граждан»¹¹.

В-третьих, гражданское общество способствует сотрудничеству граждан и правительства. Сотрудничество и совместное управление общественными делами являются сущностью хорошего правления, «его источником является добровольное сотрудничество со стороны граждан и сознательное признание ими авторитета власти, если нет активного участия и сотрудничества граждан, то в лучшем случае будет лишь хорошая политика, но не сможет быть хорошего правления»¹², – пишет Юй Кэпин.

В-четвертых, гражданское общество способствует развитию общественного самоуправления. Его роль выполняют не правительственные органы, а организации гражданского общества.

В-пятых, гражданское общество повышает эффективность работы партии и правительства. Рыночная экономика требует, чтобы правительство ушло из некоторых традиционных областей, которыми оно управляло раньше, передав их общественным организациям, но это не должно отразиться на качестве управления обществом.

В-шестых, гражданское общество улучшает качество работы общественных служб. Дело в том, что правительство часть своих функций по управлению ими может передать народным организациям, тем самым ослабив финансовое бремя правительства. С этой целью следует организовать конкурс среди тех самодеятельных организаций, которые отвечают необходимым требованиям. Они могут взять на себя эти функции либо частично, либо полностью¹³.

Юй Кэпин уделяет большое внимание месту «народных организаций» («минцзян цзучжи»), т. е. самоуправляемых низовых организаций, в политической системе китайского общества. Он считает, что их деятельность позволяет расширить политическое участие граждан в общественной жизни страны. Одним из видов таких «народных организаций» являются, в частности, комитеты городского населения, действующие в микрорайонах. Их задачи сводятся к разрешению споров среди жителей, обеспечению общественного порядка, охране окружающей природы, регулированию дорожного движения, озеленению, регулированию отношений с трудовыми мигрантами, оказанию материальной помощи нуждаю-

щимся группам населения, в том числе инвалидам, помощи местным органам власти в осуществлении политики планового деторождения и т. п.

Деятельность самоуправляемых «народных организаций» встречает много трудностей на своем пути, что связано со многими факторами, в частности, с патерналистскими традициями китайского общества и отсюда пассивностью горожан, преклонным возрастом членов этих организаций, отсутствием достаточного количества финансовых средств. Однако главная трудность состоит в сложных взаимоотношениях «народных организаций» с властью. С одной стороны, власть провозглашает низовые механизмы самоуправления частью китайской политической системы, а с другой стороны, стремится ограничить их деятельность. Как пишет российский эксперт А.В.Сидорова, самостоятельное коллективное ведение дел приветствуется только в том случае, если оно соответствует правительственным целям. Если же интересы жителей микрорайона расходятся с планами народных правительств, то у его населения нет способа защитить свои интересы в рамках городского комитета, т. к. последний не обладает ни достаточными средствами, ни полномочиями по закону, «на современном этапе правительство инициировало создание микрорайонов и городских комитетов самоуправления скорее для социального контроля, а также для более эффективного и дешевого снабжения услугами населения, чем для стимулирования демократизации населения снизу»¹⁴.

О трудностях, с которыми сталкиваются в своей деятельности «народные организации», говорит и Юй Кэпин. Для их разрешения он предлагает оказывать им адресную финансовую помощь, чтобы они могли эффективно выполнять свои социальные функции. В качестве положительного примера деятельности самодеятельных организаций в Китае обычно приводят их активное участие в помощи пострадавшим от землетрясения, произошедшего в провинции Сычуань 12 мая 2008 г. В дни, последовавшие за этим трагическим событием, многие из них собирали денежные средства, вещи, организовывали сдачу крови, направляли в район бедствия своих волонтеров для оказания помощи пострадавшим. При этом самодеятельные организации вели свою работу в тесном взаимодействии с правительственными органами. Данное обстоятельство, подчеркивает Юй Кэпин, свидетельствует о том, что

«абсолютное большинство этих организаций являются активными строителями общества, а не его разрушителями, выступают за сотрудничество с правительством, а не против него»¹⁵.

Одновременно Юй Кэпин говорит о том, что уроки ликвидации последствий землетрясения свидетельствуют о том, что в становлении гражданского общества в Китае существуют определенные проблемы и трудности, это связано и с несовершенной системой правового участия самодеятельных организаций в общественной жизни, их определенная слабость и особенно отсутствие должного профессионализма. Само гражданское общество – новое для Китая явление. Естественно, что при регистрации самодеятельных организаций, их финансовой поддержке, управлении, членстве, характере участия в общественной жизни, ответственности перед государственными органами возникает много вопросов. Юй Кэпин не может не признать того обстоятельства, что некоторые представители партийного и административного аппарата с подозрением относятся к самодеятельным организациям, традиционно рассматривая их как «западные вещи» или даже как антиправительственную силу. Китайский политолог вынужден с горечью констатировать, что среди части политической элиты существует даже предубеждение по отношению к ученым, занимающимся данной проблематикой. Для исправления подобного положения Юй Кэпин считает необходимым принять специальный закон о самодеятельных организациях (в настоящее время есть только соответствующие правила). Между тем этот вопрос давно назрел: число только зарегистрированных самодеятельных народных организаций приближается уже к 400 тысячам, а всего их в стране уже более 3 млн.

Юй Кэпин не согласен с утверждениями тех ученых (их можно назвать диссидентствующими), которые заявляют об отсутствии в Китае гражданского общества в «подлинном смысле этого слова». Причина их заблуждения состоит в том, что они подходят к оценке только что зародившегося в Китае гражданского общества с критериями, применимыми лишь по отношению к развитому гражданскому обществу, существующему в западных странах. По его словам, «подобно тому, как рыночная экономика и политика демократии, так и гражданское общество в Китае явственно отличаются от западного, оно имеет китайскую специфику». Самая главная осо-

бенность гражданского общества в Китае заключается в том, что оно *направляется правительством*, что очень близко к китайской рыночной экономической системе, которая является «рыночной экономикой, также направляемой правительством». В сравнении с гражданским обществом в развитых государствах Запады гражданское общество в Китае имеет и другие особенности, к примеру, специфические условия окружающей политической среды, отчетливый переходный характер, сравнительно слабая роль, крайняя неравномерность развития и т. д. Конечно, то, что гражданское общество в Китае обладает явной китайской спецификой, отнюдь не означает, что оно не имеет общих черт с гражданским обществом в других государствах. Напротив, гражданское общество в Китае точно так же имеет такие базовые факторы, как неправительственность, относительная самостоятельность, отсутствие коммерческого, предпринимательского содержания в деятельности, добровольность. Если бы не было этих факторов, то не было бы смысла говорить о гражданском обществе в Китае¹⁶.

Юй Кэпин считает, что самодеятельные организации могут стать полноправными и ответственными участниками политического процесса только в том случае, если их члены, в особенности руководители и наиболее активные участники, будут повышать свои нравственные и интеллектуальные качества, уровень своих знаний законов, демократии и общества, они должны действовать в правовом поле, руководствоваться интересами всего общества, а не своими узкими интересами.

И что очень важно, Юй Кэпин настаивает на необходимости конструктивного сотрудничества самодеятельных организаций с правительственными органами, предприятиями и самими гражданами. Важность такого сотрудничества объясняется социально-политическим контекстом современного Китая. В последние годы на различных общенациональных форумах, в том числе на партийных съездах, пропагандируется идея демократизации китайского общества, реформа политической системы. Нельзя не заметить, что определенные подвижки в этом отношении были сделаны: активизировалась деятельность демократических партий, выборы низовых представительных органов стали прямыми, более прозрачной стала работа органов власти, средства массовой информации стали более полно отражать жизнь общества (не только пози-

тивные, но и негативные тенденции), наконец, возросла активность самодеятельных организаций граждан. Однако последнее обстоятельство вызывает неоднозначную реакцию в кругах партийно-государственного аппарата. Многие его представители считают их «импортным товаром», чуждой силой, противостоящей правительству, по их мнению, дальнейшее расширение деятельности самодеятельных общественных организаций может привести к ослаблению руководящей и управленческой роли Коммунистической партии. Они делают такой вывод, исходя из опыта «цветных революций» в ряде стран СНГ и Восточной Европы, где эти организации явились инициаторами и организаторами политических изменений.

Юй Кэпин не согласен с подобной точкой зрения. Он считает, что самодеятельные общественные организации являются «здоровой и активной силой дела модернизации Китая и строительства демократической политики»¹⁷. Необходимо придерживаться по отношению к ним взвешенного подхода, пестовать, направлять их работу, принимать соответствующие постановления и т. п. Прежде всего, говорит он, не следует «ни враждебно относиться к ним, ни пренебрегать ими; не бояться их, но и не боготворить их; не потакать им, но и не блокировать их деятельность»¹⁸. Другими словами, продолжает китайский политолог, необходимо видеть *неизбежность* возникновения в Китае гражданского общества и в то же время отчетливо осознавать, что оно несет с собой определенные проблемы, поэтому нужно совершенствовать соответствующие юридические законы с тем, чтобы направить деятельность самодеятельных организаций в правильном направлении, создать партнерские отношения этих организаций с правительственными органами.

Следует подчеркнуть, что хотя многие понятия, которыми оперирует Юй Кэпин, заимствованы из западной политологической науки, он постоянно указывает, что Китай имеет свою специфику, в частности, он неоднократно говорит о том, что самодеятельные общественные организации должны обязательно постоянно сотрудничать с правительственными органами, действовать в рамках существующих законов. В более широком плане Юй Кэпин отмечает, что «китайская модель» развития принципиальным образом отличается не только от традиционной модели, существовавшей в

Китае до начала осуществления политики реформ и открытости, т. е. от советской модели, но и модели развития, принятой в западных странах. Это отличие проявляется во многих областях, прежде всего в вопросах собственности. В Китае не была проведена тотальная приватизация, в стране действует система смешанной экономики при руководящей роли общественной собственности, она «по-прежнему контролирует основные экономические артерии государства», естественные ресурсы – земледелие, полезные ископаемые – не приватизированы, хотя в сырьевых отраслях экономики присутствуют рыночные отношения, однако уровень регулирования и вмешательства государства в их деятельность намного выше, чем в западных странах. Еще большая специфика присутствует в политической области: в Китае нет многопартийной и парламентской системы, нет западного разделения власти на три – представительную, исполнительную и законодательную. В области идеологии в настоящее время допустимо существование различных идейных точек зрения, однако руководящее место по-прежнему принадлежит марксизму. Конечно, это не означает, говорит он, что стратегия общественного развития Китая не имеет ничего общего с другими государствами. Успех «китайской модели» объясняется тем, что, в одной стороны, учитываются конкретные особенности Китая, а с другой стороны, принимаются во внимание «прекрасные результаты человеческой цивилизации», заключает Юй Кэпин¹⁹.

В западных и российских средствах массовой информации достижения Китая за период политики реформ и открытости обычно сводят к росту экономической мощи страны, в то же время они отмечают отставание с осуществлением реформ в политической области. Между тем это не совсем так, другое дело, что изменения в политической области происходят медленнее, менее заметно, что объясняется социально-историческим контекстом, на что справедливо обращает внимание Юй Кэпин.

Изменения в политической культуре современного китайского общества происходили по целому ряду направлений. Прежде всего, в сфере отношений партии и государства. В первые тридцать лет существования коммунистического Китая не существовало разделения функций между партией и правительством. Фактически существовало *абсолютное руководство Компартии* во всех сфе-

рах общественной жизни. С началом политики реформ положение стало меняться – в новом партийном уставе появилось положение о том, что партия не может стоять над законами, ее деятельность должна осуществляться в рамках конституции и существующих законоположений, она не должна подменять собой административные органы, ее функции должны заключаться в политическом руководстве, т. е. выработке политических принципов, политической линии, важнейших решений, направлении в государственные и административные органы главных руководителей. Партийные организации уже не вмешиваются в их конкретные повседневные дела, хотя, естественно, пережитки старой системы партийного управления еще не преодолены.

Одновременно идет процесс формирования гражданского общества: быстро растет число самостоятельных («народных») организаций, расширяется их самостоятельность – если в 50-х гг. прошлого столетия было всего 44, а в 60-х гг. 100 таких организаций, то в 1997 г. их стало более 180 тысяч, причем в масштабе всей страны 1848. Особенно много их на доуездном уровне, как мы уже отмечали, по самым скромным подсчетам их насчитывается свыше 3 млн.²⁰

В период «культурной революции» в стране фактически царило беззаконие, правление осуществлялось на основе указаний правителя, т. е. Мао Цзэдуна («жэнь чжи»). Учитывая этот печальный опыт, китайское руководство провозгласило курс на «строительство социалистического правового государства». Конечно, это пока лишь политическая цель, хотя значительные шаги в данном направлении делаются. В частности, происходит расширение масштабов прямых выборов и местного самоуправления на уездном и доуездном уровнях. В 1998–1999 гг. в провинции Сычуань и специальной экономической зоне г. Шэньчжэнь были впервые опробованы прямые выборы волостных старост, сельских старшин и председателей поселков. После принятия в декабре 1989 г. Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (китайского парламента) соответствующего закона властные структуры передали непосредственное управление делами деревень органам местного самоуправления. Уже к концу 1997 г. они стали действовать в 60% китайских деревень, было избрано свыше 900 тысяч крестьянских комитетов²¹.

Введение рыночных отношений потребовало изменения функций правительства по отношению к предприятиям. Если раньше их руководители назначались партийными комитетами, ответственными органами, то при новой системе хозяйствования предприятия превращаются в самостоятельных юридических лиц, они, в том числе государственные, полностью уходят из системы непосредственного руководства со стороны правительства.

Наконец на уровне местных правительств возникло много новшеств. *Во-первых*, произошло расширение объема «политической прозрачности». Теперь при подготовке важных решений партийные и административные руководители привлекают к участию в этом процессе специалистов и простых жителей, добиваясь тем самым их широкой осведомленности о деятельности местных органов власти; в случае возникновения каких-либо экстренных дел, связанных с общественной безопасностью, регистрацией по месту жительства²², арестами, своевременная информация всех вовлеченных в них граждан и строгий контроль за их решением; открытость судебного процесса по гражданским и уголовным делам, возможность участия в них граждан²³; разрешение адвокатам заранее участвовать в следствии по делу подозреваемого или подозреваемых, интересы которых они представляют; предоставление общественности возможности участвовать в обсуждении кандидатур, рекомендуемых на руководящие должности; создание «электронного правительства», т. е. размещение в Интернете информации о деятельности органов власти.

Во-вторых, организация различных общественных мероприятий для помощи гражданам. Здесь и горячая телефонная линия мэра города, которая работает 24 часа в сутки, и регулярный прием чиновниками местного правительства населения по месту жительства, и оказание помощи бедным и имеющим проблемы людям, и проявление заботы об общественном порядке в микрорайонах, вплоть до устройства «Службы спасения 110», и открытие различных специальных бесплатных школ для обучения населения.

В-третьих, произошли значительные изменения в подборе кадров и в механизме ограничения их власти: введена в практику конкуренция при занятии руководящих должностей, пока до уровня управления – открыто публикуются сведения о том, каким критериям должен соответствовать человек, претендующий

на определенную должность, чтобы в них могли принять участие все желающие; действует система прямых выборов волостных и поселковых старост; в некоторых первичных партийных организациях стала осуществляться практика «двойных выборов», когда в отборе кандидатов на пост их секретаря принимают участие как ее члены, так и беспартийные; граждане получили право обращаться в суд по поводу незаконных действий правительственных органов и в случае удовлетворения их жалоб требовать соответствующей компенсации; в настоящее время по отношению к партийным и государственным чиновникам перед тем, как они покинут свой пост, проводится соответствующая финансовая проверка на предмет выяснения того, не нарушили ли они государственные законы и партийную дисциплину; в некоторых местах приняты постановления относительно контроля средств массовой информации за деятельностью тамошних правительственных органов, целью которых является критика противозаконных действий чиновников.

В-четвертых, происходит реформирование административно-го аппарата в сторону повышения его эффективности, а также воспитания у чиновников таких качеств, как неподкупность и требовательность к себе; уменьшено количество процедур рассмотрения документов, многие местные правительства ввели систему «единой технологической цепочки» (сходна с системой «одного окна» в Москве. – *В.Б.*), что повысило эффективность работы чиновников; имеет место повышение административной ответственности, что выражается в выработке различных механизмов, предусматривающих повышение ответственности чиновников за взятые на себя обязательства, помогающих избежать перекладывания ответственности на другого и «отфутболивания»; наконец, существует практика своевременного решения правительственными органами неотложных, срочных дел.

Очевидно, что перечисленные выше новшества на уровне местных правительств, на первый взгляд, могут показаться и не такими уж и впечатляющими, однако для чиновничьего аппарата современного китайского государства с его громадной бюрократией, как в центре, так и на местах они оказались поистине революционными. Конечно, не следует идеализировать деятельность китайских чиновников, несмотря на все предпринимаемые реформы многие старые проблемы, в частности коррупция, еще дале-

ки от своего решения. От поборов местных чиновников особенно страдает крестьянство, кроме того, дальнейшее развитие экономических и социальных реформ лишает крестьян, живущих вблизи городов, особенно крупных, земли – она изымается под промышленное и жилищное строительство, возведение новых зданий для высших учебных заведений.

Тем не менее проводимые в Китае политические реформы опровергают расхожее мнение в кругах значительной части российской элиты представление о застойном характере китайской политической системы. В настоящее время мы имеем в Китае дело с «мягким авторитаризмом», который, на наш взгляд, отвечает нынешнему этапу развития китайского государства, соответствует традициям китайской политической культуры, менталитету китайцев. «Мягкий авторитаризм» позволяет обеспечивать в стране социальную стабильность.

Происходящие в китайской политической системе, деятельности партийных и государственных органов изменения в немалой степени связаны с «политикой реформ и открытости». Открытость страны внешнему миру позволила ее гражданам не только познакомиться с достижениями мировой культуры, науки и техники, но и использовать их в практике собственной модернизации. При этом китайское руководство сознательно делало упор на использование научно-технических достижений и одновременно на заимствование управленческих норм, существующих в передовых развитых странах. С этой целью руководство Китая в течение нескольких десятилетий направляло в государства Запада, прежде всего США, тысячи людей, в том числе работников партийно-государственного аппарата, для овладения научными знаниями, изучения передового опыта в области управления. В результате китайское государство получило большое количество достаточно квалифицированных ученых и достаточно компетентных специалистов. Естественно, что подобное обстоятельство оказало серьезное влияние на все сферы жизни страны, в том числе на торгово-экономические отношения с зарубежными странами, нелишне напомнить, что по объему иностранных инвестиций Китай занимает первое место в мире. В этом отношении Китай выгодно отличается от России, где их очень мало, что в определяющей степени зависит от существующего в ней политического режима. Именно он обуславливает тот факт, что иностранные ком-

пании и предприниматели предпочитают вкладывать свои инвестиции в руководимый Компартией Китай, а не в Россию, где у власти находятся представители симбиоза олигархов и силовых ведомств. В Китае иностранному капиталу комфортно.

Следует подчеркнуть, что зарубежный управленческий опыт и получаемые во время зарубежных командировок знания в области политической теории не воспринимаются буквально, они адаптируются к китайским условиям, для партийно-государственных кадров существуют партийные школы и административные институты в центре и на местах. В результате происходит, как говорят в Китае, создание «политической цивилизации». По словам Юй Кэпина, развитие политической системы и политические инновации имеют китайскую специфику, они созданы самим китайским народом, являются результатом соединения общих политических ценностей с конкретными условиями Китая.

Причина, почему мы достаточно подробно изложили содержание двух книг Юй Кэпина, объясняется тем, что в первом десятилетии нынешнего столетия он стал, пожалуй, наиболее популярным и читаемым китайским политологом. Конечно, дело в его высоком социальном статусе, но не только в этом, он отразил в своих сочинениях – за последние десять лет он опубликовал их свыше десяти – идеи, которые созвучны настроениям многих мыслящих представителей китайской интеллигенции, в том числе партийных кругов. В последние годы Юй Кэпин был буквально нарасхват – у него брали интервью многие китайские средства массовой информации, он выступал с докладами в разных аудиториях внутри и вне страны, к нему обращались с просьбами о встрече многие ученые и политики западных стран. В известном смысле его можно считать рупором тех партийных интеллигентов, которые настаивают на дальнейшем продвижении политических реформ в китайском обществе, прежде всего на местном уровне, а также внутри партии, в определенных кругах в Китае его считают либералом, хотя подобное определение вряд ли адекватно отражает его взгляды, если понимать его в общепринятом смысле этого слова, если он и либерал, то скорее применительно к китайским условиям.

Юй Кэпин не высказывает идей, выходящих за рамки общепринятого в Китае политического лексикона, другое дело, что, профессионально занимаясь политикой, наукой и будучи не универ-

ситетским профессором, а партийным функционером, он вынужден постоянно обсуждать проблемы, которые имеют чрезвычайно важное значение для современного этапа китайской модернизации и вообще для судеб Китая. Проблемы развития политической системы, ее демократизации обсуждают и другие политики, партийные функционеры, ученые, но для них они включены в комплекс других проблем, прежде всего экономических, когда же кто-то постоянно, а не от случая к случаю говорит о демократии, то независимо от его личных побуждений это невольно бросает тень на его репутацию, тем более что слово «демократия» в последние годы под влиянием многих факторов, в том числе внешних, стало расхожим, общеупотребительным в лексиконе представителей различных кругов китайского общества, в том числе диссидентов. Подобное обстоятельство отразилось и на судьбе самого Юй Кэпина²⁴. В условиях мирового финансового кризиса, который серьезно отразился на ситуации в стране, расширение политической демократии, в том числе и на низовом уровне, может расшатать социальную стабильность. Так, по-видимому, считают в настоящее время в Пекине.

Проблема демократизации политической системы китайского общества занимает не только умы интеллигентов, работающих в настоящее время в партийных и государственных учреждениях. Большой интерес к ней проявляют и старые члены компартии, находящиеся в настоящее время на пенсии. Многие из них вступили в КПК до 1949 г., в прошлом занимали видные места в партийно-государственной иерархии. В начале 90-х гг. прошлого столетия ими был создан журнал «Яньхуан чуньцю». Это ежемесячное издание, на его страницах публикуются статьи, посвященные различным периодам истории Коммунистической партии Китая, политическим деятелям, сыгравшим важную роль в истории страны, воспоминания участников революционных событий и т. п. Вместе с тем в журнале регулярно появляются статьи теоретического характера, в которых затрагиваются проблемы, связанные с интерпретацией социализма с китайской спецификой. Ряд авторов журнала настаивает на необходимости использовать в Китае опыт шведской социал-демократии, которая успешно, по их мнению, решает задачу построения социального государства²⁵.

Публикуются в журнале и статьи, в которых содержится критический анализ политической системы современного Китая, в частности порядок выборов в представительные органы власти. Так, например, по мнению Вэй Синчжуна, автора статьи «60 лет праву граждан на участие в выборах», в китайской избирательной системе существуют серьезные недостатки. Они заключаются в том, что, согласно закону о выборах, право выдвижения кандидатов принадлежит не гражданам, а политическим партиям, прежде всего правящей (т. е. Коммунистической партии Китая. – В.Б.), в результате «председатели провинциальных правительств, мэры городов, начальники уездов, которые изначально должны находиться под контролем депутатов, успешно становятся кандидатами в депутаты собраний народных представителей различного уровня и в конечном счете становятся депутатами»²⁶. Кроме того, согласно тому же закону о выборах отсутствует прозрачность при оценке деловых качеств кандидатов в депутаты, что исключает возможность выбора наиболее достойных. Все это лишает выборы их «ответственного характера» и превращает их в выборы только по названию²⁷. Вэй Синчжун приходит к выводу о несовершенстве конституции страны, хотя в ней, пишет он, много говорится о всеобщем и равном избирательном праве для всех граждан, в действительности для реализации этого права существует много препятствий. Это несомненно, пишет он, отражается на авторитете конституции, престиже правящей партии, подрывает авторитет чиновников в глазах населения, создает противоречия между ними, в конечном счете создается гражданское общество, в котором отсутствует ответственность.

В качестве положительного примера выборов Вэй Синчжун ссылается на США и Тайвань, где «конкуренция была настоящей, а уровень прозрачности настолько высок, что позволял людям знать буквально все о них, выборы стали здесь важным политическим событием, самым концентрированным и самым важным средством выражения мнения масс, всеобщим торжеством человеческих сердец»²⁸.

По мнению авторов журнала «Яньхуан чуньцю», реформы в политической области серьезно отстают от аналогичных реформ в экономической: в частности, до сих пор не нашли подлинного разрешения вопросы, связанные с чрезмерной концентрацией вла-

сти и с ее ограничением; провозглашаемое положение о том, что «народ является хозяином» не получило системных гарантий в общественной жизни; нарушение законных прав граждан является повсеместным; в области распределения ресурсов власть искажает роль рыночных отношений; масштабы коррупции среди служащих государственного аппарата непрерывно увеличиваются. В связи с этим подчеркивается, что существующая ныне в стране политическая система не соответствует не только реформам, проводимым в социалистической рыночной экономике, но и мировому процессу развития демократии.

Автор одной из статей, профессор Института социального развития Центральной партийной школы при ЦК КПК Хань Юньчуань считает, что кроме влияния существовавшей в Китае традиции деспотизма и препятствий со стороны групп, заинтересованных в отстаивании своих интересов, существуют также другие причины, противодействующие реформе политической системы, а именно непонимание ее необходимости и содержания. По его мнению, существует пять неправильных точек зрения по данному вопросу.

Приверженцев первой точки зрения он называет сторонниками превосходства существующей ныне в Китае политической системы. Они считают, что ее нужно не реформировать, а всего лишь укреплять и в чем-то улучшать. Фактически они не замечают пороков советской политической системы, которая во многих своих элементах продолжает до сих пор существовать в Китае. Между тем, пишет Хань Юньчуань, в принятом 27 июня 1981 г. постановлении VI пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва «О некоторых вопросах истории партии» указывалось, что в истории международного коммунистического движения из-за неправильного решения вопроса об отношении руководителей и партии возникали серьезные ошибки. Это оказало негативное влияние и на компартию Китая, что явственно проявилось в период «культурной революции».

По мнению автора статьи, практика социалистического строительства в Советском Союзе свидетельствует о том, что после взятия власти пролетариатом произошел серьезный «уход в сторону от великого развития политической цивилизации человечества». И далее он пытается обосновать свою точку зрения ссылками на классиков марксизма и историю Советского Союза. *Во-первых*, это выразилось в доведении *диктатуры пролетариата до край-*

ней точки. Суть его рассуждений состоит в следующем. Согласно точке зрения Маркса, «диктатура пролетариата есть дальнейшее развитие демократической политики человечества. Однако в политической практике большевиков преобладал красный террор, были ликвидированы завоевания Февральской революции, которые гарантировали народным массам демократические права – свободу слова, изданий, демонстраций, собраний, организаций». Автор статьи ссылается в этой связи на критику Розы Люксембург в адрес большевиков «за их подавление демократии», между тем без демократии нет социализма. Именно в этом, по его мнению, заключается причина краха Советского Союза.

Однако мы в Китае, пишет далее Хань Юньчуань, не извлекли необходимых уроков из событий, происшедших в Советском Союзе и странах Восточной Европы. В прошлом господствовало мнение, что буржуазная демократия является фальшивой, мошеннической, это рай для богатых и западня, обман для бедных, что социалистическая демократия в миллионы раз демократичней буржуазной демократии. Однако подобное понимание, как показала социалистическая практика советской модели, большое заблуждение. В государствах, избравших эту модель, не было демократической системы, напротив, в них царили политические чистки и подавление, о чем свидетельствует большая чистка в Советском Союзе в 1930-е гг., борьба против так наз. титовской клики в 1940-е гг., события в Польше и Венгрии в 1950-е гг., в Чехословакии в 1960-е гг., а также культурная революция в Китае.

Хань Юньчуань также считает, что большевики отошли от учения классиков марксизма относительно политических организаций рабочего класса. В «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс ясно заявили о том, что коммунистическая партия является всего лишь одной из многочисленных рабочих партий и что поэтому после взятия пролетариатом власти неизбежно встает вопрос об их взаимоотношениях. Между тем после Октябрьской революции большевики уничтожили все другие партии. Автор считает, что причина подобного развития событий заключается в неправильном понимании Лениным и Сталиным взаимоотношений лидеров, руководителей, политических партий, классов и масс. Он ссылается на слова Ленина, который писал, что «массы делятся на классы... в обычной обстановке, в большинстве случаев по мень-

шей мере в современных цивилизованных государствах классы руководятся (политическими) партиями, политические партии обычно управляются самыми влиятельными, самыми авторитетными и самыми опытными людьми, выбранными для выполнения самых важных задач и называющиеся руководителями».

По его мнению, Ленин не дает здесь исчерпывающего ответа на вопрос о взаимоотношении четырех элементов политического процесса. Ключ к всестороннему, правильному пониманию данной проблемы лежит в том, что народные массы определяют, какая политическая партия становится правящей. Сталин в первом из двенадцати условий большевизации партии следующим образом разъясняет ленинское положение о партии как о высшей форме организации пролетариата: она руководит всеми его организациями начиная от профсоюзов и кончая его представителями в парламенте, она стоит выше над всеми ими – руководит правительством, армией, профсоюзами, кооперативами, промышленными предприятиями, учебными заведениями, женскими и молодежными организациями и т. д. Однако является ли та или иная партия прогрессивной, определяется через демократические выборы и определяют это народные массы, поскольку именно они являются хозяевами государства и общества, подчеркивает автор статьи.

Еще одним свидетельством недемократичности большевиков, считает Хань Юньчуань, является используемый ими принцип демократического централизма. Первым четко выдвинул его Ленин, а не Маркс и Энгельс. Его появление было связано со специфическими условиями дореволюционной России, когда партия большевиков действовала в условиях глубокого подполья. «Если при самодержавии упор на централизм был необходим, – пишет автор статьи, – то после завоевания политической власти пролетариатом необходимо было главное внимание сосредоточить на создании демократической системы. Но после Октябрьской революции большевики этого не сделали»²⁹.

В противоположность системе демократического централизма, где самым высшим авторитетом является централизация, в демократической системе высшим авторитетом является демократия, сущность которой состоит в том, что меньшинство подчиняется большинству, которое гарантирует его права. При демократической системе централизация складывается естественным обра-

зом – в случае, если мнение людей расходится с точкой зрения тех, кто отвечает за централизацию – руководителей, они могут сказать «обсудим в следующий раз... и если это так, то зачем еще нужна специальная система централизации?»³⁰.

Вывод, к которому приходит автор статьи, следующий: «В общем представленная большевиками в мировом социалистическом движении политическая система извратила марксизм, в ней с самого начала существуют крупные недостатки, подобно тому как существуют серьезные проблемы при проектировании автомобиля – если не переделать проект, то независимо от искусства водителя рано или поздно произойдет авария»³¹.

Сторонники второй точки зрения исходят из идеи отсталости Китая в экономическом и культурном отношении, и на этом основании считают, что говорить в настоящее время о строительстве демократической политики еще рано, «главной задачей в настоящее время является развитие производительных сил общества, повышение уровня материально-культурной жизни народных масс»³². Только при выполнении данной задачи можно будет приступить к созданию крепкой демократической политической системы. Однако подобный подход Хань Юньчуань считает неправильным, поскольку он противопоставляет реформу политической системы развитию экономики и культуры и что будто бы эта реформа препятствует их развитию. На самом деле, они взаимно дополняют друг друга, более того, крепкая демократическая политическая система в состоянии еще больше поднять активность в различных сферах общественной жизни, стимулировать дальнейшее развитие экономики и культуры. Ссылка на отсталость страны не выдерживает критики хотя бы потому, что за тридцать лет реформ Китай уже добился значительных достижений в социально-экономической области, поэтому условия для осуществления всесторонней реформы политической системы уже созрели. Будучи профессором Центральной партийной школы, Хань Юньчуань для обоснования своей позиции не преминул сослаться на решения VI пленума ЦК КПК двенадцатого созыва от 28 сентября 1986 г., где говорится о том, что общий курс социалистической модернизации Китая состоит в том, чтобы «беря за основу экономическое строительство непреклонно осуществлять реформу экономической системы, неуклонно осуществлять

реформу политической системы, непреклонно усиливать строительство духовной цивилизации, притом все их взаимно сочетать и взаимно стимулировать»³³.

Сторонников третьей точки зрения Хань Юньчуань называет приверженцами «теории изъязнов культуры». Суть их рассуждений сводится к следующему. В течение нескольких тысячелетий китайцы жили в условиях господства деспотии, жестокий гнет подавлял в них всякие оппозиционные настроения. Некоторые сторонники данной точки зрения договариваются даже до того, что у китайцев вообще отсутствует ген демократии и свободы, если для европейцев «лучше смерть, чем отсутствие свободы», то для китайцев «жить нахлебником лучше хорошей смерти». Отсюда те, кто придерживается подобных взглядов, делают вывод о том, что китайцы привыкли жить при тоталитарном режиме и им поэтому не нужна демократическая реформа политической системы.

Автор статьи решительно не согласен с подобными утверждениями. По его мнению, то, что в Китае нет демократических традиций, что здесь наличествуют глубокие корни деспотии, отнюдь не означает, что китайский народ не стремится к демократии и свободе. Вся история Китая, начиная с Нового времени, полна примеров самопожертвования патриотически настроенных людей во имя демократических идеалов. Конечно, замечает автор статьи, традиции деспотизма затрудняют движение Китая по пути демократии, но это не значит, что он никогда не сможет пойти по этому пути, «если мы по-настоящему усвоим передовые результаты политической цивилизации человечества и восполним тем самым изъяны китайской традиционной культуры, мы также сможем создать крепкую демократическую политическую систему»³⁴.

Хань Юньчуань не согласен также с теми, кто утверждает, что осуществление демократической политической системы может привести к волнениям, беспорядкам. Напротив, пишет он, только при наличии крепкой демократической системы в обществе существует стабильность и все социальные противоречия успешно решаются. В случае же опоры на силу общественные отношения становятся напряженными, и за внешней стабильностью скрывается серьезный кризис. В качестве классического примера страны, в которой не проводились реформы, автор приводит пример Румынии. На XIV съезде Румынской коммунистической партии здравицы в

честь Чаушеску звучали не менее 60 раз, но вскоре после съезда произошло резкое обострение ситуации и супруги Чаушеску были расстреляны. Причинами, приведшими к подобному трагическому финалу, были личная диктатура и крайняя неупорядоченность политической жизни, в атмосфере репрессий народные массы не имели возможности высказать свои подлинные мысли, внешняя стабильность скрывала реально существовавшую нестабильность. Можно сказать, что режим Чаушеску рухнул за одну ночь, поэтому не следует обольщаться внешними явлениями. «В настоящее время, – подчеркивает автор статьи, – самыми стабильными государствами являются не государства, где существует деспотия, а государства с крепкой демократической системой»³⁵.

По мнению Хань Юньчуна, есть еще приверженцы той точки зрения, что осуществление демократии может привести к расколу страны, поскольку-де Китай многонациональное государство, в нем проживает 56 наций. Он считает, что подобная точка зрения «недооценивает центростремительную силу китайской нации», что проявилось, например, в период после Синхайской революции 1911 года, когда власть во многих провинциях оказалась в руках милитаристских клик, но даже тогда не произошло раскола Китая. «Демократия по своей сути – самоуправление, народные массы являются хозяевами государства и общества, они должны отвечать за свои собственные дела», – пишет автор статьи³⁶. С этим утверждением нельзя не согласиться, однако дальнейший ход его рассуждений не может не вызвать возражений, он упрощенно, на наш взгляд, представляет взаимоотношения между центральными и местными органами власти. На местах, пишет он, должна осуществляться высокая степень самоуправления, а государство должно обеспечивать единство в пяти областях: иностранных делах, обороне (вооруженных силах), таможене, законодательстве, деньгах. Высокую степень самоуправления Хань Юньчуань понимает как невмешательство вышеуровневых органов власти в дела нижеуровневых, например центра в дела провинций. На наш взгляд, естественно, что должно существовать четкое разграничение компетенции и полномочий различных уровней власти, однако в условиях Китая принципиальные решения нижеуровневых органов власти не могут не согласовываться с вышеуровневыми органами. Например, за годы реформ резко увеличился разрыв в

уровне развития между различными регионами страны, преодоление которого требует вмешательства Центра в целях перераспределения финансовых средств в пользу отстающих, дотационных районов. Кроме того, заявляя о том, что Китай – многонациональное государство, автор статьи обошел в ней проблемы, связанные с тибетским и уйгурским сепаратизмом, следует так же заметить, что он преуменьшает размеры фактической расчлененности Китая на отдельные части в 20-е гг. прошлого столетия. Наконец, в завершении своей статьи Хань Юньчуань пишет о том, что объединение материкового Китая и Тайваня возможно только на путях демократии, но вольно или невольно он отдает предпочтение тайваньскому опыту осуществления демократии.

Ценность статьи Хань Юньчуаня состоит в том, что в ней подробно охарактеризованы аргументы противников демократизации политической системы Китая, не может не вызывать уважения решительная поддержка им необходимости реформ в политической области. Вместе с тем не может не вызвать возражения ссылка на советскую модель социалистического строительства как на причину существования в Китае недемократического режима. Если в отношении стран Восточной Европы и Монголии подобное заключение и можно считать справедливым, то применительно к китайскому обществу это не соответствует историческим фактам. В данном случае автор статьи повторяет утверждение, которое в последние десятилетия стало расхожим в китайской научной и публицистической литературе. Все ошибки, которые были совершены в первые тридцать лет существования Китайской Народной Республики, относятся на счет советской модели, в результате невольно создается впечатление, что Советский Союз несет непосредственную ответственность за эти ошибки. В действительности виновником всех провалов в социально-экономическом развитии китайского общества являлся Мао Цзэдун, который, начиная с середины 30-х гг. прошлого столетия, отвечал за принятие всех важнейших политических решений. У Мао Цзэдуна было свое видение существовавших в Китае проблем, и в своем подходе он руководствовался лично ему известными соображениями. Советский Союз, КПСС, Сталин никакого отношения к их принятию и тем более к их осуществлению не имели, они не вмешивались во внутренние дела Китая, тем более в политической области, даже если

им не нравились те или иные действия китайского руководства, к примеру «большой скачок». Участие КПСС в идеологической полемике с КПК было вынужденным шагом, оно было связано с развернутыми против нее обвинениями в «ревизионизме» и «социал-империализме».

Идея о необходимости демократизации политической системы свидетельствует о постепенном формировании в Китае гражданского общества. Приведенные выше мнения Юй Кэпина и Хань Юньчуаня отражают настроения, бытующие среди определенной части китайской партийной и научной интеллигенции. Наряду с этим в китайском обществе существуют диссиденты, которые выступают с более радикальными требованиями. Свидетельство тому появление в декабре 2008 г. т. н. «Хартии 08». Ее авторы подвергают критике существующую в стране систему авторитарного правления. Как пишет российский исследователь А.В. Ломанов, «ключевыми признаками диссидентской направленности “Хартии 08” являются призывы к отказу от однопартийной системы, замене ее многопартийной и признанию абстрактных “универсальных ценностей”, которые на деле являются политическими ценностями западной цивилизации»³⁷. Признавая достижения Китая за последние тридцать лет на пути осуществления политики реформ и открытости, авторы «Хартии 08» вместе с тем указывают на то, что существование авторитарного режима препятствует проведению реальных политических реформ, многие декларируемые вещи остаются на бумаге; есть закон – но нет правления на основе закона, есть конституция – но нет конституционного правления³⁸.

Суть предложений авторов Хартии по реформированию политической системы сводится к следующему: внесение изменений в конституцию в целях превращения ее в реально работающий основной правовой документ государства; осуществление действительного разделения властей в соответствии с принципами, принятыми в западных странах; введение прямых выборов в законодательные органы всех уровней; обеспечение подлинной независимости суда, в частности от партийных комитетов; создание Конституционного суда; вывод вооруженных сил из подчинения Компартии и переподчинение их государству и конституции; неуклонное соблюдение прав человека; прямые выборы административных руководителей по принципу «один человек – один голос»;

отмена системы двойной прописки для жителей города и деревни, разрешение гражданину свободы выбора места жительства; свобода организаций, собраний, слова, религии; защита прав собственности, разрешение приватизации земли и т. д.³⁹.

В предложенной диссидентами программе политических реформ содержались предложения, заслуживающие внимания, и с ними могли бы, на наш взгляд, согласиться официальные лица, однако требование отказа от однопартийной системы, т. е. от руководящей роли Компартии, в обществе не могло быть принято. Главный автор «Хартии 08» бывший преподаватель Пекинского университета Лю Сяобо был арестован и в конце прошлого, 2009 г. приговорен к 11 годам тюремного заключения. Справедливости ради надо сказать, что осуществление предлагаемых диссидентами преобразований политической системы в современных условиях могло бы привести к дестабилизации китайского общества.

Проблемы демократизации китайского общества волнуют широкий спектр общественного мнения страны, в том числе и тех его представителей, которые стоят, выражаясь принятой в России терминологии, *на почвеннических позициях*. Следует подчеркнуть, что подавляющему большинству китайцев независимо от возраста, образования и воспитания присуще обостренное чувство собственного достоинства. Это обусловлено историческими причинами. До середины XIX в. Китай был великой империей с богатейшей, древнейшей культурой, которая распространяла свое политическое и духовное влияние на многие сопредельные страны и районы. В результате опиумных войн и последовавших за ними событий Китай фактически попадает в зависимость вначале от западных держав, а затем и Японии. По выражению Мао Цзэдуна, он становится полуколонией и перестает играть самостоятельную роль в мировом сообществе. Только с приходом к власти коммунистов Китай действительно становится субъектом международной политики, китайская нация обретает чувство самоуважения. По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что многие китайцы, в том числе молодые, живущие в современном Китае, положительно оценивают деятельность Мао Цзэдуна, несмотря даже на развязанную им «культурную революцию». Граждане Китая могут не одобрять те или иные действия китайских властей, в том числе центральных, им

может не нравиться тот или иной коммунистический политический деятель, но когда речь заходит о вопросах, затрагивающих **национальные интересы**, то здесь практически возникает полное единодушие. Подобные умонастроения стали более распространенными и глубокими особенно в последние годы в результате громадных достижений страны в области экономики и культуры. Подавляющее большинство китайцев объединяет чувство гордости за свою страну, **патриотизм**. Последний иногда граничит с национализмом.

Летом 1996 г. на прилавках китайских книжных магазинов появилась книга, которая сразу же стала бестселлером. Она выдержала несколько изданий, причем уже первое вышло значительным для такого рода произведений тиражом – 50 тысяч. Книгой зачитывались, ее обсуждали всюду – в университетах, в учреждениях, в поездах и дома. Она имела несколько претенциозное название – «Китай может сказать нет» («Чжунго кэи шобу») (с подзаголовком «политический и эмоциональный выбор, стоящий перед нами в период после окончания холодной войны»). Ее авторами были пять молодых людей в возрасте приблизительно тридцати лет – журналист, преподаватель университета, поэт и двое – люди свободных профессий. Они откровенно говорили, что не являются специалистами по международным отношениям, что их книга – своеобразный эмоциональный отклик на события в мире. Вместе с тем они подчеркивали, что их позиция отражает умонастроения, чувства, бытующие в народе.

В книге предлагались семь пунктов развития китайского общества.

Первый – Китай должен твердо следовать по социалистическому пути, дать отпор давлению Запада, разрушить его надежды на широкую эволюцию китайского общественного строя в капиталистический. Если мы сможем продержаться 10–15 лет, в мире произойдут благоприятные для Китая крупные изменения, произойдет новый подъем международного социалистического движения.

Второй – необходимо заранее подготовиться к изменениям в финансовой сфере, чтобы предохранить себя от «краха американского доллара» и ударов мирового финансового кризиса (по подсчетам некоторых аналитиков, он может произойти в течение ближайших десяти лет). Следует в связи с этим заметить, что прогноз авторов был недалек от истины.

Третий – китайская экономика не должна развиваться сверхбыстрыми темпами, ежегодный рост на 8% вполне достаточен. Успешное решение социально-экономических вопросов не позволит Западу использовать их в своих интересах.

Четвертый – внешняя политика Китая должна быть гибкой и искусной. В международных вопросах следует отстаивать справедливость, политике гегемонизма и грубой силы, проводимой США и другими западными государствами, следует с полным сознанием своей правоты говорить «нет».

Пятый – при проведении политики открытости необходимо стремиться захватить инициативу, руководствоваться собственными интересами. Необходимо использовать стремление западных государств «открыть китайский рынок» для получения иностранного капитала и техники, чтобы тем самым развивать и укреплять нашу экономику.

Шестой – при проведении политики открытости следует изо всех сил защищать национальную промышленность. Необходимо быть бдительными, чтобы те, кто питается «компрадорской едой», не завели нас на ложный путь.

Седьмой – необходимо развивать высокотехнологичное производство на государственных предприятиях, поддерживать и укреплять их, чтобы они могли выпускать продукцию, конкурентоспособную на мировом рынке.

Идеи, изложенные в книге «Китай может сказать нет», отразили целый пласт общественных настроений, которые были всегда широко распространены в Китае. Их питала сложная гамма представлений и чувств, зачастую противоречащих друг другу, – взгляд на китайскую цивилизацию как на одну из самых совершенных, а в чем-то даже и более совершенную, чем другие, и одновременно страстный патриотизм; боль за десятилетия национального унижения и одновременно опасения вновь потерять государственный суверенитет; неприятие реалий западного мира; защита национальных культурных традиций и одновременно критика западной массовой культуры. Это был своего рода манифест националистически настроенной части китайской молодежи, китаеццентристски ориентированного общественного сознания⁴⁰.

Умонастроения китайской молодежи, отраженные в книге 1996 г. «Китай может сказать нет», не исчезли с течением времени. Они продолжали существовать и вновь вышли на поверх-

ность общественной жизни через тринадцать лет в книге «Китай не испытывает радости» («Чжунго бугаосин»), появившейся из печати в марте 2009 г. и выдержавшей за два месяца пять изданий. Авторами статей, так же как и в первом случае, явились пять человек: обозреватель по военным вопросам; драматург и одновременно социолог; ученый; публицист Ван Сяодун, о котором в аннотации сказано, что главная тема его очерков – «борьба с расизмом, некоторые его ненавидят, другие ограничивают его деятельность, но никто не может отрицать его талантов» (ему принадлежит треть статей книги), наконец, комментатор на телевидении, один из авторов книги «Китай может сказать нет», им написано предисловие к новой книге. Книга имеет подзаголовок «Великая эпоха, великая цель, внутренняя озабоченность и внешние беды». Судя по содержанию книги, ее авторы имеют широкий круг знакомств в кругах китайской интеллигенции, среди находящихся в Пекине западных журналистов и дипломатов.

По словам одного из авторов, Сун Цяна, если десять с лишним лет назад «говорить нет» для многих молодых интеллигентов было всего лишь иллюзией, то сегодня вслед за быстрым ростом экономики и постоянно растущей мощью государства Китай по многим вопросам, затрагивающим его государственные, региональные и глобальные интересы, может все чаще поднимать руку и «говорить нет». Ибо если речь идет об интересах, нельзя избежать борьбы⁴¹.

Появление новой книги было в какой-то степени спровоцировано целым рядом внешне не связанных между собой событий, происходивших в течение 2008 г., – реакцией Запада на события в Тибете 14 марта 2008 г., когда китайская армия подавила выступления тибетцев в Лхасе, имеются в виду прежде всего попытки помешать продвижению олимпийского факела по улицам Парижа, и прием Саркози далай-ламы; землетрясение в мае того же года в провинции Сычуань, отравление китайских детей недоброкачественным молочным порошком, произведенным отечественными компаниями; наконец, Пекинская олимпиада.

Однако при чтении книги неизбежно складывается впечатление, что эти события служат лишь поводом для дискуссии на более широкие темы – о духовной атмосфере современного китайского общества, положении в области культуры, нравственных ценностях молодого поколения, содержании понятия «демократия»

применительно к китайским условиям, оценке исторического прошлого страны, современном звучании традиционной китайской культуры, роли интеллигенции в обществе, внешней политике китайского государства. По существу, речь идет о месте Китая в мировом сообществе, его роли в международном сообществе, наконец, будущем страны в XXI веке.

Отвечая на вопрос, почему Китай не испытывает радости, авторы указывают на следующие четыре момента. Первый. После событий 14 марта становится очевидным стремление Запада к изоляции Китая, его политика по отношению к нашей стране становится более наглой. Второй. Дело с молочным порошком нанесло глубокую рану национальным чувствам китайцев, поскольку подверглись угрозе «базовые ценности, которых должно придерживаться великое государство». Третий. Имели место подлые нападки Саркози на Китай. Четвертый. «Умники или так называемые “лучшие китайцы” продолжают «наносить ущерб духовным качествам нашего государства».

Значительное место в книге занимают рассуждения авторов о демократии. Либералы, пишут они, настаивают на необходимости осуществления в Китае демократии, и тогда все будет хорошо. Их оппоненты упорно талдычат старое – в 1830-е гг. Маркс говорил то-то, в 1840-е гг. то-то, а недавно они стали назойливо говорить по поводу «классовости» – все дело якобы в наличии в Китае классов. Подчеркивая, что демократия – это средство, средство осуществления «великой цели», но не цель⁴², авторы выступают против пропаганды тезиса о том, что ключ к решению всех проблем лежит в демократии. Наша позиция, подчеркивают они, заключается в следующем – не следует ни открывать глаза, чтобы преклоняться перед демократией, ни закрывать их, чтобы отвергнуть ее, необходимо придерживаться реалистической позиции, подходить к ней с точки зрения совокупных интересов китайской нации. Нужно рассматривать демократию под углом зрения пользы, потенциала и ценности. Демократия для нас – это когда народ становится хозяином, а люди одной семьей. Демократия приносит и открытость, и хлопоты, однако одно она обеспечивает абсолютно – что хорошо и что плохо, народ выбирает сам, а когда возникают проблемы, он не ищет их решения у других людей. Однако демократия не может обеспечить следующего – хотя народ сам выбирает решение своих проблем,

однако движущие мотивы, которыми он руководствуются, во многом зависят не от него. Вообще говоря, отношения между реалиями общества и пользой демократии намного сложнее, чем нам это представляется, отмечается в книге. Поэтому сторонники теорий демократии и их оппоненты должны быть скромными в изложении своих взглядов, не стремиться никому навязывать их⁴³.

Демократия открывает большое пространство для политического участия, особенно для выражения общественного мнения. Однако это может вызвать неустойчивое положение в обществе, необходимо поэтому учитывать негативный опыт «культурной революции», пишут авторы книги. За последние тридцать лет Китай добился громадных успехов, но проблем также предостаточно, накопилось много противоречий и недовольства, но к счастью, подчеркивают они, поскольку в последние годы у нас есть Интернет, со стороны масс появился постоянный контроль: говорим о демократии, вот это и есть демократия. Польза демократии состоит в том, что общество осознает свои недостатки и исправляет их. Если бы не было Интернета, невозможно было бы представить себе участие масс в политической жизни, а если не было этого участия, было бы невозможно устранить «застоявшееся, испорченное, мешающее»⁴⁴. Авторы считают, что сдерживающую роль в отношении чиновников может сыграть возможность высказывания мнений в средствах массовой информации, т. е. «постоянное давление изнутри». Говоря популярнее, если вас будут изо дня в день ругать, упрекать, разоблачать, тогда ваши действия и дела смогут стать образцом и вы будете сохранять бдительность, будете собранными, не будете брать взятки, в противном случае останется ждать вмешательства иностранцев или землетрясения, чтобы «народ вновь испытал душевное волнение»⁴⁵.

По их мнению, большую роль в решении накопившихся вопросов (коррупция, бюрократия) призван сыграть демократический контроль. Конечно, нельзя считать, что раз существует демократическая система, то все будет в порядке, «все хорошо в меру». Если все время устраивать забастовки и демонстрации, обществом невозможно будет управлять. Авторы размышляют над тем, как действительно наладить контроль общества над чиновничьим аппаратом, чтобы искоренить его пороки. Они, в частности, сомневаются в эффективности такого усиленно пропагандируемого метода, как

«система привлечения чиновника к ответственности». Суть этой системы состоит в следующем: появляется проблема → средства массовой информации сообщают о ней → граждане выражают свой справедливый гнев → руководство дрожит от их гнева → его принуждают разрешать проблему. Однако имеет ли подобный метод, задаются вопросом авторы, всеобщее значение. Ведь абсолютное большинство фактов не попадает в СМИ, поэтому не обращаясь к давлению внешних сил, а опираясь только на доклады изнутри. Подобную систему невозможно сделать эффективной, ибо всегда будут мешать ведомственные интересы. После освобождения Мао Цзэдун думал над тем, как найти адекватные силы давления; вначале он хотел, чтобы демократические партии контролировали Компартию, во время «четырёх чисток» он хотел, чтобы одна часть системы контролировала другую часть системы, а в конце концов поднял массы, т. е. развязал «культурную революцию»⁴⁶.

В настоящее время ситуация, подчеркивают авторы книги, как небо и земля отличается от того, что было несколько десятилетий назад, – часть продажных чиновников, бесчестных коммерсантов, аферистов, бандитов создали преступные группировки, поэтому проблему вряд ли возможно решить в рамках системы. Далее они пишут, что «необходимо исходить из конкретных китайских условий, постоянно укреплять механизм демократического контроля, создавать внешние силы давления по отношению ко всей системе управления, и если это принесет нам пользу, то и не следует говорить, что данный метод заимствован у людей Запада, т. е. если что-то необходимо взять у птиц и зверей, то необходимо так поступать. Недавний западный финансовый кризис показал, что капитализм и западная культура имеют глубокие пороки, однако мы не должны пользоваться этими обстоятельствами, чтобы отрицать все, чего они добились, – они руководили миром в течение нескольких столетий, у них есть свои достоинства: наука, промышленность, социализм, демократия – это все великий вклад Запада в человеческую цивилизацию, который невозможно отрицать. В общем, демократия может внести свой вклад в будущее Китая, заключают авторы.

Конкретизируя свое понимание демократии применительно к китайским условиям, авторы говорят о необходимости сделать принимаемые решения более открытыми и прозрачными, доба-

вив к этому силы «большого демократического контроля». По их мнению, китайцы в своей массе испытывают большой интерес к западной политической системе. Однако они подчеркивают, что демократия имеет многообразное содержание, в некоторых случаях она имеет низкую эффективность или вообще неэффективна. В качестве примеров они ссылаются на потасовки депутатов в тайваньском парламенте⁴⁷.

По их мнению, ценность демократии состоит в том, что люди стали все больше понимать, в чем заключаются их права, они стали во всем разбираться, все понимать, им стал доступен Интернет, любое событие благодаря ему становится предметом бурного обсуждения. Потенции и надежды расширяющейся демократии нашли возможности для своего проявления. Сегодня демократия и свобода отвечают насущным интересам людей, они нуждаются в ней, чтобы ограничить чрезмерную власть некоторых чиновников. «Существует точка зрения, – пишут они, – что демократия и свобода не касается простых людей, их интересует лишь еда и деньги, но это не соответствует сегодняшним реалиям. Многие люди убеждены, что в результате развития демократии возникнет Поднебесная людей, имеющих деньги, где через переднюю дверь выпускают волка, а через заднюю дверь выпускают тигра. Подобные рассуждения, конечно, имеют под собой основания. Однако разве “партия бедных” в Непале, Чавес и Нежад взяли власть, не опираясь на демократию? В настоящее время среди ученых можно встретить три мнения: согласно первому Китай обладает большой спецификой, поэтому не стоит торопиться с введением демократии; согласно второму, в Поднебесной не существует демократии; согласно третьему практически в Китае сейчас уже много демократии. Мы согласны с тем, что каждая точка зрения имеет под собой основания, но, образно говоря, если трех сверчков пустить в одну банку, не останется ни одного»⁴⁸. По их словам, существует неразрывная связь социализма и демократии. Мы называем себя сторонниками социализма». Смысл названия социализма – равенство, а демократия – это смысл названия равенства».

Через всю книгу «Китай не испытывает радости» красной нитью проходит мысль о великой цели, которую должен преследовать Китай. Как пишет Ван Сяодун, в течение двух с лишним тысячелетий Китай проявил себя с лучшей стороны, только в последние

100–200 лет «он подкачал». Чтобы осуществить великую цель, необходимо выбрать правильную модель развития. Некоторые предлагают вернуться к социализму. Подобный подход, по его мнению, страдает ультралевизной: «Сталинская система и система китайской традиционной плановой экономики с почетом ушли в прошлое. Если бы в то время было так хорошо, как утверждают некоторые представители левых, мы бы не достигли того, что имеем сегодня, но поскольку мы этого уже достигли, возвращения назад не может быть». В другой своей статье Ван Сяодун фактически солидаризируется с мнением одного американского экономиста левой ориентации, который утверждает, что в Китае не социализм, а государственный капитализм⁴⁹. Новый путь, по которому следует идти, не может быть таким, как предлагают конфуцианцы, ибо в действительности «единство природы и человека», о чем они говорят, не имеет отношения к охране окружающей среды, поэтому не следует думать, что, копируя китайскую традиционную культуру, мы сможем решить наши проблемы⁵⁰. Для осуществления великой цели, подчеркивает он, необходимо иметь волю к борьбе («чжандоу ичжи»), и тогда не потребуются несколько столетий, чтобы решить множество крупных проблем, существующих в Китае, достаточно будет и нескольких десятилетий.

Размышляя над тем, какой общественный строй, политический режим для обеспечения великой цели следует избрать, Ван Сяодун приходит к следующим выводам: при демократическом строе существуют проблемы, однако предлагаемая конфуцианством система наследственной передачи престола тем более не подходит. При любом общественном строе необходимо решить два вопроса. Первый – «эффективность господства» и второй – «кому должна служить власть». Как показывает практика, эффективность демократии не очень высока. В свое время Мао Цзэдун говорил: «Уважаемые люди в действительности оказываются самыми невежественными, занимающие низкое положение самыми умными, массы являются героями», но в действительности, его слова означали отход от проблемы эффективности, да он сам не верил в это, говоря, что это всего лишь политическая технология, а эффективность управления вообще непременно предполагает систему меритократии. С этой точки зрения метод, предлагаемый конфуцианством, – государством управляют мудрые – выглядит неплохо.

Однако как быть, спрашивает Ван Сяодун, если эти «мудрые» действуют не в интересах государства, а в своих собственных, как это мы наблюдаем сегодня? Наши сегодняшние «умные» окончили самые престижные высшие учебные заведения – Пекинский университет и университет Цинхуа, однако как воспрепятствовать тому, чтобы они не занимались коррупцией, не руководствовались только своими собственными интересами? У меня сейчас нет конкретного проекта решения данного вопроса, пишет он, однако я считаю, что внутри «мудрых» должны существовать конкурентный выбор, мирная конкуренция, независимо от того, как вы это назовете – «внутрипартийная демократия» или «строй военной демократии». Последний строй, как известно, существовал у монголов и маньчжур в начальный период их истории. Механизм этой власти был успешным, коллектив их мудрых людей обеспечивал сплочение нации, демонстрировал высокую эффективность управления, здоровую конкуренцию внутри элиты. Конечно, строй военной демократии не может существовать долго, ибо он очень быстро вырождается в диктатуру. В заключение Ван Сяодун, отвечая на упреки своих оппонентов, пишет, что он не противник демократии, просто ему не нравится демократия западного образца. Если история выберет для Китая данную модель демократии, либо же обнаружится, что возможность осуществления других моделей невелика, я поддержу ее, потому что считаю, что любой демократический строй лучше устранения недемократическими методами здоровой конкуренции внутри элиты⁵¹.

Признавая недостатки китайской системы ценностей, авторы книги вместе с тем полемизируют с утверждениями о ее системной отсталости, присущим всем китайцам вредным привычкам, в частности с такого типа утверждениями: «китайцы плюются, где попало, громко кричат, они невежливы, не знают стыда», что вообще проповедуемые китайские образцы честности, мораль гуманности, долга – все это показное! По их словам, авторы подобных утверждений просто невежественны, они не знают ни отечественной, ни мировой истории. Авторы книги убеждены в том, что негативные моменты в поведении, образе жизни, привычках встречаются у многих, если не у всех наций. Наши главные средства массовой информации должны прекратить приукрашивание и мифологизацию западных людей, «открыть» их истинное лицо. К примеру, китай-

ское телевидение уже давно должно показать китайцам, насколько метро и улицы Парижа являются грязными. Яркими примерами опровержения «отрицательных качеств китайцев» служит их поведение во время землетрясения в Вэньчуане, когда они проявили свои лучшие качества. Это выгодно отличает простых граждан нашей страны от поведения жителей Нового Орлеана, где во время наводнения «Катрина» на улицах царил хаос, имели место случаи бандитизма, мародерства, в результате чего войска были вынуждены открывать огонь. Ван Сяодун приводит и другой характерный пример. Когда я говорю, что по своим качествам китайцы выше, чем европейцы и американцы, мне неизменно тычут в нос, что китайцы плюются где попало. Когда я побывал в Лондоне, то на берегу Темзы увидел, что вся набережная заполнена следами от жвачки, окурками сигарет и пустыми пачками из-под них, в общем сплошная грязь. Очевидно, что следы от жвачки гораздо труднее чистить, чем простые плевки. Говорят, что английское правительство ежегодно тратит несколько десятков миллионов фунтов стерлингов на уборку следов от жвачки. Если говорить о чертах характера двух наций, то можно сравнить набережные Темзы в Лондоне и Хуанпу в Шанхае. Мы не можем утверждать, что набережная Хуанпу чище набережной Темзы, практически в обоих случаях ситуация почти одинакова. Однако плотность людей в первом случае намного больше, чем во втором. Однако грязи в Шанхае гораздо меньше, чем в Лондоне. Отсюда можно сделать вывод, качества какой нации выше, заключает Ван Сяодун⁵².

Авторы книги «Китай не испытывает радости» отстаивают национальное достоинство Китая так, как они его понимают. Они все время говорят о великой цели, стоящей перед страной, понимая ее как достижение лидирующего положения в мире. Авторы в целом одобряют политику китайского руководства, считая лишь необходимым усилить ее китаеццентристский характер. В целом ряде статей явно прослеживается тенденция великоханьского шовинизма. В книге приводится разговор одного из их приятелей с жителем Индии во время посещения этой страны, в ходе его выясняется, что в Китае коррупция, например, в дорожном строительстве составляет всего лишь 5 %, в то время как в Индии 95 %, хотя цифра 5 % также составляет внушительную цифру, учитывая масштабы этого строительства. Отсюда делается следующий вывод – в срав-

нении с другими странами третьего мира слой умных людей, т. е. руководителей, в нашем государстве в общем неплох, с этой точки зрения дела у нас идут хорошо. Однако, учитывая численность нашего населения и учитывая постоянно увеличивающийся кризис сырья, мы не можем подходить к себе с такими низкими критериями. «Откровенно говоря, если в будущем возникнет борьба за источники энергии или еще за какое-либо сырье, финал этой нации будет печальным. Мы должны быть намного сильнее других, мы должны лучше всех в мире делать свои дела!»⁵³.

При чтении книги невольно напрашиваются определенные параллели между партийными работниками и теми коммунистами, которые в годы гражданской войны боролись с Гоминьданом. Тогдашние коммунисты были действительно героями. (В качестве примера дается рассказ об одной женщине, работавшей в штабе одного гоминьдановского генерала. Ее заподозрили в том, что она является коммунисткой только потому, что ее поступки были бескорыстными, что делало ее непохожей на гоминьдановских офицеров). Когда в 1927 г. Мао Цзэдун пришел в Цзинганшань, пишут они, у него было всего 100–200 человек, а через двадцать лет он овладел Китаем. А сейчас у нас, чем дальше, тем больше т. н. «технических бюрократов», их отличает рассудочность, делячество, отсутствие идей, позиции, энтузиазма в работе. Их производительность труда очень низка, когда же люди начинают выражать недовольство их работой, они прибегают к административным методам⁵⁴. Сейчас покупающие и продающие все чиновники настолько погрязли в коррупции, что скоро все общество уподобится дряхлеющей лошади, которую нужно будет подгонять хлыстом. Видимо поэтому авторы книги не склонны драматизировать период деятельности Мао Цзэдуна, более того, у них есть ссылки на него.

В книге вообще содержится резкая критика недостатков бюрократической системы управления, существующей в Китае. В качестве примера приводятся случаи разрушения дамб, сокрытия информации, отравленные молоко и яйца и т. п. Возникают вопросы, спрашивают авторы, чем вы, чиновники, занимались все эти годы, в чем состояло ваше руководство, если в течение многих лет людям давали отравленные продукты, а вы занимались тем, что призывали массы потребителей «повысить способность отличать плохие продукты от хороших», но разве у нас дома есть хи-

мические лаборатории? «Существующая закоряченная система управления», указывают авторы книги, может выдержать мелкие и средние кризисы, но, встретившись с кризисом большого масштаба, она повергнет людей в испуг, поэтому ее *необходимо реформировать* (курсив наш. – В.Б.). Подобные явления расхлябанности, продолжают авторы, серьезно подавляют творческие силы нации, ее воображение. К сожалению, социализм, гуманизм, прекрасные традиционные ценности терпели удар за ударом в течение нескольких десятилетий, заново восстановить их, преобразовать и вернуть на прежнее место невозможно за короткий период времени⁵⁵.

Статья одного из авторов Лю Яна «Они всегда – духовные карлики» содержит серьезные обвинения в адрес «западной партии», но одновременно и резкую критику в адрес политики нынешнего руководства Китая. Прежде всего автор статьи подчеркивает, что в условиях нынешнего финансового кризиса, пагубно отражающегося на ситуации в китайской экономике, возникает законный вопрос – как выбрать правильную модель развития, что мы строим – независимую, суверенную страну или же придаток Америки? Он ссылается в связи с этим, на такие области экономики как рынок акций, рынок недвижимости, финансы, которые, по его мнению, находясь в руках компрадоров, оказались тесно связанными с американской экономикой. По мнению Лю Яна, в настоящее время в системах образования, медицинского обслуживания, недвижимости существуют серьезные проблемы. Он считает, что причина подобного положения заключается в том, что в свое время близкие к американцам люди всю пропагандировали американские модели и образования, и здравоохранения, и недвижимости, объявляя их наилучшими в мире. Например, в пропаганде последней системы использовался тезис, что китайские старушки будут жить так же, как американские. «В течение тридцати лет осуществления политики реформ и открытости отвешивались земные поклоны американским моделям, полагались на них, а *в результате реформ почти все без исключения китайцы переживают страдания*»⁵⁶ (курсив наш. – В.Б.).

Различия между двумя моделями развития, продолжает Лю Ян, заключаются не только в сфере идеологии, но и в сфере распределения богатств. Добившиеся успеха в различных сферах общественной жизни близкие к американцам люди используют

различные методы, чтобы отправить своих отпрысков на учебу за границу, прибегая часто к помощи своих американских друзей, а по их возвращении на Родину с иностранным дипломом устраивают в самые «хлебные», самые престижные учреждения. Им не надо заботиться ни о медицинском обслуживании, ни о покупке недвижимости.

Следующие высказывания Лю Яна носят поистине обличительный характер. «Когда загрязнение среды в Китае становится угрожающим, кто продолжает превращать Китай в американский перерабатывающий завод, в результате чего чем больше он производит, тем загрязнение в стране становится все более серьезным, а Америка получает больше барыша? Когда китайцы мучительным трудом зарабатывают немного денег, кто вынуждает их обменивать несколько сот миллионов рубашек на один американский самолет, не желая вкладывать средства в производство собственных больших самолетов? Кто превращает накопленные Китаем некоторые запасы иностранной валюты в американские ценные бумаги, заставляя деньги, заработанные кровью и потом бедных китайцев, отдавать богатым американцам? Кто в условиях недовольства китайцами имущественным неравенством заявляет, что китайцы склонны ненавидеть богатство и искать оправданий для богатых людей?»⁵⁷

Наша точка зрения, подчеркивает Лю Ян, заключается в том, чтобы тщательно проанализировать опыт модернизации Китая. Однако на пути объективного анализа ситуации стоят проамерикански настроенные люди, которые слепо преклоняются перед США. Зачастую они работают на средства американских фондов, более того, знаменитый профессор знаменитого университета после встречи в американским президентом заявил, что «Китай должен стать похожим на США». Подобные утверждения граничат с предательством национальных интересов, тем не менее эти люди приклеивают нам ярлык «противников реформ», «националистов и сторонников автократической диктатуры» и т. п.

Большинство критических суждений, высказываемых Лю Яном и другими авторами книги, справедливы. Действительно, значительная ориентация на американский опыт, чрезмерное увлечение рыночными отношениями, покупка большого количества американских ценных бумаг поставили Китай в значительную за-

висимость от мирового, прежде всего, американского финансового рынка. С другой стороны, вхождение Китая в мировую экономическую систему было неизбежным. Процесс глобализации необратим, хочет кто-либо этого или нет, самодостаточную экономику построить можно, независимую от экономики других стран невозможно. Китай добился впечатляющих успехов именно благодаря экспорту своей продукции, в том числе и рубашек, о которых говорит Лю Ян, и многих других товаров широкого потребления, поэтому утверждать, что Китая стал «придатком Запада» некорректно, неверно. В действительности, обе стороны – и Китай, и Запад (США в том числе) – стали взаимозависимыми. Запад уже не может существовать без торговли с Китаем, без китайских товаров, что предоставляет последнему выгодные позиции в отношениях с Западом, и он, кстати, использует их в своих экономических и политических интересах. Одновременно подобная внешнеэкономическая ориентация создала для Китая определенную опасность, которая выявилась в период мирового экономического кризиса, когда в стране в результате уменьшения спроса на внешнем рынке были вынуждены закрыться сотни экспортно ориентированных предприятий и десятки тысячи людей остались без работы.

Другие серьезные проблемы, которые поднимаются авторами в книге, – это имущественное и социальное неравенство и коррупция. Конечно, это вечные проблемы, особенно последняя, для любого общества, в том числе и для стран Запада. Естественно, что масштабы коррупции в Китае намного выше. И хотя в стране ведется непрерывная и решительная борьба с коррупцией, однако она продолжает существовать. Ее постоянное воспроизведение имеет под собой серьезные основания. Система власти в Китае нуждается в постоянном обновлении кадров, притоке свежих сил. Одновременно сохранение стабильности требует не допускать появления в ней случайных людей, могущих ее расшатать. Во избежание этого приходится прибегать к методам, проверенным десятилетиями, – искать новые кадры через родственные связи, узы дружбы, землячества, а здесь неизбежно появляется возможность коррупции.

Большое внимание авторы книги уделяют освещению в китайских средствах массовой информации, Интернете проблем, связанных с отношением китайцев к внутрисполитическим и меж-

дународным событиям, их взглядами на историю и сегодняшние реалии страны, одновременно они касаются оценки национальных черт характера, обычаев и привычек своих сограждан. В связи с этим критикуются поверхностные представления о западном образе жизни тех китайцев, которые не знают изнутри повседневных реалий стран Запада, в результате чего создается благостное впечатление о них как о государствах «благородных мужей», и многие китайцы действительно начинают верить «этому вранью». В свое время, продолжает дальше Ван Сяодун, я написал статью о рабской психологии некоторых китайских интеллигентов. Они не могут жить без господина и таким господином они выбирают Америку, они преданы ей даже больше, чем сами американцы. Они превращают своего американского господина в идеал, и если вы начнете критиковать его, они начинают конфликтовать с вами. Это весьма опасно для Китая, заключает Ван Сяодун⁵⁸. Вместе с тем он выражает возмущение в связи с позицией представителей либеральной интеллигенции, которые всячески расхваливали реформы, фактически присвоив себе монопольное право представлять ее достижения, но «как только начинают возникать те или иные проблемы, они умывают руки, заявляя, что они не имеют никакого отношения к безрадостным последствиям, так или иначе связанным с реформами»⁵⁹. По мнению Ван Сяодуна, антикитайский уклон среди целого ряда работников идеологического фронта, деятелей культуры, журналистов достиг крайне опасного уровня. Они буйствуют в своей ненависти к собственному государству, конечно, у них есть для этого некоторые основания – исторические и связанные с сегодняшней жизнью, однако какие бы ни были основания, нельзя буйство считать правильным, буйство есть болезнь, а болезнь есть болезнь⁶⁰. Одновременно имеет место восхваление Запада вроде того, что все совершаемое Америкой правильно, она страна великая, другими словами, имеет место уничижительное отношение к собственной культуре.

Заслуживает внимания оценка Ван Сяодуном такого события, как проведение Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. Он считает, что нельзя придавать им такое значение, какое они не заслуживают. Это всего лишь игры, успешное проведение которых доставило радость нашим гражданам, но нельзя сравнивать их с такими событиями, как, например, строительство гидроэлектростанции

в Трех ущельях, запуск космических кораблей. В связи с этим он вспоминает свой разговор с немецким журналистом в 2001 г. после того, как Китай выиграл право на проведение Олимпийских игр. Когда он сказал мне: вы, конечно, испытываете гордость по этому случаю, пишет Ван Сяодун, я ответил ему следующее: «Китай как великая держава стоит непоколебимо в мире вот уже несколько тысячелетий, он совершил намного больше дел, чем Олимпийские игры, но не будем говорить о них, поговорим о последних нескольких десятилетиях, в эти годы были свершения, более значительные, чем Олимпийские игры, разве, например, разгром войск Объединенных наций в корейской войне не более значительное событие?» Услышав мои слова, немец остолбенел, заканчивает Ван Сяодун⁶¹.

Другой автор книги, Сун Цян справедливо пишет о том, что ненависть не может быть общим чувством национального государства, ибо это чревато гражданской войной, политика должна основываться на разуме, ибо в противном случае невозможно будет добиться осуществления великой цели. Двадцатый век, пишет он, действительно принес китайцам много разочарований, страна прошла извилистый путь, мы искали, но разве сегодня наша цель состоит в приукрашивании действительности либо разжигании ненависти, чтобы у нас не оставалось надежды, чтобы это было сплошным пораженчеством⁶². Между тем некоторые люди и внутри Китая и за границей, прикрываясь красивыми фразами о «народном благосостоянии» и о либерализме, стали так оценивать современную историю Китая: в ней не было справедливости, не было гуманности и любви, китайская нация не внесла никакого вклада в человеческую цивилизацию. Одним словом, за сто лет в истории Китая было так много бесчеловечных грехов, что его уничтожение не вызовет никаких сожалений, с грустью замечает автор.

Сун Цян решительно возражает против такого подхода. Нельзя, подчеркивает он, рисовать историю Китая только одной черной краской. В 2006 г. я давал интервью, пишет он, по поводу тридцатилетия смерти Мао Цзэдуна, и тогда сказал, что у него есть заслуги в обретении Китаем независимости, социальных реформах (включая освобождение женщин), промышленной революции и в создании основ государства. Самая главная заслуга состоит именно в обретении независимости. Мы не хотим отвергать

Мао Цзэдуна, но и не хотим прикидываться, что мы не понимаем «чувств партии шрамов» (речь идет о людях, пострадавших от репрессий во времена Мао Цзэдуна. – В.Б.). Мы несомненно поддерживаем политику реформ и открытости, но с точки зрения логики истории она является результатом предыдущих тридцати лет, мы должны гордиться энергией китайцев приводить все в порядок и отстраивать заново⁶³. В заключение своих размышлений о прошлом и настоящем страны Сун Цян приводит следующий факт: после того как один завод по производству военных судов был закрыт по причине банкротства, инженеры и техники, работавшие на нем, были вынуждены уехать на работу в другие города, но, выйдя на пенсию, они как туристы вновь возвращаются в этот город, ибо в нем прошла их молодость, лучшие годы их жизни. Некоторые умники, пишет автор, смеются над ними, а я не смеюсь. Очень легко принижать, красить в черное усилия нескольких поколений. Путин как-то сказал очень хорошо: думать вернуться в прошлое – значит не иметь головы, но не помнить о нем – значит не иметь совести. Отмечая 60-ю годовщину создания нашего государства, мы должны отдать дань уважения нашему старшему поколению. Мы должны помнить, что наше героическое государство создано упорным трудом народа, усилиям армии. Поэтому наш враг – это наше собственное пораженчество, это нельзя назвать иначе как психологической трагедией современного китайского общества, что наносит вред возрождению Китая и его национальным интересам.

В связи с этим Сун Цян приводит слова Си Динпина, которого зарубежные средства массовой информации, в том числе и российские прочат в качестве преемника Ху Цзинтао, сказанные им в начале 2009 г. китайским эмигрантам (хуацяо) в одной из латиноамериканских стран: «Некоторые наевшиеся досыта и не знающие чем заняться иностранцы оживленно обсуждают наши дела. Отвечаю: Китай, во-первых, не экспортирует революцию, во-вторых, не экспортирует голод и нищету, в-третьих, не причиняет вам страданий, что еще нужно добавить?»⁶⁴.

Сун Цян вынужден констатировать, что некоторые средства массовой информации, как, например, гуанчжоуская газета «Наньфан чжоумо» целенаправленно искажает реальные исторические события в угоду своим идеологическим пристрастиям. Одновременно она намеренно забывает о тех фактах истории, ко-

торые могут в невыгодном свете представить Запад, США, или же дает их необъективно. Один из китайских студентов, обучающийся в Питтсбургском университете, так охарактеризовал позицию гуанчжоуской газеты: «Ее особенность состоит в том, что она любит сообщать о фактах двойного рода, во-первых, о печальных событиях внутри страны, чтобы показать страдания народа, и, во-вторых, об имеющих отношение к либерализму, чтобы воспевать западный мир, главным образом, американскую идеологию... я не могу не сказать, что газета более СНН, чем само СНН»⁶⁵.

Они подчеркивают, что гуанчжоуская газета отражает взгляды некоторых представителей либеральной интеллигенции, которые чувствуют себя неудобно, когда массы начинают реагировать на унижение и оскорбление со стороны иностранцев, тогда они начинают говорить о «невежественности и нецивилизованности», «отсутствии поведения, достойного великого государства», «отсутствии глобального подхода», «заботе о движении Китая вперед». Либеральная интеллигенция и представляющая ее газета отвергает все взгляды, делающие упор на интересах государства.

Следует сказать, что симпатии авторов книги «Китая не испытывает радости» явно на стороне Советского Союза и России. Это проявляется во многих моментах: и в оценке российско-грузинского конфликта, где они поддерживают позицию России, и в ностальгии по могущественному Советскому Союзу, который успешно противостоял США и в одобрении внешней политики Путина, которая, по их мнению, направлена на отстаивание национальных интересов. По их мнению, это оказывает влияние на изменение настроений нынешней российской молодежи; если молодых людей периода распада Советского Союза Виктор Пелевин называет «поколением пепси-колы», а поколение середины 1990-х гг. можно назвать «потерянным», то в последние годы молодые люди, по их словам, вновь обрели уверенность в своих силах, сейчас весь мир узнал песню, которую они распевают:

Пятнадцать лет назад,
Когда наше государство
Исчезло в один день,
Они смеялись над нами,
Наши родители потеряли все накопления своей жизни,
Нет пенсий, нет будущего,

Однако сейчас мы вновь воспрянули духом,
Сейчас мы должны действовать,
Мы сможем стать сильными,
Ибо наши предки во время
Войны проливали кровь,
Защищая Родину!

Размышления одного из авторов книги Сун Цяна по поводу Советского Союза и России заслуживают того, чтобы их привести целиком. «Нынешняя психологическая реальность заключается в том, что в России наблюдается историческая трагедия всего народа. Нынешнее молодое поколение России не знает, что в ее истории существовал Советский Союз, великая Красная армия и великая космическая программа, все, что касается славы великого государства уже выброшено из учебников и основных книг. Что же у них еще осталось в голове о нескольких десятилетиях существования Советского Союза? Полная беспросветность, проклятая история – более фашистская, чем сам фашизм, народ, живущий жизнью подобной скотской. Советский Союз это не нечто, что нельзя потрогать, его прекрасное сохранено в книгах и музыкальных произведениях, но сами его реалии уже не существуют... Память уже стирают. Ленинград переименован в Санкт-Петербург, все следы бесследно исчезают, разве это не трагедия всей нации? История Советского Союза описывается как сплошные черные замыслы, наполненная гнусными и кровавыми дворцовыми тайнами. Это литературный прием погони за сенсацией, а не правильный подход к истории человеческой цивилизации...

У меня нет больших прав оправдывать историю Советского Союза, однако если брать в качестве примера его полный крах, то мы стали очевидцами удивительного процесса замены одного господствовавшего описания истории другим господствующим описанием, уничтожение истории, изменение памяти, исправление общепризнанных вещей, именно так происходит изменение господствовавшего ранее описания. Если не так, то по-другому. Разве история так поверхностна? Я высказываю свою личную точку зрения – я не верю, ...когда господствующим на Западе описанием заменяют метод традиционного описания, разве мы не понимаем, что имеем дело с новым насилием? Неужели множество нехороших дел в эпоху Советского Союза было срежиссирована-

но КГБ»⁶⁶. В связи с переписыванием в настоящее время в России истории Советского Союза Сун Цян вспоминает слова Оруэлла из его романа «1984 год»: «Тот, кто контролирует историю, контролирует будущее, тот, кто контролирует сегодняшнюю реальность, тот контролирует историю» И другие его слова: «Контроль над памятью, ее урезание, исправление, редактирование является самой большой трагедией нашей эпохи»⁶⁷.

Идеи, содержащиеся в книге «Китай не испытывает радости», отражают определенный пласт общественного мнения, настроения, существующие среди представителей молодого и среднего поколения ученых, журналистов, лиц свободных профессий. Они мыслят китаецентристски, весь пафос их идей направлен против западного мира (включая естественно Японию, к которой у Китая давние исторические счеты), прежде всего США. Их взгляды питаются возросшим потенциалом экономической и соответственно политической мощи Китая, они не всегда понимают, что политика – это искусство возможного, что китайское руководство постепенно и постоянно наращивает, укрепляет свои позиции в мировом сообществе, не делая при этом резких необдуманных шагов, но прибегая в нужный момент к грозным заявлениям и решительным действиям. В результате политики реформ и открытости Китай вошел в тройку мировых лидеров по объему ВВП, его руководство развивает и новые технологии, используя опыт совместных предприятий, и успешно осваивает западный рынок, проявляя явное стремление в последнее время к покупке активов западных компаний. С его мнением уже не могут не считаться не только Япония и страны Европейского Союза, но сами США. Авторы книги «Китай не испытывает радости» хотят ускорить процесс превращения Китая в главного мирового лидера, но в отличие от них руководство страны, обладая большим политическим опытом и самое главное необходимой разнообразной информацией, идет к этой цели медленно, но неуклонно. Вообще говоря, можно предположить, что авторы книги, несмотря на их критический настрой, мыслят в унисон со своими руководителями. Вполне также возможно, что высказываемые ими идеи, если не все, то некоторые, разделяются определенной частью китайской политической элиты, например, относительно стратегии США в отношении Китая.

Широкий спектр мнений, существующий в китайском общественном сознании, отстаиваемые китайскими учеными, аналитиками, публицистами идеи о необходимости демократизации политической системы страны свидетельствуют о постепенном формировании в Китае гражданского общества.

Примечания

- ¹ Об уровне знания представителями российской политической элиты реалий китайского общества свидетельствует утверждение Б. Немцова о том, что в Китае пенсию получают только члены Коммунистической партии. Это утверждение тиражируется средствами массовой информации и тем самым внедряется в сознание россиян.
- ² Бюро переводов при ЦК КПК – учреждение, непосредственно подчиненное Центральному Комитету Коммунистической партии Китая. Кроме переводческих и чисто информационных функций осуществляет серьезную научно-исследовательскую работу.
- ³ За два с половиной года выдержала пять изданий.
- ⁴ См.: *Юй Кэпин*. Демократия – это хорошая вещь. Пекин: Изд. Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2006. С. 002–003 (на кит. яз.).
- ⁵ Там же. С. 003.
- ⁶ Там же. С. 004.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: *Юй Кэпин*. Пусть демократия осчастливит Китай. Пекин: Изд. Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2009. С. II–V (на кит. яз.).
- ¹⁰ Там же. С. 7.
- ¹¹ Там же. С. 136.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 134–136.
- ¹⁴ См.: КНР: Поиски стабильности на пике мирового финансового кризиса. М., 2009. С. 170–171.
- ¹⁵ См.: *Юй Кэпин*. Пусть демократия осчастливит Китай. Пекин: Изд. Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2009. С. 132 (на кит. яз.).
- ¹⁶ Там же. С. 134.
- ¹⁷ Там же. С. 139.
- ¹⁸ Там же. С. 140.
- ¹⁹ Там же. С. 53.
- ²⁰ См.: *Юй Кэпин*. Демократия – это хорошая вещь. С. 072.
- ²¹ Там же. С. 073.
- ²² Система регистрации (хукоу) требует от каждого китайского гражданина быть официально и постоянно зарегистрированным властями.
- ²³ Автор данной статьи весной 2000 г. лично видел в Шанхае на досках объявлений, размещенных возле здания городского суда, его решения по гражданским делам.

- 24 Обсуждаемое многими в Китае возможное назначение Юй Кэпина на пост директора Бюро переводов при ЦК КПК не состоялось. На этот пост в начале 2010 г. был назначен другой человек. Юй Кэпин остался на своем прежнем посту.
- 25 Подробнее об этом см. статьи В.Г.Бурова в журнале «Вопросы философии» (2008. № 8. С. 16–38) и в книге «Актуальная социал-демократия в XX веке» М., 2009. С. 265–291.
- 26 См.: «Яньхуан чуньцю». 2009. № 6. С. 9.
- 27 Там же.
- 28 Там же. С. 11.
- 29 См.: «Яньхуан чуньцю». 2006. № 8. С. 3.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 4.
- 36 Там же.
- 37 КНР: поиски стабильности на пике мирового финансового кризиса. М., 2009. С. 23.
- 38 Там же. С. 24.
- 39 Подробнее о содержании «Хартии 08» см.: Там же. С. 22–36.
- 40 Подробнее о содержании книги «Китай может сказать нет» см.: Духовное измерение современной политики. М., 2003. С. 92–98.
- 41 См.: Китай не испытывает радости. Нанкин: Изд. Цзянсу жэньминь чубаньшэ 2009. С. 174 (на кит. яз.).
- 42 Там же. С. 58.
- 43 Там же. С. 29.
- 44 Там же. С. 30.
- 45 Там же. С. 31.
- 46 Там же. С. 31–32.
- 47 Там же. С. 32.
- 48 Там же. С. 73.
- 49 Там же. С. 134.
- 50 Там же. С. 145.
- 51 Там же. С. 146.
- 52 Там же. С. 244.
- 53 Там же. С. 19.
- 54 Там же. С. 30.
- 55 Там же. С. 31.
- 56 Там же. С. 228.
- 57 Там же.
- 58 там же. С. 211–212.
- 59 Там же. С. 218.
- 60 Там же. С. 206.

- ⁶¹ См.: Китай не испытывает радости. Нанкин, изд. Цзянсу жэньминь чубаньшэ 2009. С. 242.
- ⁶² Там же. С. 52.
- ⁶³ Там же. С. 53.
- ⁶⁴ Там же. С. 161.
- ⁶⁵ Там же. С. 221–222.
- ⁶⁶ Там же. С. 225.
- ⁶⁷ Там же. С. 226.

Содержание

Предисловие	3
<i>В.И.Спиридонова</i>	
Предпосылки и логика российских трансформаций.....	9
<i>Р.И.Соколова</i>	
Современная российская реальность в контексте её исторического взаимодействия с Западом	54
<i>В.Н.Шевченко</i>	
Модернизации российского общества или особый путь развития?	102
<i>Е.В.Осипова</i>	
Роль человека в современном обществе: необходимость новой методологии анализа	155
<i>В.Г.Буров</i>	
Современный Китай: государство, развитие демократии и формирование гражданского общества	181

Научное издание

Современное государство, социум, человек: русская специфика

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 29.06.10.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 12,93. Тираж 500 экз. Заказ № 016.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

Издания, готовящиеся к печати

1. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2010. – 255 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0174-7. –**

Четвертый выпуск сборника посвящен анализу актуальных аспектов развития гуманитарной экспертизы, а также проблемам биоэтики и виртуалистики. Особое внимание авторы уделяют соотношению рационального и иррационального в различных аспектах человеческой жизни: телесности, социуме, властных структурах, обучении, творчестве. Комплексный подход к изучению проблем человека находит свое воплощение в материалах, посвященных модификации человеческой природы.

2. **Глобализация и проблема сохранения культурного многообразия [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Ю.В. Хен. – М. : ИФРАН, 2010. – 239 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0157-0.**

В книге рассмотрены различные аспекты проблемы сохранения многообразия культурных традиций в условиях глобализации. Проведен философский анализ вызовов и противоречий, возникающих при том или ином решении проблемы. Состав авторского коллектива позволяет рассмотреть проблемы глобализации под оригинальным углом зрения, например как фактор эволюционного развития человечества, как проблему когнитивной эволюции, как источник наукоемкого терроризма и т. д., что обеспечивает определенную новизну взгляда на процесс глобализации.

3. **Ивин, А.А. Человеческие предпочтения [Текст] / А.А. Ивин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 122 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 120–122. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0163-1.**

В монографии рассматриваются предпочтения (сравнительные оценки), выражаемые обычно с помощью терминов «лучше», «хуже», «равноценно». Затрагиваются три темы: роль предпочтений в человеческой деятельности, логический анализ предпочтений и система предпочтений, предполагаемых научным методом. Строятся новые логические теории предпочтений, в частности, логики предпочтений, не являющихся транзитивными.

4. **Кристалёва, Л.Г. Философия и этика поступка (структура и значение поступка в различных культурно-исторических обстоятельствах – опыт реконструкции) [Текст] / Л.Г. Кристалёва ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 123 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0169-3.**

Перед каждым человеком стоит парадоксальная задача – стать самим собой. Как человек движется навстречу к себе? Классические тексты, относящиеся к разным эпохам и культурам, дают схожий ответ – путем поступка.

Книга включает три исследования, ставшиеся результатом медленного чтения платоновской «Апологии Сократа», «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки и романа «Братья Карамазовы» Ф.М.Достоевского. Тщательный анализ позволил по-новому понять события, запечатленные в этих текстах.

5. **Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Г. Федотова. – М. : ИФРАН, 2010. – 274 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0170-9.**

В монографии обсуждаются глубокие перемены, обусловленные подключением к интенсивному мировому развитию и экономическому росту ряда незападных стран и увеличением числа потребителей ресурсов. Эта меняющаяся социальная реальность сегодня плохо описывается классической концепцией прогресса, характеризующей Запад как универсальный образец развития для незападных стран, обреченных на стратегию догоняющей модернизации.

В книге рассматривается классическая концепция прогресса, ее регулятивное значение для понимания новых форм прогресса и модернизации, а также дискуссии по данному вопросу.

Отдельный раздел посвящен проблемам прогресса и модернизации России.

6. **Михалев, А.А. Проблема культуры в японской философии. К. Нисида и Т. Вацудзи [Текст] /А.А. Михалев ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – 77 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 70–76. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0161-7.**

Монография посвящена рассмотрению культурологических взглядов двух видных философов довоенной Японии – Китаро Нисида (1870–1945 гг.) и Тэцуро Вацудзи (1889–1960 гг.). Культуры Древней Греции, Европы, Индии, Китая и Японии осмысливаются К.Нисида через дихотомию бытия–небытия. Теория культуры Т.Вацудзи основывается на понятии «климата». Т.Вацудзи предлагает своеобразную

типологию мировой культуры, выделяя культурно-пространственные ареалы «муссонного» (Индия, Китай, Япония), «пустынного» и «пастбищного» или «лужайкового» (Европа) типа.

Издание рассчитано на специалистов-востоковедов, историков философии, культурологов и всех интересующихся духовной культурой Востока.

7. **Ориентиры... Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2010. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0166-2.**

Сборник «Ориентиры...» (вып. 6) посвящен различным аспектам изучения идеологических процессов. Идеология, будучи крайне сложным явлением, включает не только распространенные представления о политических и социальных явлениях. Она пронизывает все стороны жизни общества, всю культуру. Поэтому в сборник включены статьи, рассматривающие как общественное сознание в целом с этой точки зрения, так и идеологические процессы, происходящие в конкретных областях культуры (науке, искусстве, политике, в образе жизни).

8. **Павлов, К.А. О природе логических рассуждений [Текст] / К.А. Павлов; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 155–157. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0164-8.**

Монография является исследованием в области философии логики. Критически анализируется «субстанциальное» понимание логики, проистекающее из стремления считать, что логические формы обязаны иметь знаковый характер. Особое внимание уделяется смыслопорождающим и коммуникативным аспектам логики, без учета которых невозможно ставить вопрос ни о теоретической реконструкции логики научных открытий, ни о компьютерном моделировании процессов логического рассуждения.

9. **Политико-философский ежегодник. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. И.К.Пантин. – М.: ИФРАН, 2010. – 194 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0172-3.**

Третий выпуск «Политико-философского ежегодника» посвящен исследованию капитализма, его политическим институтам и ассоциируемым с ними политико-философским теориям. Другой важной темой выпуска является изменение вектора политического развития нашей страны за прошедшие два десятилетия, история Новой

России подробно освещена под этим углом в статье И.К.Пантина о «российском выборе». Кроме того, в выпуске получила продолжение ставшая традиционной рубрика о проблемах политического образования.

- 10. Спектр антропологических учений. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. П.С.Гуревич. – М.: ИФРАН, 2010. – 194 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0173-0.**

За последнее время в европейской философии радикально изменились философские представления о человеческой природе. Решительное преобразование прежних взглядов обусловлено, прежде всего, открытиями в области медицины и естествознания, движением «трансгуманистов», которое поставило перед собой задачу создать «постчеловека», становлением трансперсональной психологии, выступившей против картезианско-ньютоновской картины мира, и развитием постмодернистской рефлексии, декларирующей «смерть человека».

Современные дискуссии о человеческой природе актуализируют проблему антроподицеи. Сегодня актуальной оказывается сама задача оправдания человека как особого рода сущего.

- 11. Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. – Вып. 4 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская. – М. : ИФ РАН, 2010. – 159 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0171-6.**

Сборник включает разделы по истории и теории эстетики. Анализируются мало исследованные аспекты эстетики автора «Ареопагитик» и кантианские истоки теории символа Вл. Соловьева. Намечены новые подходы к осмыслению безобразного как эстетической категории. В разделе «Живая эстетика» рассмотрены вопросы методологии историко-эстетического исследования, формирования постнеклассического эстетического сознания: современной философии искусства. Особое место уделено полемике вокруг новейших тенденций в эстетике на материале последних публикаций американских исследователей.